
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

После ночного полета.
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Утром на Красной площади.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: В парке города Калинина.
Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 11 (1604) 9 МАРТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КАНДИДАТЫ НАРОДА

Шамама Гасанова, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Первого мая, Карягинского района, Азербайджанской ССР,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Сабирабадскому избирательному округу.

Фото М. Фришмана.

Татевик Тиграновна Сазандарян, народная артистка СССР, солистка Ереванского академического государственного театра имени Спендиарова,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Котайкскому избирательному округу.

Фото А. Экекяна.

Хильда Кристьяновна Пирн, учительница Таллинской средней школы № 3,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Морскому избирательному округу.

Фото С. Розенфельда.

Софья Моисеевна Буачидзе, профессор кафедры госпитальной хирургии Тбилисского медицинского института,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Хулойскому избирательному округу.

Фото В. Джейранова.

Галина Семеновна Емельянцева, бригадир монтажного участка ленинградского завода «Светлана»,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Ленинградскому городскому избирательному округу. На снимке: Г. С. Емельянцева (справа) помогает молодой работнице Жанне Коломенской.

Фото Б. Уткина.

Степанида Демидовна Виштак, дважды Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза «Радянська Украина»,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Васильковскому избирательному округу. На снимке: С. Д. Виштак в детском саду.

Фото Н. Козловского.

БОЛЬШОЙ ШАГ ВПЕРЕД

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ

Секретарь Краснодарского крайкома КПСС

Изменение функций МТС, их взаимоотношений с колхозами давно назрело как одна из важнейших проблем нашего строительства.

Содержащиеся в тезисах доклада Н. С. Хрущева положения о путях дальнейшего развития колхозного строя, о реорганизации машинно-тракторных станций убедительны, теоретически доказаны и ясны. Вне сомнения, вся партия, весь народ их с воодушевлением поддержат.

За 30 лет своего существования МТС сыграли большую роль в объединении крестьян в колхозы и укреплении хозяйства. Они преобразовали деревню. Деревня стала другой, а это значит — другими стали наши колхозники.

Жизнь не стоит на месте, постоянно рождаются новые условия ее развития и новые противоречия. За последние годы отношения между МТС и колхозами значительно изменились, тогда как организационные формы остались прежними. Известно, что основные средства производства до поры до времени полностью находились в руках государства, в руках МТС. А теперь, например, колхозы Кубани имеют в своем распоряжении не только мелкий сельскохозяйственный инвентарь, но и около 8 тысяч автомашин, 900 тракторов, десятки комбайнов, мощные электростанции, ремонтную базу.

Такое перемещение средств производства из МТС в колхозы не только не повредило интересам государства, а, напротив, укрепило колхозы, их экономику, а следовательно, и в целом колхозную систему, все наше государство.

Местные работники еще 2—3 года назад видели серьезные осложнения во взаимоотношениях МТС с колхозами и все время искали пути улучшения этих взаимоотношений, чтобы более производительно использовать технику.

Еще в 1955 году в отдельные МТС нашего края бригадирами тракторных бригад были направлены участковые агрономы. Получив в руки технику, они улучшили ее эксплуатацию, но все же настоящими хозяевами производства не стали, пока на полях были хозяевами, помимо тракторных бригад, и полеводческие.

В этих колхозах и МТС был сделан второй шаг: полеводческие и тракторные бригады объединились в комплексные тракторно-полеводческие. С какой целью? Ликвидировать двойственность в руководстве колхозным производством, сосредоточить все средства производства в одних руках.

Но и этим дело не закончилось. За последние годы произошло укрупнение колхозов. В нашем крае количество их сократилось втрое. Свыше 30 МТС обслуживают только по одному колхозу. МТС и колхоз отвечают за выполнение одних и тех же показателей — урожайности, продуктивности скота, выхода продукции с единицы земельной площади. По существу, это означало: сохранились параллелизм и многочисленные неоправданные затраты на содержание большого штата специалистов и руководителей.

Так возникла необходимость организации единого руководства производством МТС и колхозов. И вот в 1957 году в двенадцати МТС и колхозах Кубани руководство было полностью объединено, и это принесло положительные результаты.

Таким образом, сама жизнь заставляла нас передать технику в руки одного хозяина и тем самым добиться более эффективного ее использования.

Отдельные товарищи боятся, что при условии передачи техники колхозам мы ослабим наши позиции в дальнейшем развитии сельского хозяйства. Эти опасения совершенно не оправданы и связаны, очевидно, с непониманием тех изменений, которые произошли в процессе развития двух форм собственности. Никто не отрицает, что грань между групповой и общенародной собственностью все время стирается и в дальнейшем будет еще больше стираться. Чем быстрее будут развиваться производительные силы сельского хозяйства, тем быстрее наступит тот момент, когда групповая (колхозная) собственность перерастет в общенародную.

В подтверждение положений, выдвинутых в тезисах Н. С. Хрущева, о перерастании колхозной собственности в общенародную могут служить примеры из жизни колхозов Кубани.

Чем большие доходы колхозы получают, тем больше они выделяют средств в неделимые фонды, тем больше, следовательно, строят и поднимают на более высокую ступень общественное хозяйство.

Известно, что строительство школ, больниц, клубов, кинотеатров, магазинов, дорог обычно идет на государственные средства. А как поступают наши кубанские колхозы? Они отказались брать деньги от государства на эти объекты и строят их на свои средства. Разве это не свидетельствует о стирании грани между колхозной и общенародной собственностью?

Перестройка работы МТС принесет огромную пользу и колхозам и государству. Денежный доход колхозов Краснодарского края за 1957 год составляет примерно 3 миллиарда рублей. В неделимые фонды будет отчислено около 700 миллионов рублей, то есть до 25 процентов. По нашему мнению, 400 колхозов, наиболее экономически сильных, могут выкупить технику, переданную от МТС, в течение 2—3 лет, а 30—35 колхозов могут выкупить ее в течение одного года. Недавно в колхозе имени Калинина, Ново-Титаровского района, состоялось общее собрание, посвященное обсуждению тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева. Председатель колхоза В. Бабенко заявил на этом собрании: «Мы подсчитали, что наш колхоз имеет возможность в 1958 году выкупить у государства всю технику и сельскохозяйственный инвентарь, необходимые для успешного ведения хозяйства и выполнения намеченных планов. Для оплаты машин нам потребуется выделить примерно 2 500 тысяч рублей. В 1957 году на полях колхоза работали 60 тракторов, 20 зерновых комбайнов и другие машины. Посоветовавшись с бригадирами и специалистами, членами правления, колхозным активом, мы пришли к выводу, что если подойти по-хозяйски, то сможем выполнить тот же объем работ с меньшим количеством техники. Колхоз будет приобретать только те машины, которые ему необходимы».

В колхозе «Победа», Кореновского района, подсчитано, что те машины, какие работают сейчас от МТС на полях колхоза, обойдутся артели в 600 тысяч рублей. Эту сумму колхоз может уплатить за один год.

Уже сейчас многие колхозы Кубани приступили к покупке техники МТС, решив полностью оплатить стоимость машин в этом же году.

Общая стоимость машин, оборудования и инвентаря, предполагаемая для передачи колхозам, составит 650 миллионов рублей. Некоторые колхозы вносят предложение, чтобы часть этой суммы погасить не деньгами, а продуктами сельского хозяйства.

На базе наиболее технически оснащенных МТС надо организовать ремонтно-технические станции с программой годового ремонта 150 тракторов и 250 тракторных двигателей. В нашем крае целесообразно создать примерно 60 таких межколхозных ремонтных мастерских. Кроме того, необходимы 18—20 межрайонных мастерских по капитальному ремонту автомашин колхозов.

Предварительно подсчитано, что на Кубани в результате перестройки работы МТС штат сократится на 7 700 человек, государство получит экономию в 70 миллионов рублей в год. Специалисты могут быть использованы в колхозах.

В целях сохранения кадров механизаторов, особенно в переходный период, следовало бы оставить действующий порядок выплаты гарантийного минимума для трактористов и прицепщиков. Выдачу гарантийного минимума надо производить за счет колхоза. Не нужно пересматривать и положение по оплате комбайнеров, машинистов лафетных жаток и других специалистов, работающих на сложных машинах и перешедших на работу в колхоз.

В связи с передачей машинной техники МТС колхозам необходимо изменить порядок снабжения колхозов машинами и товарно-материальными фондами. Мы полностью согласны с положениями тезисов Н. С. Хрущева о том, чтобы все снабжение колхозов материально-техническими средствами и горючим сосредоточить в системе ремонтно-технических станций с установлением единых государственных цен.

С другой стороны, необходимо пересмотреть и существующий порядок поставок колхозами сельхозпродуктов государству. Нам кажется правильным установление одного вида заготовок, без деления на госпоставки, натуроплату и госзакупку, с единой ценой, выгодной для государства и для колхозов. Размеры поставок следует устанавливать из расчета на 100 гектаров сельхозугодий с учетом особых условий отдельных зон и районов.

Хотелось бы высказать свои соображения еще по одному вопросу. Всем известно, какую положительную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов сыграл трудодень. Для характеристики трудового участия колхозника у нас обычно говорят, что он, например, заработал 300 или 400 трудодней. А ведь не секрет, что трудодень не может в полной мере служить мерилом затраты рабочего времени. Трудодень — довольно абстрактное понятие. Не выражает трудодень и затрат труда на выполнение работ и в конечном счете на единицу продукции. К тому же, трудодни нередко начисляются без нормативов, разбазариваются. Приведу такой пример. В колхозе «Ильич», Темрюкского района, шоферу тов. Цикуренко было начислено за 8 месяцев 1957 года 1 014 трудодней, в том числе только в августе — 327 трудодней, то есть по 11,6 трудодня за рабочий день. В этом колхозе средний заработок шоферов более чем в 5 раз превышал заработок колхозников, занятых в полеводстве. Аналогичное положение в колхозе «Путь к коммунизму», Тимашевского района, где трактористу тов. Осадчему за 12 рабочих дней начислили 550 трудодней — по 40 трудодней за смену.

О чем говорят эти факты? Прежде всего о том, что назрела необходимость коренным образом изменить систему оплаты труда в колхозах. Передовые колхозы Кубани экономически окрепли, имеют высокие доходы и могут перейти на денежную оплату труда. Преимущества такого решения вопроса очевидны: денежная оплата даст возможность установить строгий контроль рублем и поставит оплату труда в соответствие с выработкой.

Далее, колхозы смогут учитывать затраты рабочего времени непосредственно на единицу продукции, а значит, определить ее себестоимость, сравнивать результаты производства за ряд лет.

Намечаемая перестройка имеет исключительно большое значение. Несомненно, она явится новым, крупным шагом по пути строительства коммунистического общества.

ГЕРОИ СОРЕВНОВАНИЯ

Александр МИХАЛЕВИЧ

...Самый старый и самый богатый новым опытом — украинский колхоз имени Буденного, где бессменным председателем Макар Анисимович Посмитный. Не так просто перечислить хотя бы то, что построил колхоз, например, в прошлом году. Интернат при средней школе на шестьдесят человек. Столовую. Мельницу. Птичник. Площадку для механического доения коров. Артезианский колодец. Три овощехранилища. Водопровод протяженностью в полтора километра. И еще сорок два дома для колхозников...

За всеми новыми успехами Посмитного, удостоенного ныне второй золотой медали Героя Социалистического Труда, угнаться нелегко... Но всегда ли мы отдаем себе ясный отчет в основной, главной заслуге Посмитного и таких же, как он, запевал колхозного движения на Украине?

Как-то весной я слушал выступление Посмитного на совещании передовиков сельского хозяйства Украины. Макар Анисимович вначале суховато перечислил достижения колхоза, а потом сказал, что в колхозе должны дружить «дисциплина и инициатива». О дисциплине он еще и еще раз сказал очень значительно и назвал красноречивую цифру: «Каждый колхозник у нас выработал в среднем четыреста трудодней». А потом у него вырвалось и такое выражение: «Красота дисциплины». Мол, за всем, что мы имеем в колхозе: за бурной стройкой, за 15-рублевым трудоднем, за непрерывным, крутым подъемом хозяйства,— стоит сознательная, нерушимая дисциплина, красота дисциплины.

Да, думал я, уходя с совещания, возникают и будут возникать десятки и сотни важнейших проблем в колхозах, но все это может быть непрочно, зыбко, бумажно, без основы основ — без «красоты дисциплины».

Вскоре после взятия власти рабочими и крестьянами Ленин говорил о задаче трудовой дисциплины как о самой трудной задаче «всемирно-исторического значения».

Только с высоты этих ленинских слов можно до конца понять и оценить историческую важность создания таких образцовых хозяйств, где уважают труд каждого и никто не отлынивает от общего труда, где достигают зажиточности без воровства и обмана.

Созданию именно такого хозяйства, такой образцовой ячейки нового общества отдал десятилетия жизни сельский коммунист Посмитный.

...Говорил недавно Макар Анисимович:

— Не знаю, сколько мне еще жить осталось — шестьдесят четыре стукнуло,— но обязательно доживу до того времени, чтобы в любой год, при любых условиях и погоде урожай зерна кукурузы на всей площади был не менее ста центнеров с гектара.

Неуемный человек!

Пройдут годы, появятся, да они и есть уже, председатели колхозов образованнее Посмитного, будут и повыше урожаи, но одного уже никто не отнимет у Макара Анисимовича: ту новую дисциплину небывалых товарищеских и общественных связей, которая ведет нас к коммунизму, которую искали, находили такие, как Посмитный, как Дубковецкий...

Вот сейчас рождены жизнью, практикой передовых людей социалистической деревни и обобщены партией, подняты ее мудростью до уровня общих всенародных целей новые проблемы и пути дальнейшего развития и укрепления колхозного строя. Когда-то Посмитный подписывал первый договор с тракторным отрядом, выделенным совхозом в помощь начинающему жизнь колхозу. Из этого отряда выросла первая в стране Шевченковская МТС. А теперь эта МТС передает технику колхозам. Наступил новый этап в строительстве коммунизма.

В колхозе имени Буденного уже подсчитали свои силы. Более 12 миллионов рублей составляют неделимые фонды артели. Можно купить машины? Можно. А люди? И люди есть. В колхозе 50 трактористов и 100 шоферов. А самое главное, есть та самая «красота дисциплины», за которую столько лет бились в колхозе.

На Украине с газетных полос долго, настойчиво звучал вопрос-призыв:

— Почему вы не догоняете Посмитного?

— Догоняем! — ответили строчки указов о наградах многих тысяч украинских колхозов и колхозников.

Вместе с Макаром Анисимовичем Посмитным и Федором Ивановичем Дубковецким вторую золотую медаль Героя ныне получили еще восемь председателей колхозов, а впервые звание Героя Социалистического Труда присвоено руководителям еще шестидесяти трех колхозов...

Это и харьковский председатель Гавриил Ильич Криволапов — в колхозе «Шлях Ленина» на 100 гектаров производят уже более 670 центнеров молока. Слышите, Макар Анисимович? Этого и у вас еще нет!

Это и ровенский председатель Стахим Сазонович Данильчук — в колхозе имени Кирова уже получили на всей площади посева (около 200 гектаров!) более чем по 500 центнеров сахарной свеклы. Слышите, Федор Иванович? Этого еще не добились ваши свекловоды!

А Алексей Лукьянович Гуцалюк в Хмельницкой области?

А Александр Григорьевич Бузницкий в Киевской?

А Никита Яковлевич Диброва в Винницкой? Угонись за колхозом имени Карла Маркса! Здесь получили уже в прошлом году по 137,6 центнера мяса на 100 гектаров земли — больше, чем у Посмитного и Дубковецкого!

А Федор Иванович Свистун и Петр Григорьевич Олищук — оба из Сокальского района, Львовской области, «соперники», не желающие ни в чем уступить друг другу и этим замечательно подхлестывающие друг друга?

А Абрам Борисович Сорокин из Сталинской области — новое для многих имя? До Сорокина сменилось чуть ли не тринадцать председателей в колхозе имени XX съезда. Сорокин подружил колхоз с кукурузой. Кукурузный початок оказался отличным рычагом подъема колхозной экономики.

А Григорий Андреевич Легунов из Херсонской области, хозяйничающий на Чонгарском полуострове и побеждающий солонцы и суховеи?

А Александр Михайлович Луговой — в Николаевской области?

А Сергей Иванович Переяславский — в Днепропетровской?

А Петр Митрофанович Воловиков — в Ровенской? Колхоз «Прогресс», где Воловиков председателем, «настигал» Посмитного упорно, методически. Несколько лет назад на партийном съезде в Киеве Воловиков заявил, что «Прогресс» повторит и превзойдет на ровенской земле замечательные достижения одесского колхоза имени Буденного...

А теперь судите сами, как Воловиков держит слово.

В одесском колхозе, у Посмитного, доходы в 1957 году составили 9 334 тысячи рублей, а в ровенском колхозе, у Воловикова,— 12 325 тысяч рублей.

Настоящие страсти в соревновании только разгораются!

Указ о наградах — сигнал к невиданно широкому наступлению передового опыта.

Решение партии о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций создает новую, исключительно благоприятную обстановку для проявления еще более смелой творческой инициативы зрелыми колхозными кадрами.

Как жадно стремится Воловиков по-хозяйски использовать технику! Он многое уже взвесил, рассчитал, продумал, сравнил. Решение партии не застало его врасплох.

— Когда было разрешено колхозам покупать трактора, мы немедленно этим воспользовались,— рассказывает Воловиков.— Купили сначала один «ХТЗ-7», затем пять «ДТ-14», прошлой осенью приобрели еще два. Если теперь сравнить, то выработка на 15-сильный трактор в МТС за прошлый год составила 485 гектаров, а по парку нашего колхоза 903 гектара. А почему? Потому, что использовали мы их не «по договору», а просто когда и где нужно было.

— Сможет ли колхоз управлять сложной техникой? Да ведь у нас 31 автомашина, в том числе семитонный дизельный «МАЗ-200»! И справляемся с уходом. Что же, за тракторами и молотилками не досмотрим?

— Денег где возьмем на приобретение тракторов? Наш машинный парк уже оценивается в миллион рублей, а балансовая стоимость обслуживающих нас машин МТС — 688 тысяч. Выкупим! Из 12 миллионов доходов средства выделить можно будет. Мы народ богатый.

Кто же у нас истинный, главный герой соревнования за изобилие?

Массы, захваченные творчеством, миллионы взращенных партией, верных ее делу людей на селе!

Макар Анисимович Посмитный зашел посмотреть, как идут дела на стройке дома для Андрея Кондратовича Пушинского (слева), недавнего жителя Аргентины, а теперь колхозного слесаря.

Фото А. Новикова.

Больше фруктов

Я. ВОЛЧЕНКО
Заместитель министра сельского хозяйства СССР

Народы нашей страны всегда любили насаждать сады. Они разработали свои агротехнические приемы возделывания плодовых насаждений, создали много прекрасных сортов плодов и ягод, которые пользуются славой до настоящего времени. Однако социально-экономические условия дореволюционной России не способствовали широкому развитию садоводства.

В царской России садами и ягодниками было занято всего лишь 655 тысяч гектаров. Большие сады принадлежали помещикам и монастырям. Характерной особенностью садоводства были, как правило, примитивная агротехника и ручной труд батраков.

Великий преобразователь природы И. В. Мичурин говорил, что правительство царской России совершенно не заботилось об удовлетворении потребности народа в плодах. В течение целых столетий почти ничего не предпринималось для улучшения садоводства. И только после Великой Октябрьской социалистической революции началось развитие промышленного садоводства наравне с другими отраслями сельского хозяйства.

За годы пятилеток в колхозах и совхозах нашей Родины были посажены крупные промышленные сады. Возникли садоводческие колхозы и совхозы, которые ежегодно дают стране по 5—10 тысяч тонн плодов.

Сейчас в нашей стране сады занимают площадь примерно в 3 миллиона гектаров. По сравнению с дореволюционным периодом она увеличилась более чем в 4 раза. В деревнях появилось много индивидуальных садов колхозников. Успешно развивается коллективное и индивидуальное садоводство рабочих и служащих.

Большой интерес к садоводству проявляет наша молодежь. Она не только активно участвует в насаждении садов в колхозах и совхозах, но также занимается посадкой плодовых деревьев по обочинам больших дорог. Советское государство уделяет большое внимание садоводству. Однако производство фруктов у нас пока еще отстает от спроса населения.

Условия соревнования садоводов на премии и дипломы «Огонька»

В соревновании участвуют колхозы, совхозы, питомники, опытные учреждения, а также коллективные сады рабочих и служащих, садоводы-любители в городе и деревне.

Премии и дипломы «Огонька» присуждаются:

а) совхозам и колхозам:

1) добившимся получения урожая плодов с одного гектара плодоносящего сада не менее (в центнерах): яблок — 125, груши — 100, айвы — 100, вишни — 50, сливы — 80, черешни — 60, персика — 70, абрикоса — 100. Для северных и восточных районов показатели урожайности снижаются на 30—40 процентов;

2) за единовременную посадку осенью 1957 и весной 1958 года садов на площади не менее 30 гектаров при условии хорошего прироста и обеспечения сохранности 95 процентов посаженных деревьев.

б) Садоводам, получившим на своих приусадебных участках или в коллективных садах наивысший урожай плодов с одного дерева, но не менее (в килограммах): яблок — 400, груш—300, вишни — 50, сливы — 80, черешни — 150, персика — 70, абрикоса — 300.

Для северных и восточных районов показатели урожайности снижаются на 30—35 процентов.

в) питомниководческим совхозам, госплодопитомникам, опытным питомникам, колхозным учреждениям, вырастившим со всей площади выходного поля питомника наибольшее количество высококачественных (стандартных) привитых плодовых саженцев с одного гектара, но не менее:

яблони и груши	— 25	тысяч штук
вишни	— 20	» »
сливы	— 25	» »
черешни	— 22	» »
абрикоса	— 28	» »
персика	— 28	» »,

а также отводков низкорослых карликовых подвоев с 1 гектара маточника — 150 тысяч штук.

г) За развитие культуры карликовых плодовых деревьев.

По средней зоне СССР:

за организацию выращивания посадочного материала на карликовых и полукарликовых подвоях с выпуском не менее 4—5 тысяч саженцев.

По южной зоне СССР:

за организацию промышленного сада на карликовых подвоях площадью не менее 10 гектаров. Сад карликовых плодовых деревьев, посаженный 5 лет тому назад и дающий не менее 40—50 центнеров плодов с гектара со всей площади, а в возрасте 6—8 лет — не ниже 80 центнеров и девяти и более лет — 100 центнеров с гектара.

По всем зонам:

за образцовый приусадебный сад на карликовых подвоях со сроком вступления деревьев в пору массового плодоношения на 3—4-й год после посадки, сохранностью деревьев не менее 98% и хорошим приростом их;

за выведенные новые карликовые и полукарликовые подвои яблони и груши, которые по своим качествам превышали бы существующие формы и были бы приняты для производства в зоне деятельности исследователя.

Претенденты на дипломы и премии «Огонька» присылают свои материалы с надписью «На конкурс садоводов» по адресу: Москва, ул. «Правды», 24, редакция журнала «Огонек». Вместе с отчетным материалом просьба присылать также фотографии.

Все присылаемые материалы обязательно должны быть заверены местными органами сельского хозяйства, профсоюзом (для коллективных садов) и добровольными обществами по садоводству (для садоводов-любителей). Последний срок представления материалов —1 декабря.

Редакция журнала «Огонек», Министерство сельского хозяйства СССР

советским людям!

Директивы XX съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы предусматривают значительное расширение площадей садов в колхозах, совхозах, на приусадебных участках колхозников и в коллективных садах рабочих и служащих. Сбор плодов, ягод и винограда в шестой пятилетке по сравнению с пятой пятилеткой должен увеличиться не менее чем в полтора— два раза.

В 1956 году правительство приняло постановление, способствующее дальнейшему развитию садоводства, повышению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства плодов и ягод, созданию в стране обилия ягод и фруктов.

Выполняя директивы XX съезда КПСС, колхозы и совхозы отдельных республик за последние полтора года посадили новые сады и виноградники на больших площадях, улучшили уход за насаждениями. Только весной минувшего года в колхозах посажено новых садов и виноградников более 150 тысяч гектаров. Это намного превышает закладки прошлых лет.

В ряде областей и краев забота о садах становится поистине всенародной. Труженики Кубани, например, поставили перед собой задачу — превратить Кубань в край высокоразвитого садоводства и виноградарства. Такой же большой размах борьба за расширение садов и виноградников приняла в Крыму.

Мы горячо приветствуем начинание журнала «Огонек», который на своих страницах пропагандирует насаждение новых садов, борьбу за получение высоких урожаев с фруктовых деревьев.

Организуемое журналом «Огонек» и Министерством сельского хозяйства СССР соревнование садоводов, несомненно, будет способствовать развитию как общественного, так и индивидуального садоводства в нашей стране.

Руководители и специалисты сельскохозяйственных органов должны всячески помочь этому хорошему делу, использовать для увеличения плодов и ягод опыт практиков и ученых садоводов, организовать внедрение в производство новых, более перспективных сортов, помочь провести правильную оценку урожая в совхозах и колхозах, включившихся в соревнование на премии и дипломы «Огонька».

Пусть это соревнование поможет нашим садоводам дать еще больше фруктов советским людям.

ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СОРЕВНОВАНИЯ УСТАНАВЛИВАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕМИИ

Совхозам и колхозам

1-я премия
Автомобиль «Газ-69».
2-я премия
Мотоцикл «М-72».
3-я премия
Конно-моторный опрыскиватель.

Питомникам

1-я премия
Автомобиль «ГАЗ-69».
2-я премия
Конно-моторный опрыскиватель.
3-я премия
Годовая подписка на журнал «Огонек» со всеми приложениями.

Коллективным садам

1-я премия
Ручной опрыскиватель.
2-я премия
Набор садового инвентаря.
3-я премия
Библиотека по садоводству.

Индивидуальным садоводам

1-я премия
Велосипед.
2-я премия
Годовая подписка на журнал «Огонек» со всеми приложениями.
3-я премия
Набор мелкого садового инвентаря.

Питомникам, выращивающим клоновые вегетативно размножаемые подвои (карликовые)

1-я премия
Мотоцикл «М-72».
2-я премия
Конно-моторный опрыскиватель.
3-я премия
Годовая подписка на журнал «Огонек» со всеми приложениями.

Индивидуальным садоводам за выращивание плодовых деревьев на карликовых подвоях
1-я премия
Велосипед.
2-я премия
Годовая подписка на журнал «Огонек» со всеми приложениями.
3-я премия
Набор мелкого садового инвентаря.

СОСТАВ ЖЮРИ СОРЕВНОВАНИЯ

Я. С. Волченко — первый заместитель министра сельского хозяйства СССР (председатель); А. Н. Нижерадзе — член коллегии Министерства сельского хозяйства СССР; профессор Б. А. Колесников — ВАСХНИЛ; профессор В. И. Будаговский — заведующий кафедрой плодоводства Плодоовощного института имени И. В. Мичурина; Г. А. Каблучко — директор Молдавского научно-исследовательского института плодоводства, виноградарства и виноделия; А. К. Примак — директор Краснодарской опытной плодово-ягодной станции; Евгений Поповкин — писатель; Александр Михалевич — писатель; Л. Леров (редакция журнала «Огонек»).

Ко дню выборов в Верховный Совет СССР вагонный участок дальневосточного направления международных и туристических перевозок оборудовал 28 спальных вагонов для поездных избирательных участков. Ежедневно с Ярославского вокзала отправляются на Дальний Восток поезда с вагонами-избирательными участками.
На снимке: купе, предназначенное для работы избирательной комиссии. Проводник вагона Д. Мазур развешивает плакаты.
Фото Ф. Короткевича.

Свыше 700 работников киноискусства собралось в Москве на свою Всесоюзную творческую конференцию в Доме кино. Конференция открылась просмотром новых фильмов. После вступительного слова председателя Оргкомитета Союза работников советской кинематографии И. А. Пырьева был заслушан доклад министра культуры СССР Н. А. Михайлова о задачах киноискусства. Последующие доклады и обсуждение их были посвящены насущным проблемам кинематографии.

Выступившая на конференции член Президиума ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС Е. А. Фурцева огласила приветствие Центрального Комитета КПСС.

На снимке (справа налево): народный артист СССР И. Пырьев, артистка И. Скобцева, режиссер Т. Левчук (Киев) и народный артист СССР С. Бондарчук.

Фото В. Уварова.

Население Германской Демократической Республики тепло проводило первые части из числа 41 тысячи советских воинов, которые выводятся из ГДР согласно недавнему решению Советского правительства о новом сокращении Вооруженных Сил СССР на 300 тысяч человек.
На снимке: проводы советских военнослужащих в Фюрстенвальде.

В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Яки пасутся высоко в горах.

Путевые заметки

Игорь **ГОЛОСОВСКИЙ**

Фото Г. Сиротина.

Через Саяны

Если взглянуть на Усинский тракт с высоты птичьего полета, он напоминает брошенную в траву бумажную ленту. Бесконечные подъемы, головокружительные спуски, замысловатые зигзаги и петли проделывает шоссе на протяжении четырехсот километров от Абакана до Кызыла. Нужно быть водителем высшего класса, чтобы ездить здесь без аварий. Недаром же кызылские шоферы Виктор Панасюра, Филипп Кущаев и Иван Грудинин славятся в Туве. Как-то раз Кущаева спросили:

— Почему бы вам не перебраться на участок поспокойнее?

— Спать я могу дома на печке! — отрезал оскорбленный шофер и добавил: — Да и красиво здесь, кроме всего прочего!..

Вот уж что правда, то правда! Вы можете быть неисправимым ворчуном, но, очутившись на Усинском тракте, немедленно начнете шумно выражать восторг. Здесь романтиками становятся даже экспедиторы и автобусные кондукторы, а они, как известно, люди закаленные.

От станции Кулумыс начинается подъем. Посмотришь на отвесную гору, закрывающую полнеба, и на вырубленный в скале узенький карниз, и невольно приходит в голову, что лучше, пожалуй, вернуться, пока не поздно. Но самолюбие не позволяет вам отступить, и вы, стиснув зубы, лезете в автобус, убежденный, что совершаете в эту минуту самый отважный поступок в своей жизни.

Начинаются знаменитые кулумысские петли. Пассажиры постепенно перестают соображать, где они находятся. Автобус, ворча, карабкается в гору, затем круто сворачивает и, цепляя колесами за край бездны, мчится в обратном направлении. Хуже этого, кажется, уже ничего быть не может. Но как раз в тот момент, когда вы с облегчением переводите дыхание, вообразив, что самая трудная часть пути позади, шофер флегматично предупреждает:

— А сейчас будет гора «Веселая». У кого сердце слабое, прошу пройтись пешочком!

«Веселой» эту гору назвал, вероятно, какой-нибудь неунывающий водитель, который не мог без саркастической улыбки взирать на позеленевшие от страха физиономии пассажиров. Но даже привычные люди зажмуриваются, когда автобус, презрев все законы физики, встает почти торчком и, точно гусеница, ползет на обледеневший склон.

На перевале можно выйти, подышать свежим воздухом и заодно полюбоваться видом, открывающимся с высоты двух тысяч метров. Вот она, Тува — страна, которая лишь в тысяча девятьсот сорок четвертом году вошла на правах автономной области в Российскую Федерацию!

Уже видны на берегу Енисея крохотные домики Кызыла. Теперь, оглянувшись назад, вы с полным правом можете сказать:

— Да, Усинский тракт не для нервных людей!

Город был основан в 1914 году русскими купцами и назван Белоцарском, а в 1926 году переименован в Кызыл. Он замечателен тем, что является географическим центром Азиатского материка. Во дворе электростанции стоит невысокий столбик, на котором белеет лаконичная и внушительная надпись: «Центр Азии». Если, прочитав эти слова, вы не испытаете никакого волнения, значит, вы обладаете холодным сердцем и вам лучше не путешествовать, а сидеть дома.

Кызыл невелик. Одноэтажные деревянные дома привольно рассыпались вдоль берега Енисея. Среди довольно невзрачных избушек возвышаются сахарно-белые здания с колоннами и красивыми фасадами. Кажется, они случайно забрели сюда с юга, заблудились. Нет! Это современный город наступает на дряхлую деревушку. Кварталы промкомбината и корпуса хлебозавода смяли кривую улочку, упирающуюся в степь. Цех железобетонных конструкций гордо возвышается рядом с покосившейся хибарой «холодного» сапожника.

Осматривая Кызыл, не забудьте посетить национальный тувинский театр. Вы должны это сделать даже в том случае, если не испытываете никакой любви к драматическому искусству. Трудно понять быт кызыльцев, проникнуть в их духовный мир, не побывав в театре. Он здесь имеет своеобразную историю.

Тувинский народ до недавнего времени не имел национального театра. Не существовало письменности, и это препятствовало созданию пьес.

Находились энтузиасты, которые пытались обходиться без пьес. В 1925 году в Кызыле открылся необыкновенный, пожалуй, уникальный театр. Вы не нашли бы здесь ни режиссера, ни директора, ни рабочих сцены. Актеры все делали сами. Они сочиняли пьесы. Для этого им не требовалось ни пишущих машинок, ни договоров с дирекцией. Пьеса создавалась путем коллективной импровизации. Актеры произносили слова, которые нужны были по ходу действия. Заранее, конечно, уславливались, о чем пойдет речь в представлении: о том, как неграмотный арат впервые пришел в школу, или об изгнании обманщика-шамана.

Роль шамана один из актеров исполнял на редкость непринужденно. И не потому, что упорно готовился к этой роли: он сам едва не стал шаманом.

Этот артист до сих пор работает в национальном театре. Его зовут Кок-Оол. Вот что он рассказал мне:

— Моя мать Долган была знаменитой шаманкой. Слава о ней шла по всей Туве. Жили мы в глухом Овюрском районе. Юрта матери, сделанная из белоснежного войлока, была видна издалека. Когда приезжали араты и звали мать к больному, она не сразу соглашалась. Сперва осторожно выпытывала, богат ли хозяин, сколько у него овец, лошадей, а затем собиралась в путь.

Мать не верила в злых духов. Она сознательно обманывала доверчивых аратов. Я не раз видел, как она «репетировала» дома свои восклицания и ритуальные танцы. Артисткой моя мать была очень талантливой. Ее способности передались, очевидно, мне по наследству.

...В 1930 году в Тувинской Народной Республике разработали основы национальной письменности. Появились первые пьесы с постоянным текстом: «Девушка из колхоза» А. Тэмира, «Женщина» Солчака Токи, комедия того же автора «На посту председателя ячейки».

С этого же времени начала развиваться и тувинская литература. Сейчас в Кызыле, кроме четырех газет, выходит литературно-художественный альманах, в котором печатаются произведения местных писателей: О. Саган-Оола, С. Сарыг-Оола, В. Эренчина. Большую помощь тувинским литераторам оказывают русские писатели. При содействии приезжавших в Кызыл С. Щипачева и В. Кожевникова была создана тувинская писательская организация. На русский язык переводятся лучшие поэмы, рассказы, сказки; недавно перевели повесть первого тувинского прозаика Солчака Токи «Слово арата», в которой автор, сам в прошлом пастух-кочевник, а ныне первый секретарь обкома КПСС, описывает историю своего голодного детства.

Я не зря отвлекся, чтобы коротко рассказать о литературе и искусстве Тузы. Дело в том, что здесь сейчас читают буквально все, точно так же, как горячо и жадно интересуются новыми постановками национального театра и картинами тувинских художников, выставленными в кызыльском музее. Читают жадно, запоем, словно спеша наверстать упущенное за столетия. Молода литература, но молод и читатель. Писать для такого читателя, наверно,— большое удовольствие!

Из театра вы могли бы отправиться на художественную выставку, в исторический музей или на стадион. Но Тува — это не один только Кызыл. Вам, несомненно, уже рассказывали о Тодже.

Что такое Тоджа? Это обширная область, лежащая к северо-востоку от Кызыла. В Тоджу еще нет дороги. Добраться туда нелегко. Летом иным смельчакам удается подняться на лодке по Енисею, другие пробираются в Тора-Хем по вьючной тропе. Зимой в этот край можно попасть лишь на самолете.

Не забудьте, отправляясь в Тоджу, надеть валенки, меховую шапку и тулуп. В том краю, куда вы держите путь, пятидесятиградусные морозы и свирепые бураны — такое же нормальное явление, как дождь в Москве в тот день, когда рано утром по радио объявили хорошую погоду.

Расцветай, богатая Тоджа!..

Через час после старта мы приземляемся возле усадьбы колхоза «Первое мая». Какие здесь диковинные скалы, как яростно шипит и бесится в узких берегах Енисей!

Улицы поселка выглядят так, точно их специально подмели к нашему приезду. Дома выстроены недавно; из бревен еще сочится прозрачная смола. Почти возле каждой хаты стоит конусообразный чум, побеленный снегом. На память, что ли, оставили их колхозники?

Взглянув на председателя артели Василия Идамовича Мангульби, вспоминаешь героев Фенимора Купера. Это коренастый мужчина сорока пяти лет, с цепким взглядом, с бронзовой, выдубленной кожей. Он рассказывает о том, как создавался колхоз.

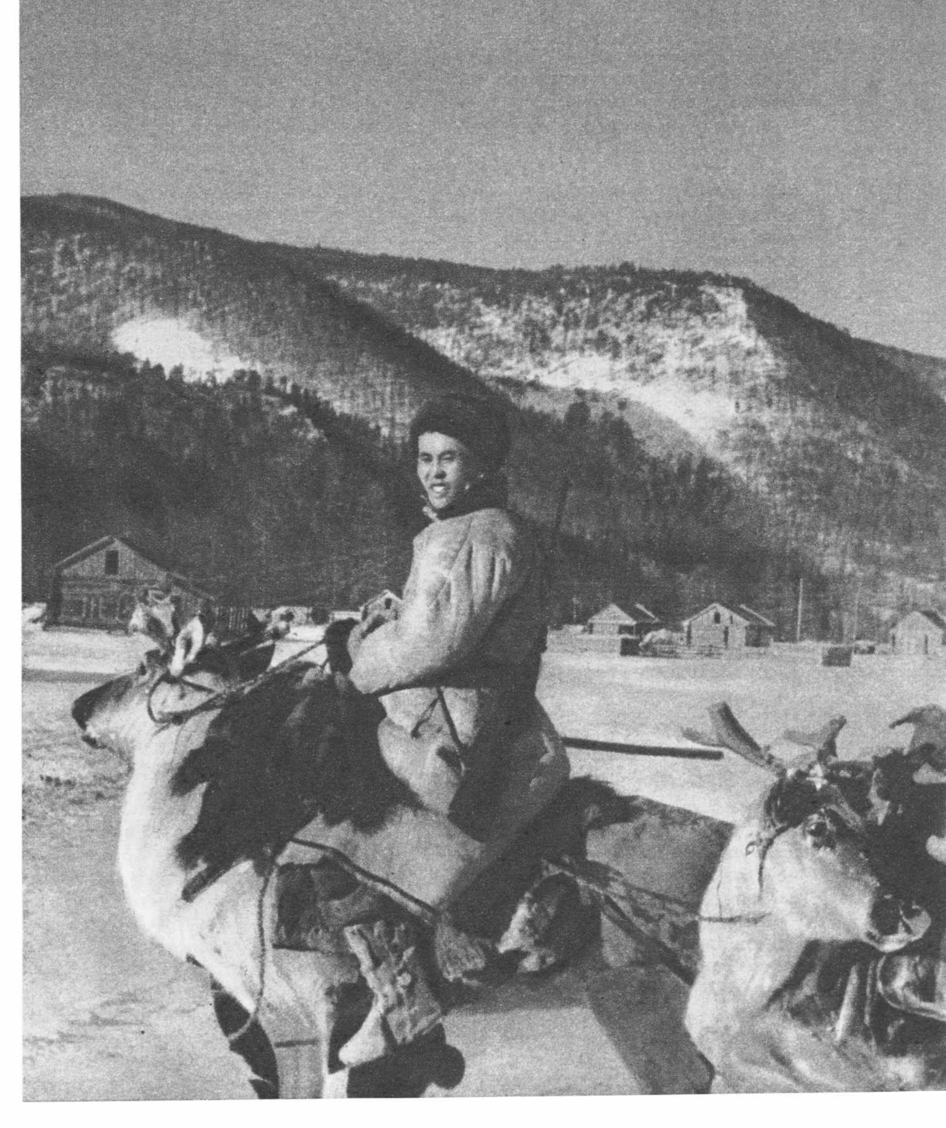
...Тысяча девятьсот сорок девятый год был трудным для охотников Тоджи. Еще зимой закололи последних оленей. Женщины ловили волосяными петлями и железными крючками рыбу в таежной реке Хамсаре, собирали съедобные корни. В дымных чумах плакали голые, исхудавшие дети.

В эти тяжелые дни в тайгу приехал молодой человек в городском костюме. Он собрал охотников и сказал:

— Я председатель райисполкома Чулдуун. Я хочу, чтобы вы знали, как живут люди за хребтом.

Слушая приезжего, мужчины недоверчиво переглядывались. Разве возможно, чтобы простые араты жили в чумах с железными крышами и власть бесплатно давала им порох и муку?

Нелегко было убедить неграмотных кочевников в выгоде совместного хозяйствования. Наконец несколько самых бедных семей согласились переселиться на берег реки Ий. Прослышав о том, что охотникам помогает Советская власть, тувинцы, разбросанные по Тодже, стали съезжаться в Тора-Хем. К концу второго года в колхоз вступило уже двести семей. Долго еще жили люди в чумах, хотя могли бы при желании переселиться в новые дома. «Жарко там однако!» — смущенно отказывались араты и загоняли в хаты скот, а сами ночевали в чумах.

Звеньевой Бюдет-Оюн Оол вернулся с охоты.

Как изменилась жизнь тоджинцев за несколько лет! Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любой дом. Вчера в поселок вернулся из тайги известный охотник Бюдет-Оюн Оол со своим звеном. Зайдем к нему.

Внутренность избы выглядит своеобразно. Кажется, что здесь столкнулись два века, две культуры. У железной печки на полу сидит старуха. Она палкой растирает в деревянном корыте ячмень. На веревке сохнут беличьи и соболиные шкурки. За столом сидит Бюдет-Оюн Оол, тридцатилетний мужчина в полосатой пижаме. Он что-то пишет, поскрипывая автоматической ручкой. На швейной машине работает молодая женщина, жена охотника.

Бюдет-Оюн Оол охотится с десятилетнего возраста. Его выбрали звеньевым. Недавно он побывал в Красноярске, Иркутске, Москве, на Сельскохозяйственной выставке. В прошлом году добыл 25 соболей и 200 белок. Это не все! Он отличный машинист жатки. Сам выучился.

Об успехах колхоза нельзя, конечно, судить по одной семье. Зайдите в больницу, побывайте на молочной ферме. Если вы альпинист, можете слазить на гору, взглянуть на колхозных оленей; если нет, то лучше остаться внизу и поверить на слово Мангульби, что их там ровно три тысячи.

На реке Ий выстроена электростанция. Расчищен аэродром в Тора-Хеме. Каждый день возле колхоза садятся самолеты, доставляющие почту, продукты, различные товары и людей, едущих на работу в этот суровый, прекрасный край. Они отправляются туда, где нет еще колхозов, электричества, цивилизации.

Таких романтиков можно узнать по особенному, страстному блеску глаз, презрению к мелким житейским неудобствам и готовности в любое время дня и ночи взяться за самое трудное дело.

В школе колхоза «Первое мая» я познакомился с двумя подружками, молодыми русскими учительницами Валей Прокофьевой и Сашей Врублевской. Они живут в одной комнате, все делят пополам — и радости и невзгоды. Валя преподает русский язык, а Саша — математику.

Вале двадцать два года. Она окончила педагогический институт в приволжском городе. Это румяная, полная девушка с задорными карими глазами и пышными белокурыми волосами. У нее звонкий голос и удивительно мягкие, женственные движения. Похоже, в ней борются нетерпеливый задиристый мальчишка, из тех, кому «палец в рот не клади», и спокойная, рассудительная девушка. Она говорит о своих учениках:

— Чудные ребята, просто прелесть! Послушные, дисциплинированные, а какие способные! Правда, Саша?

Саша Врублевская, маленькая девушка с пепельными косами и задумчивыми серыми глазами, застенчиво улыбается. Валя громко, заразительно смеется и продолжает рассказывать:

— Первое время я их боялась, честное слово! Пришла поначалу в класс и остолбенела. Мал мала меньше, грязные, в порванной одежде. Уселись на пол, только глазенки сверкают. Начала что-то объяснять — смеются. Пришел переводчик, колхозный зоотехник. По-русски плохо говорит, переводит неточно.

Словом, хватила я горя! Сколько билась, пока выучила детей умываться, причесываться, сидеть не на полу, а за партой. К тому же у них с именами полная неразбериха. Каждый называет себя, как ему нравится. Никак не могла привыкнуть. Представляете, вызываю к доске:

«Торажай Ак!»

Все молчат. Ну, думаю, опять фамилию перепутала! Журнал смотрю: нет, правильно! Снова зову:

«Торажай Ак! Почему ты не отвечаешь, Торажай?»

Сама вижу: вот же он, сидит как ни в чем не бывало и на меня смотрит. У меня слезы навертываются, а этот Торажай так важно, спокойно говорит: «Я больше не Торажай Ак. Теперь меня зовут Владимир Иванович Эки-Оол!»

Оказывается, в колхоз приехал агроном Владимир Иванович. Торажаю это имя понравилось, и он решил его себе присвоить. Приставка же «Эки-Оол» означает по-тувински «хороший мальчик». Пыталась объяснить, что нельзя каждую неделю имена менять. Не понимают, удивляются: «Почему?»

И вот, представьте, как обидно было. Я с ними вожусь, ночей не досыпаю, даже во сне мне снятся, и вдруг вызывает меня председатель и говорит:

«Я знаю, что ты старательная,

Прокофьева, но охотники, понимаешь, недовольны!»

Я так и обмерла.

«Чем недовольны?»

«Пусть, говорят, у наших детей другая учительница будет! Больно молода. Чему научить сможет? Сама ничего не знает. Я-то, конечно, понимаю, глупости они болтают. Но люди-то ведь темные, малограмотные. Как им объяснишь? Они видят только, что ты по улице идешь—кутаешься. Охотиться не можешь. В тайгу ходить боишься. Обед себе не варишь, в столовой кушаешь. Даже дров сама наколоть не в силах, соседку просишь. Не охотник, не хозяйка, так себе — легкий человек! Вот что они говорят...»

Скажу откровенно, решила я бросить все и уехать. Проплакала до утра. А утром пришла в класс. Глазенки у ребят любопытные, жадные. Слушают меня, слово боятся проронить. Понимать друг дружку мы начали, подружились. Так стало жалко и себя и ребят! Нет, думаю, черта с два! Никуда не уеду! Назло! Вы меня еще узнаете!

Тут как раз Сашенька приехала, мы как родные сестры встретились, расцеловались. Я духом воспрянула. А вскоре произошел случай, после которого отношение к нам переменилось.

Весной заболел один ученик. Положили его в больницу. Воспаление легких. Фельдшерица с ног сбилась. Положение ребенка тяжелое. Прибегает она к нам: «Медвежьего сала бы достать, я б тогда мальчишку выходила! Родители его на Систиг-Хеме охотятся. Вот бы к ним добраться! Там медведей много, наверно, хоть одного добыли...»

Я знала, где этот Систиг-Хем. Шестьдесят верст идти по Енисею. Время весеннее, у берегов полыньи протаяли. Однако говорю Саше: «Пойдем, что ли! Кстати, горы посмотрим!» Саша моя — не глядите, что скромница, отчаянная, каких мало! — отвечает: «Пошли! Подумаешь, страсти! Не так уж далеко!»

Взяли продуктов на два дня и пошли. Лед тонкий, потрескивает: страшно! Взобрались на берег, тайгой стали продираться. Снегу — по грудь. Через несколько часов дошли до зимовья. Маленький такой домик, внутри железная печка. И дрова недалеко, надо только наколоть. А где топор? Нет топора. Забыли. Постояли мы возле зимовья, пошли дальше и продукты бросили. Есть не хотелось, а тащить было тяжело. Ночью добрели до горы, вокруг которой Енисей делает крутую петлю. Осталось переправиться через реку. На горе, как нам объяснили, и находилось охотничье кочевье.

Слышим: впереди вода плещется. Полынья! В сторону шаг боимся ступить. Вдруг там чистая вода! Я вернулась на берег, наломала елочек. Перебросили мы их в темноте через полынью и поползли. Вымокли до нитки. Одежда сразу закоржела, стала ко льду прилипать. На гору вскарабкались из последних сил. Подобрали нас, положили в чум у костра, а мы слова сказать не можем. Ничего, отлежались. Утром взяли ведро медвежьего жира и отправились обратно. Выздоровел мальчишка. Родители подарки нам приносили. С тех пор уважать больше нас стали...

— Привыкли мы здесь!—задумчиво говорит Саша.— И домой, конечно, хочется поехать и жалко... Очень уж красивый край!

...Но пора возвращаться в Кызыл. Прежде, чем отправиться на аэродром, захожу в колхозный клуб. Заведующий клубом Алексей Чараж-Оол—очень способный человек. Он сочиняет песни и сам исполняет их со сцены. Недавно он сложил песню на слова учителя Саая Самыя «Расцветай, богатая Тоджа». Ее слушали в Кызыле музыканты-профессионалы и сказали, что у Чараж-Оола есть талант.

Пионеры репетируют новую песню Чараж-Оола, написанную на слова молодого поэта Чадамбы. Под аккомпанемент баяна мальчики и девочки поют:

Любимый край, ты дорог
сердцу моему
Степных равнин зеленокудрою
красой!
Прохожий веселит свой взор
убранством гор,
Слух тешат звуки голосов
густых лесов;
Доныне нет числа зверью
в моем краю...
Любимый край, ты дорог
сердцу моему
Земных щедрот неиссякаемой
красой!

Детский хор звучит сильно и стройно.

«Вдали от цивилизации»

Барун-Хемчикский район встретил нас сильнейшей метелью. Так же неожиданно, как началась, метель скоро утихла, и снова засияло солнце. На одной из горных вершин я заметил несколько черных точек.

— Сарлыки!—сказал шофер.— Их только на перевалах и можно увидеть. Эти яки — чистые альпинисты!

В Кызыле мне сказали, что если я хочу понаблюдать жизнь тувинских аратов такою, какой она была много лет назад, я должен добраться до высокогорных пастбищ. Там вместе со стадами яков, с женами и детьми круглый год кочуют пастухи. Они живут в юртах на высоте двух—трех тысяч метров над уровнем моря, промышляют охотой на горных козлов и, точно так же как их деды и прадеды, редко спускаются вниз.

Мне очень хочется взглянуть на недосягаемых сарлыков и познакомиться с пастухами, с их прадедовским бытом. Но как взобраться на вершину?

— На машине поедем, пока можно, а дальше пешочком!—сказал шофер.— Не пожалеете! Места живописные!

Мы ехали часа два. Увлеченный наблюдением за яками, которые то исчезали, то появлялись, я не заметил, что солнце уже обессиленно повисло над розоватой вершиной, указатель бензина дрожал на ноле, а из-под колес бойко выпрыгивали длинные змейки снежной пыли, завиваемые ветром в причудливые кольца.

— Стоп, машина! — сказал шофер и выключил мотор.

Мы стояли на краю крутого спуска в долину. Она упиралась в подножие горы, на вершине которой виднелись черные точки, столь же далекие, как и в начале пути.

— Что ж, пойдем пешком! — бодро ответил я.

Шофер задумчиво посмотрел на небо и принялся старательно вытирать тряпкой заиндевевшее стекло. Фотокорреспондент газеты «Тувинская правда» Гавриил Павлович Сиротин, присоединившийся ко мне в Кызыле, кряхтя, вылез из «Победы» и решительно зашагал к спуску. Это был плотный, широкоплечий мужчина тридцати двух лет, местный старожил и заядлый охотник. Победоносно взглянув на шофера, я последовал за Сиротиным. Теперь-то яки от меня не уйдут!

Мы взбирались на бесконечные холмы и скатывались по скользким склонам. Я не понимал, как мне могло прийти в голову, что сегодня холодно. Пот катился с меня градом. Я не сбросил пальто только потому, что мне было некогда. Гавриил Павлович шел как будто не торопясь, но его широкая спина удалялась с такой быстротой, что мне приходилось бежать.

Наконец мы достигли подножия горы. Сиротин ловко перепрыгивал с камня на камень. Я неуклюже карабкался за ним, смертельно боясь хотя бы на секунду оторвать руки от скалы. Мы поднимались все выше, а вершина тем временем потихоньку отодвигалась. Как ей это удавалось, ума не приложу, но через час она была так же далека, а сарлыки по-прежнему казались точками. Я начал подумывать о возвращении, но для Сиротина добраться до сарлыков было, по-видимому, делом чести. Он с таким ожесточением полз по совершенно отвесной стене, словно наверху его ожидал вкуснейший ужин.

И вот я отчетливо вижу яков. Это крупные животные, одетые в лохматые шубы из черной шерсти и в длинные юбки из того же материала. Юбка завершается кокетливой бахромой, похожей на украшение абажура. Веки у сарлыков розовые, как у морских свинок, хвост лошадиный, копыта овечьи, а хрюкают они, точно жирные, откормленные свиньи — густым, низким басом. Огромные, весящие, наверно, не меньше тонны животные с таким олимпийским спокойствием расхаживают по скользкому краю бездны, точно у них под ногами покрытый цветами луг.

Сиротиным овладел фотографический азарт. Опустившись на четвереньки, он пополз к самому крупному, довольно страшному на вид сарлыку. Черный бык с крутой шеей и толстыми, как колонны, ногами с высокомерным недоумением смотрел на человека. Яку было наплевать на то, что два царя природы три часа карабкались по скалам с целью запечатлеть его для потомков. Тщеславие было явно ему чуждо. Он преспокойно повернулся к Сиротину задом и вызывающе повертел хвостом перед объективом фотоаппарата.

Сиротин примащивался и так и этак, наконец, прицелился, но в этот момент быку, очевидно, надоело служить мишенью, и он, сердито хрюкнув, исчез. Словно растаял в воздухе. Фотограф ошеломленно вертел головой, пытаясь сообразить, куда он девался. Прошло минут пять, пока мы догадались, что бык просто-напросто спрыгнул на нижнюю террасу горы. К довершению всего зашло солнце. Пришлось спрятать бесполезный фотоаппарат.

Сиротин не роптал, но выглядел таким несчастным, что у меня защемило сердце. Я ничем не мог ему помочь. Нам пора было возвращаться.

Окончание следует.

Центральная магистраль Кызыла — улица Ленина.

И. К. Айвазовский (1817—1900). ВОЛНА. 1889. Государственный Русский музей.

«Огонек».

И. И. Левитан (1861—1900). ТИШИНА. 1898. Государственный Русский музей.

ВЫСОКИЙ НАКАЛ

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Перерыв продолжается уже больше часа, но о подсчете голосов ничего не известно. Кабинет начальника шахты Ергасова заняла счетная комиссия, а сам он, высокий, грузный, с ежиком густых медноватых волос и мохнатыми неспокойными бровями, курит вместе со всеми в коридоре возле нарядной.

— Ох, и достается мне сегодня! — преувеличенно тяжко вздыхая, пожаловался он секретарю горкома партии Силину.— Первый раз, признаться, под такой огонь попал... Ей-богу!

Достав платок, Ергасов вытер лицо, шею, хотя в этом и не было необходимости. Под огонь критики он попадал отнюдь не впервые и показывал сейчас, что переживает, только для виду, как полагалось по тем неписаным правилам, которых считал необходимым придерживаться.

— Да, достается,— согласился Силин, как будто отлично понимавший состояние Ергасова и сочувствовавший ему, но в то же время и озабоченный чем-то еще.— А мне, думаешь, не достается? Недавно на Седьмой-бис в адрес горкома такого жару подкинули — до сих пор чувствуется.

Смеясь, он обнажал бледные десны над крепкими, тронутыми чернью зубами. Но по характеру Силин был не смешливый, а скорее сдержанный, даже прижимистый человек. И Ергасов, не обиженный от природы этими качествами тоже, больше всего ценил в людях, подобных себе и Силину, умение держаться.

— Вокруг большой горы и ветер большой. Ничего не поделаешь — закон природы.

— То-то ты Казбек из себя изображаешь,— шуткой на шутку отозвался Силин.— Какие ветры ни дуют — гора горой!

— А что ж? — Ергасов, явно не сдержавшись, самодовольно расправился, повел плечами.— Голыми руками не возьмешь! Обожжешься...

Почувствовав, что, кажется, брякнул лишнее, он раскатисто захохотал, словно все было не всерьез, а только так, от нечего делать, лишь бы скоротать ожидание. И хотя подсчет голосов затянулся, предвещая недоброе, делал вид, что ничего особенного не происходит.

— Однако пора бы и продолжать, что ли...

Стараясь показать, что отчет и выборы отнюдь не решают судьбу хозяйственника, Ергасов понимал: многое в дальнейшем будет зависеть от того, переизберут или не переизберут его в новый состав партийного бюро. И тревожный холодок нет-нет да и набегал, опахивал душу, как он ни старался заглушить его курением, хохотом и не очень разборчивыми шутками.

Силин позволял себе смеяться не слишком часто. Свои и чужие шутки помогали ему иной раз незаметно переменить тему разговора или удачно выйти из затруднительного положения.

— А где это Вишняков? — вспомнил он, бросая истаявшую тонким синим дымком папиросу.— Выяснил бы: скоро ли счетчики свою бухгалтерию кончат?

Словно почувствовав, что говорят о нем, из нарядной показался секретарь партийного бюро шахты Вишняков — в пенсне, с коротко подбритой бабочкой усов, которая, сдавалось, расправляла темные крылышки, лишь только он заговаривал или улыбался. Коричневый выходной костюм придавал ему праздничную нарядность и моложавость.

— Чего это комиссия тянет? — встретил его выжидающе-требовательным взглядом Силин.— Сходил бы поглядел: скоро они там?

— Не имею права, Петр Иваныч.— Вишняков достал сигареты и, закурив, глубоко вздохнул.— И так уж... видишь, что у нас.

— Ну так пошли кого-нибудь.

— Кого?

— Да хотя бы Протаса...

Отчетно-выборное собрание, которое Вишняков готовил как всякое предусмотренное по плану мероприятие, шло не совсем по тому распорядку, что намечался. Рассказывая об успехах, он не рассчитал время, и когда перешел к последнему разделу доклада — о задачах на будущее,— регламент кончился. В таких случаях председательствующие обычно не слишком строго следят за регламентом, но бригадир проходчиков Протас посмотрел на часы и, постучав карандашом по графину с водой, прервал Вишнякова:

— Полтора часа истекло, товарищи. Какова будет воля собрания? — И, обернувшись к секретарю партбюро, спросил: — Сколько вам еще нужно?

— Минут двадцать,— попросил Вишняков и покраснел гуще, чем обычно.— Вообще я считаю...

— Товарищи, докладчик просит еще двадцать минут.— Не дав ему договорить, Протас широко и округло повел рукой.— Тише!

Нарядная зашумела.

— Закругляйте... время позднее!

— Пускай лучше на вопросы ответит...

Переждав реплики, Протас неожиданно согласился:

— Я тоже так думаю. Товарищ Вишняков в основном, можно сказать, отчитался. А о задачах на будущее поговорим во время обсуждения доклада.

И, не откладывая, поставил на голосование это предложение.

Подчинившись воле собрания, Вишняков захлопнул папку и, сойдя с трибуны, сел за столом президиума. Силин, оказавшийся рядом, пододвинул ему записки.

— Ого! На все отвечать? — прижав ворох бумажек тяжеловатой, пухлой ладонью, рассмеялся Вишняков. Темная бабочка, казалось, взлетела над его губами, придав лицу неожиданно добродушное выражение.— Так тут до завтра хватит...

Но Силин не улыбнулся.

— Выбери самое существенное.

Время для ответов не ограничивалось. То, о чем спрашивали в записках, явно волновало всех.

— Почему наш уголь дороже донецкого?

— Что сделано для осуществления решений Двадцатого съезда партии о ленинских принципах руководства и внутрипартийной жизни у нас на шахте?

— Доколе будут простои у проходчиков и собирается ли руководство по-настоящему внедрять новую технику?

— Почему коммунисты-навалоотбойщики Лапкин и Батюк попали в демагоги?

Шахта то выполняла, то не выполняла план добычи. Себестоимость угля действительно была намного выше предусмотренной. Вишняков, высоко подняв записку в руке, затверженно отвечал:

— Выход у нас только один: повышение добычи, выполнение и перевыполнение плана. Тогда и себестоимость снизится!

Нельзя было не сказать и о простоях. Простои лихорадили работу щита. Вишняков напомнил: по внедрению новой техники партбюро организовало целую научно-техническую конференцию, разработало неотложные мероприятия.

— Разве только о проверке исполнения мы немного подзабыли, — обмолвился он. — Но это — дело поправимое...

Все реже, реже вспархивала темная бабочка над его губами, сникала улыбка. Отделавшись от производственных неполадок, Вишняков перешел к внутрипартийной жизни.

— Из решений Двадцатого съезда мы сделали соответствующие выводы, — с облегчением заговорил он. Голос его пробивался, как ручеек, ищущий дорогу, пока не окреп. — Не только коммунисты, а и весь шахтерский коллектив своевременно ознакомлен с перспективами шестого пятилетнего плана. Достаточно разъяснен и вопрос о культе личности. Регулярнее стали проводиться заседания партбюро, общепартийные собрания. Пересматривается программа занятий сети партийного просвещения. Горком партии обещает, что применительно к уровню подготовки различных групп будет разработана методика изучения важнейших проблем исторического и диалектического материализма, истории партии, экономики и текущей политики.

Говорить об этом Вишняков мог бы еще долго. Но, услышав сдержанное покашливание, отложил записку, взялся за следующую.

— Что же касается Лапкина и Батюка, — вынужден был признаться он, — то с ними мы, товарищи, действительно допустили...

Шахтеры выжидающе стихли. Как подожженный пороховой шнур, по рядам побежали усмешки — сдержанные, молчаливые, не обещающие снисхождения.

И, уловив это, Ергасов внутренне содрогнулся, поглядел на Силина. Но тот сидел, подперев голову рукой, не замечая ничего.

Навалоотбойщики Западного разреза простаивали из-за различных неполадок. Недели две тому назад они потребовали, чтоб к ним спустился начальник шахты и разобрался во всем на месте. Но Ергасов послал в Западный разрез новичка-инженера из управленцев, а тот не сумел помочь шахтерам.

Ко дню получки кое-кто из навалоотбойщиков не отработал даже того, что было взято авансом.

Не добившись толку в шахтоуправлении, Вишняков вынужден был спуститься в Западный разрез сам.

— Чуть не каждый день простаиваем, — окружив его, наперебой заговорили шахтеры. — То одно, то другое...

— Компрессорная никак новые машины не освоит. А воздухоподача даже сипу не дает, не то что пяти атмосфер!

— Инженеры да начальники наверху...

— Ну, это демагогия! — не сдержался Вишняков. Он уже понимал, что вряд ли сумеет развязать этот стянувшийся узелок. — Я ведь тоже инженер...

— У тебя ставка, — с подкупающей убедительностью возразил ему Лапкин, хмуро блеснув синеватыми, в угольных ободах белками. — А наши простои по себестоимости бьют!

Спустя два дня Лапкин и Батюк явились после смены в партбюро, как поднялись из шахты, в касках, в брезентовых спецовках, и потребовали:

— Пойдем к начальнику!

Ергасов встретил их по обыкновению благодушно.

— Простои лихорадят многие шахты вокруг. Освоим новые компрессоры — будет воздух...

— Переводите на электрику! — негусто краснея и разгораясь, зашумел маленький коренастый крепыш Батюк. — Не за обушок же нам браться!

— А соленоиды где? — охладил его Ергасов. — Ты, что ли, ими снабжать станешь?

Вишняков попытался примирить их. Но на шахтеров ничто не действовало.

— Созывай партийное собрание, — предложил более уравновешенный и спокойный Лапкин. — Пускай начальник шахты доложит: будут управленцы осваивать новую технику или нет?

— Очередное партийное собрание у нас теперь по плану только семнадцатого...

— Созывайте внеочередное!

— Для созыва внеочередного нет достаточных оснований.

Уговаривая шахтеров, Вишняков сидел за столом. А они стояли перед ним в мокрых брезентовых куртках, в резиновых сапогах и настаивали:

— Пускай партийная организация проконтролирует...

— Использует свое право!

Ергасов несговорчиво поднялся.

— Идите лучше отдыхайте. А о собраниях партбюро без вас позаботится, когда надо будет.

Но это только задело шахтеров.

— Без тебя проверим! — пообещал, подступая, Батюк. — Собрание соберем и кому надо знать дадим...

Вечером об этом стало известно в горкоме партии. Силин вызвал по телефону Вишнякова.

— Что у тебя там произошло? — требовательно спросил он.

Вишняков предусмотрительно попытался выиграть время, чтоб сообразить, как держаться. Закусив губу, он выжидающе помолчал и наконец отозвался:

— Не знаю. А что?

— Товарищ Вишняков, прошу немедленно в горком! — повысив голос, перешел на официальный тон Силин. — И начальника шахты пригласите. Со всеми материалами...

Все это было еще достаточно памятно, и Вишняков никак не мог набраться решимости. А собрание ждало.

— С новыми компрессорами мы осваивались спустя рукава, — дважды сложив и расправив записку, наконец начал он. — Лапкин и Батюк правильно требовали навести порядок с воздухоподачей, ликвидировать простои. Могу доложить: в результате принятых мер неполадки в Западном разрезе сейчас почти изжиты. Наведен...

— Об этом Ергасов расскажет, — перебили его. — А вы оценку дайте!

Вишняков замялся. Впервые как будто не было у него нужных слов, а те, что находились, не шли с языка.

— Оценка этому случаю, товарищи, дана городским комитетом партии, — решив выручить его, вмешался Силин. — Вы ее знаете: руководство вашей шахты недостаточно вникает в производство, в шахтерские нужды, допустило ошибку...

— Сидят наверху, а об угле не болеют!

— Не оправдывайте вы их!..

Силин сдержанно усмехнулся. Лицо его похорошело, стало моложе, словно разыгравшаяся сила жизни озорно искала себе выхода, а он не давал ей воли.

— Да разве я оправдываю? Ергасов, как вы знаете, получил взыскание. Но городской комитет считает, что он может исправить допущенные ошибки, и поэтому не отказывает ему в дальнейшем доверии.

Когда обсуждался этот случай в горкоме, Силин убедился, что следует обязательно укрепить партбюро шахты, и сейчас, на собрании, думал об этом. Он знал коммунистов и перебирал их одного за другим.

«Может, Полозкова ввести? — думал он. — Или старика Киреева? А что, если Щеколдина выдвинуть? — Неожиданно обрадовавшись, Силин припомнил все, что знал о нем, словно убеждал сам себя: — Инженер. В партии, правда, всего четвертый год. Ну да молодость не беда. Главное, массовик, всегда на народе...»

Обведя глазами нарядную и не найдя Щеколдина, он наклонился к Протасу.

— А где Щеколдин? Что это его не видно?

— Он в смене сегодня, — вполголоса отозвался Протас и, откинув прядь волос со лба, задорно блеснул синими, как небо, глазами, как бы спрашивая: «Ну, что? Неплохо веду?»

— Надо бы его в новый состав партийного бюро выдвинуть, — предложил Силин и, словно проверяя себя, спросил: — Как ты считаешь?

— А мы с ребятами об этом уже говорили, — чуть подумав, признался Протас. — Выдвинут обязательно...

Вишняков ответил на записки. Начались прения по докладу.

Накал критики сказался сразу же. Опустив голову с редкими иглами седины, точно все, что говорилось, нестерпимо обжигало его, Ергасов круто побагровел.

— Ох, и взяли-ись!..

Он слушал выступавших и с необъяснимо-тревожной горечью вспоминал о первых годах своей работы, о том, как сутками не вылезал на-гора́, беспокоился о каждой неурядице в шахте, и ощущал, что прежнего, молодого инженера давно нет, что за столом президиума, накрытым красным, торжественным сукном, сидит немало переживший угольщик, знающий, как говорится, что к чему. Великое дело — молодая душа. Но вечной молодости у Ергасова не было, и он даже не пытался думать и чувствовать по-иному.

Вишняков искоса поглядывал на него.

— Ты когда выступаешь, Ергасов?

— После Лапкина, кажется. А что?

— Ответь Ольшанцу! С критикой вылез, а о приписках на участке — ни слова.

Ергасов тоскливо поморщился.

— Ничего! Крикуны выкричатся, а работать-то нам с тобой.

Перед войной Вишняков учился в Горном институте, но окончить его не успел. Был на фронте, потом осваивал новые угольные месторождения на Урале, а сюда приехал года четыре тому назад. Работать по специальности не пришлось: выдвинули секретарем партийной организации треста, затем перебросили на третью шахту.

С тех пор судьба Вишнякова определилась как бы навсегда. В горкоме его считали крепким, способным работником, а наиболее дальновидные прочили даже в секретари по промышленности.

Сделавшись партийным работником, Вишняков без особого труда поладил с Ергасовым. Даже не замечая этого, он потерял остроту и зоркость и стал, попросту говоря, придатком хозяйственника.

Случай с Лапкиным и Батюком подтвердил это особенно наглядно...

— Навалоотбойщики простаивали изо дня в день и почти ничего не зарабатывали, — выйдя из-за трибуны, допекал Ергасова низенький, тщедушный председатель профсоюзного комитета Новиченков. — Ергасова задевает только, когда шахтеры зарабатывают много, как будто их заработки чем-то ущемляют его самого...

— Брехня! — крикнул Ергасов и даже заметно побледнел, сдержавшись. Видно, немалых сил стоило ему это. — Ты лучше расскажи, как сам отстаиваешь государственные интересы!

— Все расскажу, — пообещал тот.

— Как шахтком с приписками борется...

Протас не вытерпел, вмешался:

— Что за перепалка? Призываю к порядку!

Вишняков нагнулся, записывая что-то в блокноте. Затем, овладев собой, снова уселся поудобнее и, глядя на всех невидящими глазами, попытался соблюдать достоинство попрежнему.

Новиченков рассказал все, что обещал, и уступил место угловатому, помятому обвалом крепильщику Зубку. За ним на трибуну вышел Лапкин.

С болью говорили они о работе шахты, о том, что мешает выполнять план добычи, внедрять новое. Внутренний их накал распалил всех коммунистов, не оставив равнодушных и спокойных. И только один Вишняков делал вид, что спокоен, как всегда.

Обернувшись к Силину, он даже, деланно веселея, подмигнул:

— Здорово дают! А не перегибают, как ты думаешь?

— Ничего. Пускай критикуют, — отозвался Силин, медленно шевеля искалеченными пальцами облокотившейся о стол руки. — Правильно ведь!

— Правильно-то правильно. Да как бы... Критика ведь на пользу делу должна быть.

Ухватившись за эту мысль, Вишняков наклонился снова и стал записывать что-то в блок-

ноте, словно вспомнил и боялся забыть в горячке и суматохе.

Дождавшись своей очереди, Ергасов получил слово после Лапкина. Собрание встретило его настороженно, как будто хотело разглядеть за словами начальника шахты нечто еще.

А Ергасов словно не понял происходившего. Не скупясь на обещания, он стал заверять коммунистов, что ликвидирует неполадки, примет необходимые меры и добьется решительного перелома во всем. В пылу выступления ему и вправду верилось в это, хотя подобные обещания давались уже не первый раз и не первый раз признавались ошибки и промахи.

— Обещанки-цацанки! — зашумели коммунисты.

— Расскажите лучше, что делается для перехода на шестичасовой рабочий день?

— Когда опыт других шахт внедрять будем? — спросил кто-то из проходчиков.

— В Макеевке вон откаточные штреки широким ходом ведутся. А мы всю породу нагора́ гоним...

Ергасов едва успевал отвечать. Закончив выступление, он вернулся с трибуны распаренный, мокрый, как из бани, и, даже забыв достать платок, рванул крючки на воротнике форменки.

Предоставив слово секретарю комсомольской организации Ястребову, Протас автоматически объявил:

— Приготовиться Протасу...

Шахтеры заулыбались. В нарядной стало весело, словно обмолвка эта принесла давно необходимую разрядку.

— Зря ты нам, Ястребов, серединку на половинке развел! — дождавшись, когда тот кончил говорить, вмешался Протас.— Критиковал, критиковал, а как до выводов дошло...

Захватив записи, он пошел к трибуне, привычным жестом откидывая за ухо растрепавшийся чуб.

— Слово имеет Протас,— бросил вдогонку ему Ергасов, пересаживаясь на председательское место и стуча карандашом о графин.— Тише, товарищи, порядок!..

Протас оглянулся, нахмурился и, махнув рукой, стал продолжать выступление. Манера, с какой он обращался к собранию, была подкупающе проста и состояла из вопросов, которые Протас задавал всем и на которые тут же отвечал.

— Какую оценку работе партбюро за отчетный период можно дать? Малоудовлетворительную. Я бы сказал: неудовлетворительную! Особенно по претворению в жизнь решений Двадцатого съезда...

Переждав одобрительный шумок, он спросил:

— Как партбюро, пользуясь предоставленными правами, контролировало деятельность хозяйственников? Почти никак! А спросите у шахтеров, что они скажут о Ергасове?

— Лучше не спрашивать,— заметно оживившись, отозвались коммунисты.

— Вершитель удельный!

Протас снова откинул чуб со лба.

— Когда начальника шахты видели хотя бы у нас в забое? Месяц назад!

Его поправили:

— Все два...

— Вот видите: два месяца,— подхватил Протас.— А знает ли Ергасов, что происходит в шахте каждый день, каждую смену?

Чуть помолчав, он округло повел рукой, как бы замыкая все, что говорилось, в одно кольцо:

— На это я предоставляю ответить вам, товарищи.

В нарядной сделалось шумно. Но Ергасов словно забыл, что может вмешаться, призвать к порядку.

А Протас ворохнул листки с записями и, не заглядывая в них, все так же метко и живо стал критиковать другие неполадки и, сдавалось, совсем не опасался, что задевает людей, которым был подчинен и от которых в какой-то мере зависел. Силин слушал его и радовался.

«Вот кого бы в заместители секретаря партбюро,— думал он.— Секретарем еще не справится. А заместитель будет хороший!»

Просмотрев в списке фамилии выступающих, Ергасов решил произвести кое-какую передвижку. Сразу же за Протасом он наметил дать слово инженеру Голубовскому, надеясь, что тот поддержит руководство.

«А за Голубовским можно будет выпустить шахтеров постарше, вроде Римского или Козореза,— думал он.— Они хоть как-то выправят дело перед выдвижением кандидатур в новый состав партбюро».

Но едва Протас сошел с трибуны, поступило предложение прекратить прения.

— Высказалось двенадцать чи тринадцать человек,— пояснил поднявшийся с места моторист Бохан, нескладный, медвежеватый, с вислыми запорожскими усами.— Может, хватит... щоб не повторяться? Время позднее!

Собрание поддержало его. Волей-неволей Ергасов был вынужден поставить предложение Бохана на голосование.

— Выступать будешь? — вполголоса спросил он у Силина.— А то прекращаем прения...

Все шло как не надо лучше. И Силин решил не выступать.

— Не стоит, пожалуй, затягивать. Прекращайте.

Выходивший куда-то Вишняков вернулся как раз к заключительному слову.

— Тебя вызывают к телефону,— сообщил он Силину.— Кажется, из области.

— Даже тут нашли.— Поднявшись, Силин посоветовал: — Ты коротенько: ограничься справками...

Звонили из обкома. Когда он вернулся в нарядную, счетчики раздавали бюллетени для голосования. Ергасов, встретив Силина в проходе, потащил обратно.

— Пойдем курнем,— предложил он, отдуваясь, точно свалил непомерную тяжесть с плеч,— пока счетчики свою бухгалтерию подведут...

Ловко управляясь искалеченными пальцами, Силин закурил.

— Кого же в новый состав выдвинули?

— Всех, кто был намечен, кроме Голубовского. А добавили Щеколдина, Киреева и Полозкова.

Силин не спрашивал, выдвинули ли в новый состав партбюро Ергасова. Это подразумевалось само собой. Но, оказывается, выдвижение его не обошлось без серьезных возражений многих коммунистов.

В нарядной было оживленно. Стенная газета с карикатурами, призывы, плакаты, диаграммы роста добычи и проходки подчеркивали необычность сегодняшнего собрания и невольно настраивали на приподнятый лад.

В углу на скамейке, победоносно оглядывая подходивших, Лапкин играл в шашки с крепильщиком Зубком. Вокруг, дымя папиросами, стояли шахтеры. Игра шла на выброс: проигравший должен был уступить место следующему игроку.

— Ну нет, милок! Мало ты еще штыбу ел,— озорновато водя глазами, посмеивался Лапкин.— Ходишь, как бог под руку толкнет. А в шашках тоже секреты...

— Какие там секреты? — сосредоточенно вглядываясь в расположение шашек на доске, горячился Зубок. Самокрутка торчала у него за ухом, лицо было в капельках пота и раскраснелось.

— А вот какие. Гляди, милок-обушок.— Лапкин эффектно подставил под бой шашку справа. А когда Зубок взял ее, торжествующе привстал и, крякнув от удовольствия, снял три шашки противника красивым, стремительным зигзагом и прорвался в дамки.— Видал! Ну... кто следующий?

Наблюдавшие за игрой расхохотались.

— Мастер ты маленьких обыгрывать, Лапкин!

— Раз, два — и в дамки...

— А нужник организовать Зубку не сумел?

— Пожалел я его,— косясь на обескураженного противника, оправдывался Лапкин.— Ему бы тогда от позора деваться некуда было!

Расставив шашки для новой партии, он пригласил:

— Садись... кто еще?

Но охотников не оказалось.

— Ты лучше со Щеколдиным сыграй!

Батюк не в пример ему казался озабоченным.

— Меня что за печенки забрало? — объяснял он покашливавшему Бохану.— За ребят обида! А теперь боюсь, как бы...

— Ни черта,— мрачно возразил Бохан и, плюнув, притушил окурок.— Я его из бюллетеня все равно вырубил! — И стал рассказывать Батюку, как нынешним летом, получив телеграмму от матери, надумал взять отпуск и съездить к ней в Сибирь.

Дорога туда-обратно отнимала не меньше двух недель. Бохан пошел просить, чтобы добавили дней пять отпуска за свой счет. Но Ергасов отказал, ссылаясь на какое-то положение.

Бохан хлопнул дверью, оскорбленный, и ни-

куда не поехал. Весь отпуск он не вылезал из «Сквознячка» — третьеразрядной пивнушки-забегаловки на Горном поселке. Пил и не верил, что не бывает правил без исключения. Ведь он не видел старуху-мать шесть или семь лет: неизвестно, сколько та еще протянет и дождется ли сына, пока жива...

В каждой партийной организации есть активисты, которых всякий раз выбирают только в счетные комиссии. Вроде почетно и нетрудно.

И этот раз в счетную комиссию выбрали старого коммуниста Семена Леонтьевича Соколкова, а в придачу к нему добавили Римского и Козореза. Соколков до самозабвенности любил точность и неукоснительную пунктуальность во всем, что полагалось при раздаче и сборе бюллетеней, подсчете голосов, оформлении протокола, и, сдавалось, лег бы костьми, но не отступил от того, что предусмотрено уставом.

Поэтому-то так и затянулся перерыв. Увлеченный своим делом, Соколков забыл о времени.

Постучав в дверь кабинета, Протас негромко окликнул:

— Леонтьич! Скоро у тебя там?

— А ты что за спрос? — не узнав его, сердито отозвался Соколков и, подойдя к двери, чуть приоткрыл ее.— А-а... это ты? Сейчас, сейчас! Осталось только протокол перебелить.

— Да не тяните вы,— поторопил Протас.— И так уж, гляди, новую смену прихватили!

Соколков свирепо заморгал красноватыми, в воспаленных веках глазками.

— А в горкоме кого ругать будут, ежели напутаем?

Протас отправился в нарядную.

— По местам, по местам, товарищи! Сейчас будем продолжать.

Ергасов чувствовал, что вряд ли окажется избранным, но самолюбие заставляло его не отступать до конца.

— Чего сделался темней ночи? — подтолкнул его Вишняков.— Критику, брат, любить надо!

— А, да ну тебя! — мрачно отмахнулся Ергасов и тревожно поглядел куда-то вдаль.

В дверях нарядной их задержал сменный инженер Щеколдин. Он только что поднялся из шахты — в каске, в измазанной спецовке, но выглядел, как всегда, бодро.

— Жмет, Сергей Константинович, — сдерживая волнение, доложил он.— Наверно, больше ста тонн на квадратный метр.

— Опять на сороковом втором?

— На сорок втором.

— А крепление?

— Кое-где смяло...

Казалось, нервничать бы следовало Щеколдину. Он ведь явился оттуда, где угрожала опасность. Но на самом деле не сдержался начальник шахты:

— А вы куда смотрели?

Круглое металлическое крепление, применявшееся с недавних пор, впервые выдерживало такое небывало высокое, титаническое давление обводненных горных пород. В нескольких местах кольца сделались совсем яйцевидными.

— Людей мало. Разрешите вызвать внеочередную смену.

Щеколдин сдвинул мокрую, в глине каску, открыв лоб с едва наметившейся морщинкой — наискось, над правой пушистой бровью. Измазанное угольной пылью лицо его было одухотворено решимостью.

Несмотря ни на что, там, под землей, работали шахтеры его смены. Глухой, разнокалиберной дробью били отбойные молотки, гремели угольные рештаки, электровозы подкатывали наполненные вагонетки к подъемнику. Звонили разрешающие сигналы, лязгали дверцы клетей, и уходили вверх, на-гора, порода и уголь.

А сверху спускали порожняк, крепеж, тюбинги для проходческого щита, цемент, бут и многое другое, без чего не обходится в рабочее время ни одна шахта. Безостановочно вертелись колеса на скипе, и Щеколдин словно слышал и видел, что происходит там, внизу, на сорок втором участке.

— Без паники! — оборвал его Ергасов.— Где вам возьму людей?

— Разрешите вызвать внеочередную смену,— снова предложил Щеколдин.

— Да пока она соберется, у вас весь откаточный штрек завалит! — Ергасов с сердцем хлопнул ладонью по притолоке и, не допуская возражений, приказал: — Идите и действуйте наличными силами!

Дверь кабинета распахнулась. Соколков, деловитый и торжественный, в сопровождении членов счетной комиссии прошел в нарядную.

Увидев их, Протас поднялся за столом и обрадованно постучал карандашом. Опустев почти до дна, графин звенел теперь тонко и мелодично, будто старался уверить всех, что самое лучшее сейчас не шуметь и набраться терпения.

— Продолжаем собрание, товарищи. Слово для оглашения результатов тайного голосования предоставляется председателю счетной комиссии Соколкову Семену Леонтьевичу.

Оседлав по-стариковски сизоватый нос внушительными очками, Соколков бегло откашлялся и, держа протокол несколько наотлет, стал читать:

— Протокол счетной комиссии по выборам партийного бюро шахты номер три. От семнадцатого сего октября...

Присутствовало на отчетно-выборном собрании пятьдесят восемь членов КПСС, кандидатов — шесть. Роздано бюллетеней для тайного голосования пятьдесят восемь. По вскрытии урны оказалось пятьдесят семь. Подано голосов...

Фамилии голосовавшихся в партбюро нового состава шли в протоколе, как и в списке, по алфавиту.

— Батюк — тридцать восемь,— огласил Соколков.— Вишняков — тридцать три. Ергасов,— неожиданно Соколков не то запнулся, не то сделал передышку и обескураженно проговорил: — Тут, товарищи, дело плохо. Ергасов собрал всего четыре голоса...

— Включая свой собственный! — едко подкинул кто-то.

— Видно, так,— подтвердил Соколков.— Потому что вряд ли он голосовал против самого себя. И комиссия не знает, что теперь делать.

— Читайте дальше,— подсказал Силин. Этого следовало ожидать, и не время было затягивать собрание.

— Киреев — сорок, Лапкин — тридцать девять, Полозков — сорок один, Протас — сорок четыре,— снова официально и внушительно стал оглашать Соколков.— Щеколдин — пятьдесят три, Ястребов — четырнадцать...

Передохнув, он обвел всех сурово-ясными, ликующими глазами и закончил:

— В новый состав партийного бюро избраны: Батюк, Вишняков, Киреев, Лапкин, Полозков, Протас и Щеколдин. Не прошли — Ергасов и Ястребов. Председатель счетной комиссии — Соколков. Члены — Римский, Козорез.

Нарядная снова зашумела.

— Ну, что ж? Все? — облегченно спросил у Силина Протас.— Будем закругляться?

— Все, как будто. — Силин протянул ему руку. — Поздравляю.

— Примем наказ новому партбюро?

— Принимайте.

— А потом задержимся, выберем секретаря.

— Да, уж сразу...

Протас поднялся:

— Минуточку, товарищи. Слово для оглашения наказа новому партийному бюро шахты имеет...

Ергасову внезапно стало до того тяжко, что он поднялся и осторожно выбрался из нарядной. Его не задерживали.

В кабинете с неубранными бумажками, смутно белевшими на столе, за которым заседала счетная комиссия, он наугад, во тьме, прошел к окну и, опустившись на стул, неторопливо закурил. В распахнутую форточку задувало резким, порывистым ветром, попахивало углем, дымком и разогретым машинным маслом.

Невидная осенняя ночь стояла над шахтным копром, над терриконом, над окрестными полями, обвеянными суровым дыханием непогоды и стужи. Далеко, на соседних шахтах, горели красные звездочки. Оттуда доносился приглушенный расстоянием, размеренный шум. Маневровый паровоз, коротко и требовательно погукивая, сновал по рельсам на подъездных путях. Чокаясь друг с дружкой, звенели тарелки угольных платформ.

— Ничего,— задумчиво проговорил, точно убеждая в чем-то самого себя, Ергасов.— Ни-че-го...

Никогда еще не случалось, чтобы он оставался вот так — наедине с трудными и невеселыми своими думами, а сейчас был один, совсем один. Безвозвратно кончилась одна полоса его жизни и начиналась другая.

«Какова-то она будет?» — отчужденно спрашивал Ергасов. И снова, как за столом в президиуме, ему было холодно и тяжко.

Жизнь прошла — хорошо ли, худо, он не винил ее ни в чем. А вот то, что произошло сегодня, заставляло безотрадно оглядеться.

«Не солнце, всем не угодишь,— думал Ергасов, пытаясь убедить себя в том, что он отнюдь не виноват в случившемся.— Что ни говори, хозяйственник должен гнуть свою линию, а если кто и обидится, так без этого не обойдешься!»

Но что-то говорило ему: это не так. И, решив по-своему, что впредь следует быть умнее и изворотливей, Ергасов привычно успокоился.

А собрание продолжалось.

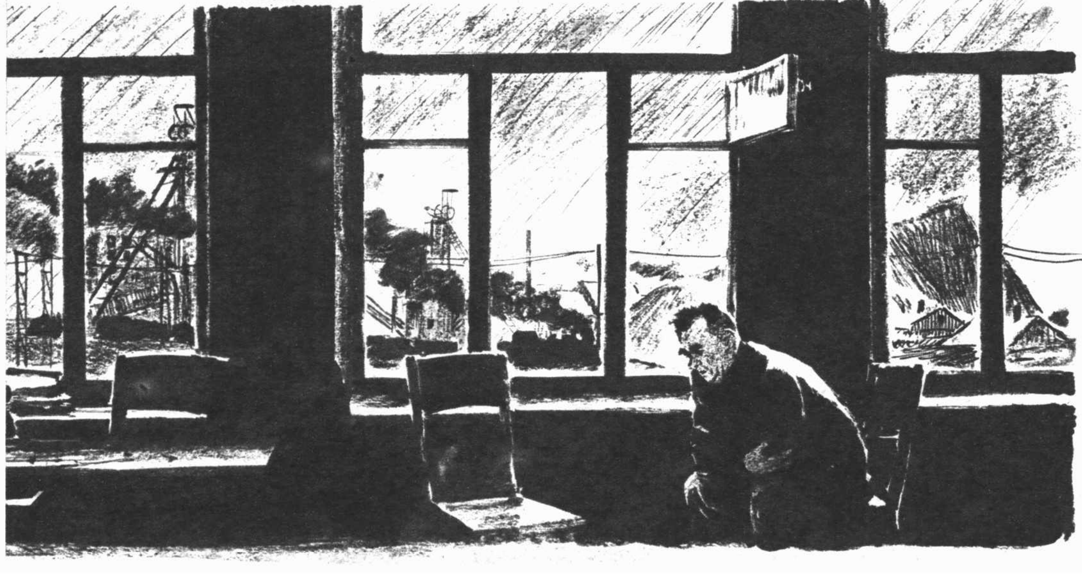
Но едва только на трибуне появился с наказом Зубок, в президиум широкими и решительными шагами прошел Щеколдин. Наклонившись к Силину и Протасу, он стал что-то горячо объяснять им, и оба они, сразу потемнев, одобрительно кивнули в ответ.

— Тише, товарищи,— предупреждающе повел рукой Протас.— Погоди, Зубок! Слово имеет товарищ Щеколдин...

Оставляя следы на полу, Щеколдин вышел, остановился слева, у стола. Положив снятую каску, пригладил спутавшиеся, по-мальчишески вихрастые волосы.

Все думали, что инженер, занятый в смене, не смог выступить во время обсуждения доклада и начнет говорить сейчас о том, что уже говорилось. Но Щеколдин выпрямился и, словно переняв у Вишнякова право вести коммунистов, негромко объявил:

— В откаточном штреке крепление смяло, товарищи. Одни мы там не справляемся. Все, кому выходить с утра,— в шахту!

Такие костюмы предохраняют от радиоактивного излучения.

БРОНЯ ПРОТИВ ПЫЛИНКИ

Алексей ДОРОХОВ

Что страшного в пылинке? Да еще в такой, какую и глазом не увидишь? Вопрос может показаться праздным: пыль есть пыль. А между тем мне довелось недавно побывать в большом научно-исследовательском институте со множеством отделов и лабораторий, все сотрудники которого работают над одной, по существу, проблемой: как уберечь человека от опасности, которую таит невидимая глазу пылинка.

С детских лет мы помним древнюю арабскую сказку о бедняке, выпустившем из бутылки заключенного в ней злого духа. В том же примерно положении оказались в наши дни ученые, нашедшие способ нарушить неделимость атома. Оказалось, что продукты распада расщепленного атома могут скрывать в себе опасность, которая к тому же усугубляется тем, что долгое время способна быть незаметной.

При всяком расщеплении атома возникают радиоактивные излучения. Попадая в человеческий организм в виде пыли или газов, они иногда распределяются в нем равномерно, вызывая у человека хроническую болезнь. Иногда же откладываются избирательно: кобальт задерживается и скапливается в кроветворных органах, фосфор — в костях, йод — в щитовидной железе. Тогда возникает местное поражение — печени, позвоночника, желез.

Бета-частицы, например, способны проникать через неповрежденную кожу и углубляться в живую ткань на четыре — пять миллиметров. Даже механическая преграда в виде обычных перчаток или очков не способна задержать гамма-излучения. Чтобы ослабить, к примеру, в два раза интенсивность гамма-излучения изотопа кобальта (Co-60), очки из свинцового стекла должны быть толщиной в семь сантиметров и, следовательно, весить не меньше трех — трех с половиной килограммов! Перчатки же из просвинцованной резины должны быть лишь на сантиметр тоньше и весить... семнадцать килограммов каждая.

Ясно, что в таких условиях индивидуальная защита неосуществима. Тем более, что радиоактивной пыли или газу совсем просто попасть в организм через рот или нос при дыхании или еде.

Как же защитить людей, имеющих дело с радиоактивными изотопами, от невидимой опасности?

...Как-то в хирургической клинике я услышал разговор дежурного врача с сестрой: «Зачем вы держите этого больного в грязной палате? Его надо перевести в чистую». Заглянув в застекленную дверь, я не заметил в палате ничего, что оправдывало бы такое замечание. Мое недоумение рассеялось, когда я узнал, что в хирургических отделениях больниц «грязными» называют палаты, где лежат больные с гнойным процессом, а «чистыми» — без такового.

С тем же своеобразным представлением о «грязных» предметах я столкнулся и в этом институте.

За голубоватым стеклом шкафа висели ослепительно белые халат, шапочка, новенькие резиновые перчатки с длинными, до локтей, манжетами.

— Можно примерить перчатки? — спросил я.

На лице моего спутника отразилась тревога.

— Что вы! Ни в коем случае! Они грязные!

Это значит, что человек, снявший все эти вещи, побывал недавно в боксах «горячей» лаборатории (тоже специальный термин) и перчатки, халат не прошли еще особой очистки.

Точно так же «грязными» могут оказаться вылизанная до немыслимой чистоты комната, покрытый прозрачным стеклом лабораторный стол, сверкающие никелем аппараты. «Грязным» может оказаться и только что принявший горячий душ сотрудник, если в порах кожи его лица или на волосках рук остались частицы радиоактивной пыли — аэрозоли.

Ох, уж эта пыль! Впрочем, на пыль в нашем обычном представлении аэрозоль похожа довольно мало. Прежде всего, она в большинстве случаев невидима даже в микроскоп, если только он не электронный. Она почти невесома и не колеблет стрелку даже ультраточных химических весов, площадка которых падает под тяжестью паутинки. Ее не улавливают обычные тонкие фильтры. И при всем том она имеет отвратительное свойство прилипать к вещам так упорно, что нужны большие усилия, чтобы от нее избавиться.

Так что же — испугаться и бежать? Конечно, нет! Опасность надо усмирить! И наука это делает.

Но как обнаружить противника, не проявляющего себя ни видом, ни весом, ни химическими свойствами? Попробуйте выяснить, скрывается ли опасность в ничем не приметной комнате, если вам говорят, что предельно допустимое присутствие в ней радиоактивного изотопа стронция не должно превышать... 3,5 миллиардной части микрограмма на литр воздуха! А микрограмм — это всего лишь миллионная часть грамма.

Вот и ищите миллиардную частицу миллионной части грамма!

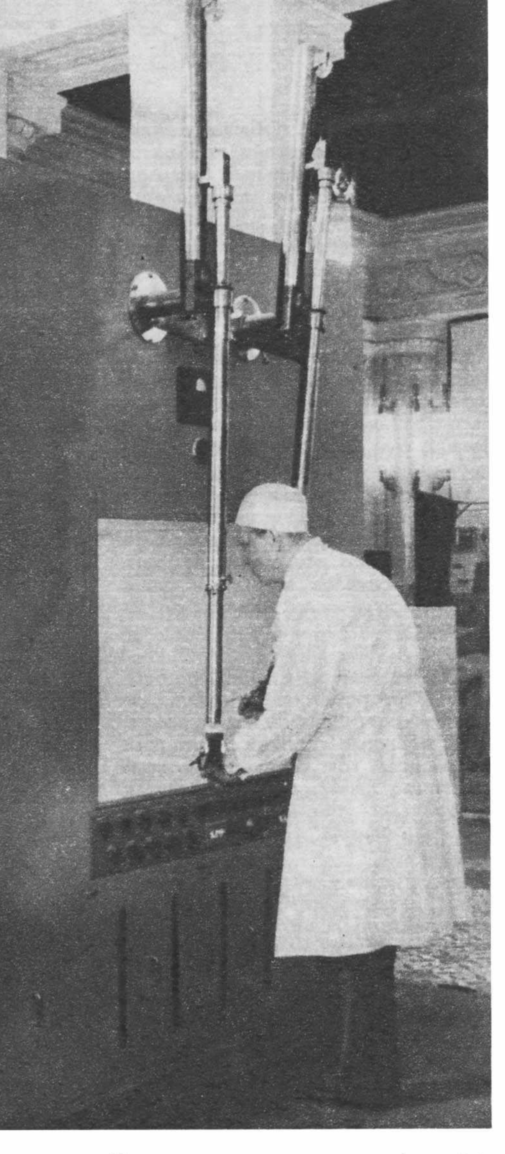
Но наука добивается и этого. На стендах «Атомного павильона» Всесоюзной промышленной выставки можно увидеть десятки аппаратов с длинными щупами, напоминающими по внешнему виду саперные миноискатели. Собственно говоря, это и есть «миноискатели», только особые. «Мины» они ищут невидимые и невесомые, и к тому же такого «замедленного действия», которое растягивается на десятилетие.

И самое, пожалуй, ценное, что все эти электронные разведчики не только говорят о присутствии в воздухе радиоактивной пыли. Их шкалы показывают в готовых математических отсчетах качество и степень угрозы...

Вот, к примеру, небольшой черный ящичек со стеклянной поверхностью. Сбоку циферблатик наподобие манометра. Вы кладете на стекло ладонь. Чуткая стрелка приходит в движение и показывает совершенно точно, не превысила ли «загрязненность» вашей кожи радиоактивными атомами безопасного предела.

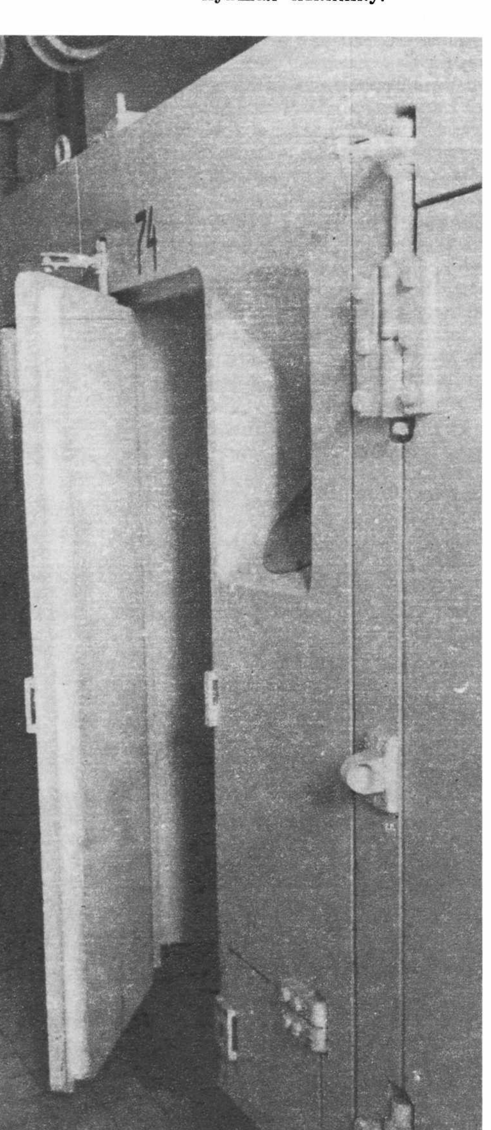
Не менее буднично выглядят и крохотные кассеты с пленкой или небольшие штифтики, похожие на обычную авторучку. С утра их кладут в кармашек халата, а вечером они докладывают, сколько излучений проникло в ваш организм за день и не превзошло ли их количество допустимой дозы.

Такие предельные дозы разработаны для всех известных радиоактивных веществ и их излучений. Благодаря таблицам этих доз можно, соблюдая жесткие прави-

Металлические «руки» повторяют движения сотрудника, а сам он отгорожен от камеры толщей бетона.

Такая свинцовая дверь закрывает камеру, где находится собака, вдохнувшая пылинку.

ла, спокойно общаться с атомными союзниками, точно учитывая степень загрязнения.

Но было бы очень плохо, если бы люди, призванные бороться с невидимой частицей атома, ограничивали свою задачу лишь тем, что констатировали ее наличие.

Гораздо важнее научиться ставить работающих в такое положение, когда в их организм не попадала бы пыль. В условиях лаборатории, клиники или цеха есть несколько таких средств: капсуляция вещества, герметизация оборудования, автоматизация процессов, индивидуальная защита работающего.

Когда речь идет об изотопах, испускающих при расщеплении лишь альфа- и бета-частицы, дело решается сравнительно просто. Такие частицы поглощаются даже оболочкой стеклянной ампулы и металлической капсулы, в которой заключено радиоактивное вещество.

В этом случае используется система застекленных боксов, соединенных герметическими дверцами. Капсула с радиоактивным веществом лежит на площадке крайнего бокса. Это «шлюз», своего рода «предбанник» перед самой «баней» — центральным «горячим» боксом, где производятся операции с содержимым капсулы.

В стеклянной стенке центрального бокса — два круглых отверстия. А в них наглухо, герметически, вмонтированы длинные резиновые рукава, заканчивающиеся перчатками. В эти перчатки оператор всовывает руки. Теперь его пальцы внутри бокса.

Взяв ими лежащие в боксе щипцы с длинными рукоятками, оператор дотягивается до капсулы, переносит ее в центральный бокс, закрывает дверцу «шлюза» и начинает работу. Закончив ее, он переносит капсулу обратно в «шлюз».

Значительно сложнее обезопасить работающего, когда ему приходится иметь дело с изотопом, излучающим гамма-лучи большой энергии, или с открытым радиоактивным веществом. Тогда резиновые перчатки не могут уже служить достаточной защитой, и дело происходит так.

...По рельсам движется небольшая электрическая повозочка — миниатюрное подобие электрокара. На площадке повозки стоит пузатый бочонок — контейнер. Покрытый белой эмалью, он поблескивает своими никелированными запорами. Вам не удалось бы его поднять: весь он, почти целиком, заполнен свинцом. И лишь в самой его сердцевине, как алмаз в толще горы, лежит металлическая капсула величиной с игольник, а в капсуле — запаянная стеклянная ампула с еле видимой крупинкой радиоактивного вещества. По большей части крупинка так в капсуле и остается. Сравнительно тонкие ее стенки не мешают излучению тех электронных потоков, которые, собственно, и нужны металлургам, медикам, химикам.

Бесшумно, сама, как в заколдованном замке волшебника, открывается тяжелая свинцовая дверь. Повозка въезжает в лабораторию. Лаборатория пуста. Вход сюда людям, без особой нужды, воспрещен. Самоходная повозка останавливается возле бокса-«шлюза».

А где же человек, руководящий ее движением? Он стоит в соседней комнате. От лаборатории его отделяет бетонная стена полуметровой толщины. Часть этой стены прозрачна: между толстыми свинцовыми стеклами слой воды в несколько десятков сантиметров.

Оператор приводит в движение систему дистанционного управления. Хитроумные рычаги поднимают бочонок, ставят его на площадку «шлюза», закрывают дверцу.

И тогда в дело вступает так называемое «копирующее устройство». Оно действует настолько удивительно, что тоже кажется волшебным.

Оператор по-прежнему стоит перед застекленным отверстием, сделанным в бетонной толще стены. Ему виден находящийся по ту сторону стекла лабораторный стол, уставленный посудой, горелками, весами. В особом штативе лежат в гнездах какие-то пинцеты, щипчики, ножи, захваты.

Перед оператором — вделанный в стену сложный механизм. Подвижные рычаги заканчиваются рукоятками, снабженными металлическими наперстками. В эти глубокие наперстки оператор вкладывает свои пальцы.

А затем начинается нечто действительно похожее на чудо. Все, что делают живые пальцы оператора, там, за стеной, в другой комнате, повторяют железные пальцы механизма. Сложная система рычагов, шарниров и тяг заставляет их точно копировать любое движение человека.

Вот одна из железных «рук» сняла со штатива подбитый замшей захват и ловко вставила его в кисть другой. Вторая «рука» помогла вооружиться первой. А потом обе начали работать.

Механические пальцы осторожно поднимают хрупкий стакан, тонкой стеклянной палочкой взбалтывают его содержимое, переливают в колбочку, не пролив при этом ни капли, берут ножницы и отрезают кусочек фильтровальной бумаги, открывают коробок со спичками, зажигают газовую горелку, тушат спичку, бросают ее в пепельницу.

Со стороны может показаться, что в пустой лаборатории, как в метерлинковской «Синей птице», ожили неодушевленные предметы или что там хозяйничает какой-то сознательный робот высокой квалификации.

После окончания работы капсулу с драгоценной крупинкой переносят обратно в «шлюз», укладывают там в бочонок, и она возвращается в подземное железобетонное хранилище.

Но не подумайте, что люди, отгороженные от опасных крупинок свинцовым стеклом и водой, так уж надежно прикрыты от радиоактивной пыли. О, нет! Всем им нужна еще и дополнительная защита, чтобы не унести с собой из лаборатории какие-нибудь триллионные частицы.

Туалет рыцаря, напяливавшего на себя латы и шлем с забралом, был куда проще, чем, скажем, «прозодежда» работника, имеющего дело с радиоактивными веществами в открытом состоянии. Она, правда, неизмеримо легче, но состоит из трех «слоев».

На тело надевается специальное белье и носки из белой ткани. Вторую оболочку составляет глухой комбинезон. Поверх него натягиваются пластикатовый халат или фартук с нарукавниками и перчатками. Ноги всовываются в такие же пластмассовые бахилы или парусиновые футляры. На голове шапочка, на глазах очки.

После работы все это снимается и запирается в глухие шкафы. Краны рукомойников сделаны так, что открываются не пальцами, а локтем или ногой. Руки с коротко остриженными ногтями и кожей, избавленной от трещинок смягчающими кремами, по инструкции, моются несколькими специальными мылами не меньше пяти минут.

Но дыхание! Не пробралась ли пыль, преодолев все вентиляторы и вытяжные трубы, в легкие? Не проглочена ли какая-нибудь пылинка вместе со слюной? И здесь своя защита — люди работают в респираторах.

Сконструирован бесклапанный противопыльный респиратор с лирическим названием «лепесток». Он действительно похож на белый лепесток цветка — настолько невесом и нежен.

Пластичный каркас «лепестка» под слабым нажимом пальцев принимает индивидуальную форму лица. Особая ткань, из которой он сделан, покрыта мягчайшим ворсом из синтетических волокон — они нежнее гагачьего пуха, тоньше паутины, а главное, обладают отрицательным электрическим зарядом и сами пристают к коже лица, образуя плотный барьер и обеспечивая непроницаемость респиратора. Шелковистую изящную маску почти не ощущаешь. Она весит всего... десять граммов. Но она задерживает 99,9 процента мелкодисперсной пыли, которая может оказаться во вдыхаемом воздухе.

Вместе с тем «лепесток» настолько прост и дешев в изготовлении, что отнесен к предметам «однократного пользования» и, снятый с лица, выбрасывается, как бумажная салфетка.

Впрочем, проблема очистки вещей от радиоактивной пыли настолько сложна (обычная обувь, например, вообще не может быть очищена от пылинок, скапливающихся в швах и под головками гвоздей), что порой проще сделать новую вещь, нежели очистить старую. Поэтому иногда выгоднее изготовлять фартуки, нарукавники, тапочки из самого дешевого материала — плотной бумаги или картона и затем выбрасывать их без сожаления.

И все же бывают случаи, когда человек должен открыть свинцовую дверь, переступить порог бетонной ограды и войти туда, где бушуют электронные вихри. Пролит или просыпан радиоактивный изотоп, отказала и требует ремонта аппаратура, засорились коммуникации — что делать?

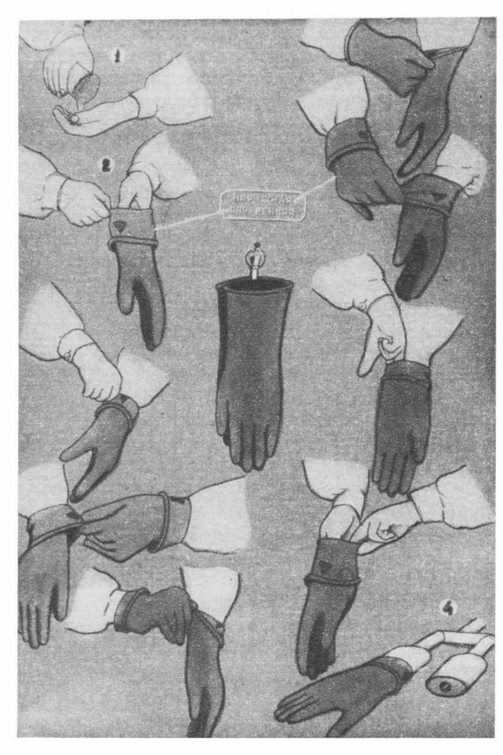
Техника не всесильна. При всей продуманности механизации и автоматизации всегда может возникнуть положение, справиться с которым способны только живые, умные руки человека. Значит, кому-то надо войти в самое жерло действующего вулкана.

Так возникает новая задача — полностью изолировать работника от окружающей среды. И тогда на сцене появляется необычный костюм, больше всего похожий на водолазный,— скафандр для суши. Он сделан из особого пластиката, не пропускающего воздух. На нем нет швов — отдельные его части не пришиты и даже не приклеены, а соединены в одно целое при помощи высокочастотной сварки. Прозрачный шлем из ор-

ганического стекла дает круговой обзор.

В костюм, как в водолазный скафандр, непрерывно подкачивается воздух. Это не только обеспечивает дыхание работающего и уносит испарения. Воздушная подушка играет роль дополнительной защиты. При случайном небольшом порезе или разрыве оболочки эта «воздушная броня» отталкивает «загрязненный» радиоактивной пылью наружный воздух и не дает ему проникнуть под костюм.

Такой пневмокостюм — достижение советской промышленности. Как и «лепесток», он плод многолетнего труда большого коллектива ученых и инженеров. Впервые такой костюм был создан в нашей стране, а затем повторен в других. На Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии наш костюм был единогласно признан лучшим по сравнению с английскими, американскими и канадскими.

Процедура надевания перчаток не так уж проста...

Но мало надеть такую поливинилхлоридовую кольчугу и в таком облачении провести нужную операцию. Костюм надо затем снять. А это не так-то просто: ведь он теперь сам стал источником опасности.

Прежде всего человек отключается от воздухопровода, переходит в комнату-«шлюз» и прямо в костюме становится под сильный душ. Надо максимально смыть налипшую радиоактивную «грязь». Затем начинается оговоренное строгими правилами последовательное раздевание при помощи товарища в защитной одежде и перчатках. Но как потом обоим снять перчатки, не касаясь их голыми пальцами? Исчерпывающая инструкция по этому вопросу занимает целую страницу и походит на описание сложной манипуляции из книги «Сто забавных фокусов».

Даже сбросив с себя всю одежду, человек выходит из лаборатории в гардеробную не просто, а через сложный лабиринт последовательных комнат-«шлюзов», в последней из которых он снова принимает горячий душ, чтобы смыть случайно севшую по пути пылинку.

А что же делать с «загрязненной» одеждой? В первое время ее очистка также доставляла немало хлопот. Выяснилось, что недостаточно придумать такую одежду, которая была бы непроницаема, не имела бы швов, клапанов, карманов и не стесняла бы движений работающего. Надо, чтобы она могла быть освобождена от самых ничтожных количеств радиоактивной пыли.

На помощь пришли физики и химики, давшие богатый ассортимент полимерных материалов, пластикатов и пленок и особые сорта синтетического каучука и органического стекла, обладающие всеми нужными качествами.

Для белья и халатов наиболее удобен некрашеный хлопчатобумажный молескин, имеющий гладкую поверхность и отлично отмывающийся в стиральных машинах.

Долго казалась неразрешимой проблема застежек. Так называемые «молнии» здесь неприменимы: их крохотные звенья — идеальное убежище для зловредных пылинок. А пуговицы живут только до первой энергичной стирки, после которой в барабанах мощных стиральных машин остается суп из оторванных пуговиц.

Задача была решена лишь тогда, когда кому-то пришла в голову мысль заменить пуговицы съемными двусторонними запонками из твердой пластмассы, которые можно вынимать и мыть отдельно.

Борьба с радиоактивной пылью не заканчивается и после того, как удалось очистить от нее человека и его одежду. В «Приключениях Тома Сойера», помнится, описан мрачный ритуал похорон трупа черной кошки, призванного избавить героя повести от бородавок. В институте, о котором идет речь, в сложную проблему вырастает операция захоронения... дыма. «Загрязненный» воздух «горячих» лабораторий пропускается через целую систему фильтров. Воздух очищен. Но куда деть фильтры, на которых осела радиоактивная пыль?

Конечно, сжечь! А что делать с дымом? Ведь в нем мечутся те же пылинки!

И вот дым улавливают, сгущают, превращают в золу и... хоронят в специально оборудованном «могильнике» вместе с пеплом погибших во славу науки черных и белых кошек.

...С каждым днем растет и находит все новые применения техника расщепленных атомов. Люди уверенно входят в «горячие» лаборатории и спокойно открывают ампулу с изотопом.

«Служба безопасности» надежно охраняет их здоровье.

Рыбаки

Борис ШАХОВСКИЙ

Брызжет сахаром хрупкая крошка
Из-под острых блестящих подков.
Кони мчат ледяною дорожкой,
Лихо к взморью несут рыбаков.

Холст дорожный, до блеска простиран,
Развернулся по самой реке.
По обочинам — лунки пунктиром
Зачернели уже вдалеке.

Начинается лов на рассвете,
И полозья поют поутру...
Вот набитые слитками сети
Выбирает рыбак на ветру.

Он тяжелую рыбину кинет
На площадку, где выметен снег.
Трепыхнется она и застынет,
Плавники растопырив навек.

Ветер ухает, крякает грозно,
Он куражится люто с тоски,
Но уж кто-то на небе морозном
Продышал золотые «глазки».

Ждет давно камышовая хатка!
Дверь рванешь в этот терем сухой —
И пахнёт ароматно и сладко
Обжигающей губы ухой.

После ужина убраны чашки...
Подхлестнули на стане огонь...
Ходят сборки на красной рубашке —
Замечталась о доме гармонь.

Вьюга в ставни без удержу била...
Печь-времянка, заняв уголок,
Гулко песню свою затрубила,
Гордо хобот задрав в потолок.

Хорошо у печи раскаленной!
Загулял по рукам табачок...
И приемник раскрыл удивленно
Широченный зеленый зрачок...

На лежанках, сколоченных ладно,
Словно дома, уснут рыбаки.
А «буржуйка», по-прежнему жадно,
Будет грызть до утра чурбаки.

Русская зима

Вл. АЛАТЫРЦЕВ

Рассвет. Белизна снеговая.
Утихла ночная метель.
Закутана в мех горностая
Лесная красавица — ель.

Заря все багряней и выше.
Куда ни посмотришь — бело.
В сугробах по самые крыши,
Проснулось родное село.

Затоплены в горницах печи —
Над каждой избою подряд
Дымки, словно тонкие свечи,
Почти неподвижно стоят.

Колхозной трехтонки колеса
Визжат, как полозья саней:
Шофер, пробивая заносы,
В район выезжает на ней.

Запел репродуктор у клуба,
Как в этот же час над
Москвой...
Тропинками в шалях да шубах
Девчата идут за водой.

И ведра звенят у колодца,
И слышится смех озорной...
И все это вместе зовется
Русской зимой!

Рига.

СТРАНА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

Гаральд ГАУСЕР
Журналист (ГДР)

В столице

...Следовали дни утомительной езды по бескрайним плоскогорьям Тибета, по скалистым глетчерным полям, лед с которых ушел тысячи лет назад, вдоль поражающих сменой красок горных цепей, сквозь извилистые ущелья, в глубине которых кипит и пенится стекающая с гор ледяная вода. Ехали мы и по приветливым, густо заселенным долинам, с монастырями и деревнями, окруженными золотистыми полями, на которых созревал ячмень. Ночевали в палатках, глинобитных хижинах, деревянных бараках и крестьянских домиках. Наконец мы спустились в долину реки Кичу, сначала узкой и бурливой, потом широкой и приветливой, со старательно обработанными по отлогим берегам полями. А к вечеру в синеве высоких гор засверкали золотые крыши дворца-монастыря Потала. То была Лхасса — «священный город».

Медленно идут наши машины мимо почти отвесной скалы, из которой словно вырастает многоэтажная зимняя резиденция Далай-ламы XIV — дворец-монастырь Потала. А по ту сторону проложенной через долину дорожной трассы громоздится еще одна скала. Ее венчает здание Школы медицины и астрологии — Мынцзикан.

Столица Тибета насчитывает около 70 тысяч жителей, из которых треть — монахи. Она лежит на высоте 3 650 метров над уровнем моря. Над городом проходят, задевая краями горные вершины, то ослепительно белые, то свинцово-серые облака. Из небесной синевы сверкает неумолимое солнце, блестят крыши Поталы с их изогнутыми краями. Все поражает воображение.

Нечего и говорить, что баня с белыми ваннами и пушистыми полотенцами оказалась для нас особенно приятной после утомительного пути. Кстати сказать, этот комфорт современной цивилизации появился в Тибете впервые за его тысячелетнюю историю, и тибетцы сперва с затаенной робостью, а теперь все с большей охотой пользуются им. После купания нас неудержимо потянуло на улицу.

Мы долго бродили по городу, заглянули и в лхасские государственные магазины. Наряду с привезенными на мулах из Индии часами, матрацами из губчатой резины и батарейками для карманных фонарей мы нашли там по доступным ценам китайские обувь, текстиль, чай, зубную пасту, кастрюли, мыло и сотни других добротных товаров широкого потребления.

Встреча со старейшим поэтом Тибета

В уютной приемной гостиницы нас ждал Ча Чжу. Этот 78-летний старик, «живой будда», на 51-м году своей жизни вопреки существующему в его «желтой секте» запрету женился на молодой девушке и покинул монастырь. Он известен как один из лучших знатоков тибетского языка, образованнейший в этом высокогорном крае человек и самый популярный поэт-лирик. Еще и теперь, совершая прогулки со своими учениками, он читает стихи, посвященные несравненным красотам родины. Много помогает он молодым литераторам.

Едва начав разговор, Ча Чжу сказал нам, что дружба между тибетцами и китайцами насчитывает свыше тринадцати веков. И он привел свидетельства, уходящие в глубочайшую древность.

В 641 году первый царь и объединитель Тибета Сунцзан Каньбу направил посла ко двору китайского императора династии Тан. Посол по поручению своего повелителя просил у императора Тай Цзуна руку его дочери, а также содействия развитию обмена между Китаем и Тибетом товарами и произведениями художественных ремесел. Император отнесся благосклонно к разумным предложениям тибетца: он отдал в жены королю свою дочь принцессу Вэнчэн. После этого началась эра тесных торговых и культурных связей между обеими странами.

С той поры много тибетских юношей и девушек отправлялось на лошадях в длинный и тяжелый путь, чтобы, перевалив через высокие горы и бурные реки, достигнуть Внутреннего Китая. Там молодежь изучала науки, ремесла, религию. В свою очередь, в Тибет направлялись китайцы, учившие тибетцев производить сельскохозяйственные орудия, строить дома, мельницы, изготовлять бумагу, горшки, ткани, выделывать из металлов украшения и религиозную утварь. Королевская чета ввела в Тибете китайский лунный календарь, способствовала распространению в Тибете основ наук, в первую очередь медицины.

Мы спросили у Ча Чжу, откуда у него столь широкие познания. Старик ответил:

— Почерпнул я их из индийского санскрита, из Сутры, священной книги индусов, из письменных и устных преданий, из народных песен и сказок...

Старое и новое

В один из дней мы отправились на первую в Лхассе опытную агротехническую станцию, созданную в 1953 году. Здесь под руководством знающих специалистов, прибывших из Китая, большой участок целинного тибетского плоскогорья превратился в сказочный сад плодородия.

Нам рассказали, что в этом хозяйстве урожайность зерновых культур поднялась с первоначальных сам-шесть до сам-тридцать и сам-сорок. Выращенная редька достигает веса в пятнадцать килограммов, кочан капусты — в шестнадцать, а самые крупные томаты «тянут» от шестисот до восьмисот граммов.

Узнали мы также, что у руководителей этой станции на первых порах было немало трудностей. Религиозное население выступило против применения ядов для борьбы с вредителями капусты и фруктовых деревьев, так как, по здешним верованиям, в любое живое существо, будь то орел или собака, муха или гусеница, может вселиться душа умершего человека, поэтому никакое живое существо нельзя убивать. Но теперь даже самые богобоязненные крестьяне, сравнивая свои опустошаемые вредителями поля с великолепными посевами на государственной станции, ездят верхом за десятки километров, чтобы получить химикалии.

Рабочие и служащие агротехнической станции ежедневно занимаются на курсах по ликвидации неграмотности, изучают технику и историю сельского хозяйства.

У Далай-ламы

Вход в летнюю резиденцию Далай-ламы — главы местной тибетской администрации, который одновременно занимает пост заместителя председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР,— охраняют два каменных льва с массивными головами и грозно выпученными глазами. Возле резиденции на площади много людей. Здесь монахи, крестьяне и сановники со своей свитой. Они ожидают приема у Далай-ламы.

Мы покидаем машины и направляемся через огромный сад к дворцу. Стройные березы, буки и ясени купают зыбкие отражения своих ветвей в озерках, наполненных прозрачной водой. Густо усыпанные цветами кусты, сотни видов цветов на клумбах, желтый песок дорожек, небольшие пруды и родники, окаймленные газонами,— все это создает впечатление сказочности. И вот сквозь пестроту зеленых, красных и желто-красных пятен начинают проглядывать белые стены летнего дворца Далай-ламы.

Крутая лестница из гранитных плит ведет в небольшое, похожее на храм здание. За массивными дверьми, покрытыми красным и золотистым лаком, открывается торжественный зал.

Рослый молодой человек с бритой головой, в очках идет навстречу и обменивается с нами ритуальными белыми полотнищами — «хата». Он разглядывает нас своими умными и, быть может, несколько насмешливыми глазами. Мы усаживаемся в мягкие кресла.

— Моя страна и ваша,— начинает Далай-лама,—отделены друг от друга мощными горными хребтами, бескрайними равнинами. В прежние времена нам никогда бы не встретиться. Благодаря прогрессу науки и политической свободе, которая стала после окончания второй мировой войны достоянием наших народов, одинаково мыслящие люди имеют возможность протягивать друг другу руки через такие огромные пространства.

Мы благодарим Далай-ламу за его слова и просим разрешения задать несколько вопросов.

— Конечно, раз речь идет о том, чтобы неясное сделать ясным...

Тибетское правительство и я лично,— говорит, отвечая на мой вопрос, Далай-лама,— во всех своих действиях свободны и независимы. Вместе с нашими пекинскими друзьями мы подготовляем политический статут тибетской автономии. Правительство и Коммунистическая партия Китая дали нам в помощь дельных со-

ПО ТИБЕТУ

Фото Евы СЯО.

Вид на дворец-монастырь Потала.

Далай-лама.

Вид города Шигатзе.

Панчен-лама.

Тибетские школьницы.

Жительница города Шигатзе с детьми.

У ворот летнего дворца Далай-ламы «Норбулинка».

В ковровой мастерской.

Народное гулянье в Лхассе в честь годовщины образования Китайской Народной Республики.

На поле опытной сельскохозяйственной станции в Лхассе.

ветников, помогающих создать в экономически и политически отсталом Тибете предпосылки для его большого расцвета.

Далай-лама формулирует по нашей просьбе свои взгляды на будущее мира. Он говорит:

— Событие, имевшее место в начале века — создание первого социалистического государства,— показывает, что человечество идет к небывалым вершинам благосостояния и счастливой жизни. В мирном соревновании между социалистическим образом жизни и капиталистическим победит наш мир — мир прогресса и коллективной собственности. Мы должны почитать за счастье, что Китай, а также ваша страна принадлежат к этому лагерю, за которым будущее.

Лхасса электрифицируется

После прогулки по саду мы расстались с Далай-ламой и его свитой. День был еще впереди, и мы решили побывать на строительстве лхасской гидроэлектростанции. Строительную площадку можно было узнать издали по множеству белых палаток, в которых жили две тысячи рабочих. Половина из них — тибетцы, половина — китайцы. По крутой и ухабистой дороге подымаемся все выше и выше в горы.

Ядро специалистов на строительстве составляют приехавшие из Пекина электротехники. Рабочие довольны своей судьбой. В прежние времена редко выпадал год, когда они зарабатывали столько, сколько получают сейчас за один месяц. Каждый обучается своей профессии с жадностью, достойной подражания.

Я спросил китайского инженера, руководителя строительства:

— Как удалось вам нанять рабочих? Ведь они все в прошлом или принадлежали помещикам, или были крестьянами-арендаторами, находящимися на службе у монастырей.

— Да, это так,— ответил инженер,— но крестьяне эти были очень бедны. Земля не могла их прокормить. И вот они пришли на стройку, чтобы зарабатывать хорошие деньги и, кроме того, обучиться новой профессии.

— Но разве помещики разрешают своим крестьянам уходить?

— Бывает и так, но бывает и иначе...

— А если помещик не разрешит?

— Тогда, конечно, крестьянин не уйдет... А иногда все-таки приходят,— помолчав, добавил инженер, и по его лицу скользнула лукавая усмешка.

Немного экономики

Мы видели в Тибете новые школы, больницы, авторемонтные мастерские. Мы посетили лабораторию по изготовлению прививочных сывороток, электростанцию, опытные сельскохозяйственные фермы, наблюдали, как ежедневно колонны грузовиков приходят в этот отдаленный район.

С момента освобождения Тибета правительство Китайской Народной Республики оказывает огромную помощь этому району. За время с 1953 по 1956 год объем закупок Китаем тибетской продукции (главным образом шерсти) вырос почти в 600 раз. В то же время из внутренних районов Китая все больше товаров направляется в Тибет.

Большое значение имеют кредиты, предоставляемые крестьянам отделениями Центрального китайского народного банка в Тибете. Часто весной у тибетских крестьян не хватает зерна для пропитания и посевов. До освобождения крестьяне вынуждены были залезать в долги к помещикам. Теперь в период острой нужды госбанк ссужает крестьян безо всяких процентов семенами, продовольствием. Осенью, сняв урожай, крестьянин возвращает ссуду, преимущественно натурой. Госбанк получает от этой операции лишь незначительную выгоду благодаря разнице в сезонных ценах на зерно: весной они несколько выше, чем после уборки.

В Гьянтзе

Южнее Шигатзе, на высоте примерно 3 500 метров, привольно раскинулось солнечное плоскогорье. Ячмень, пшеница, рапс, клевер дают здесь обильные урожаи. Небольшие монастыри, усадьбы, поселения крестьян и скотоводов придают ландшафту непередаваемую прелесть. Бурные горные потоки и мирно текущие речки несут на поля живительную влагу. На их берегах, поросших высокой травой, пасутся стада яков, овец и коз, лошадей и мулов. Бесконечной лентой спешит широкая автомобильная дорога навстречу золотисто-желтой, купающейся в солнечных лучах скале, уже издалека возвещающей город Гьянтзе.

В Гьянтзе, приютившемся у подножия старинной крепости, около 1 100 дворов. Основное ремесло, которым заняты жители городка,— ковроткачество. Государственный банк выдает семьям ссуды на приобретение шерсти, а затем покупает у них готовую продукцию по довольно высоким ценам.

Мы решили посетить семью одного из ткачей. Но, прежде чем попасть в дом, пришлось, взобравшись по немыслимо крутой лестнице, пройти по плоской крыше помещения, где жили другие ткачи. Из единственной в домике, черной от копоти и почти лишенной окон комнаты, служащей одновременно кухней, спальней и столовой, нам навстречу вышли две босые, очень красивые девушки. По нашей просьбе они присели у стоявшего под открытым небом ткацкого станка и продемонстрировали свое мастерство. Их руки на наших глазах создавали на иссиня-черном фоне ковра лиловые и оранжево-красные цветы, голубых и золотистых птиц. Девушки работали с завидной быстротой и легкостью. Вероятно, они выткали не один десяток метров знаменитых тибетских ковровых полотнищ.

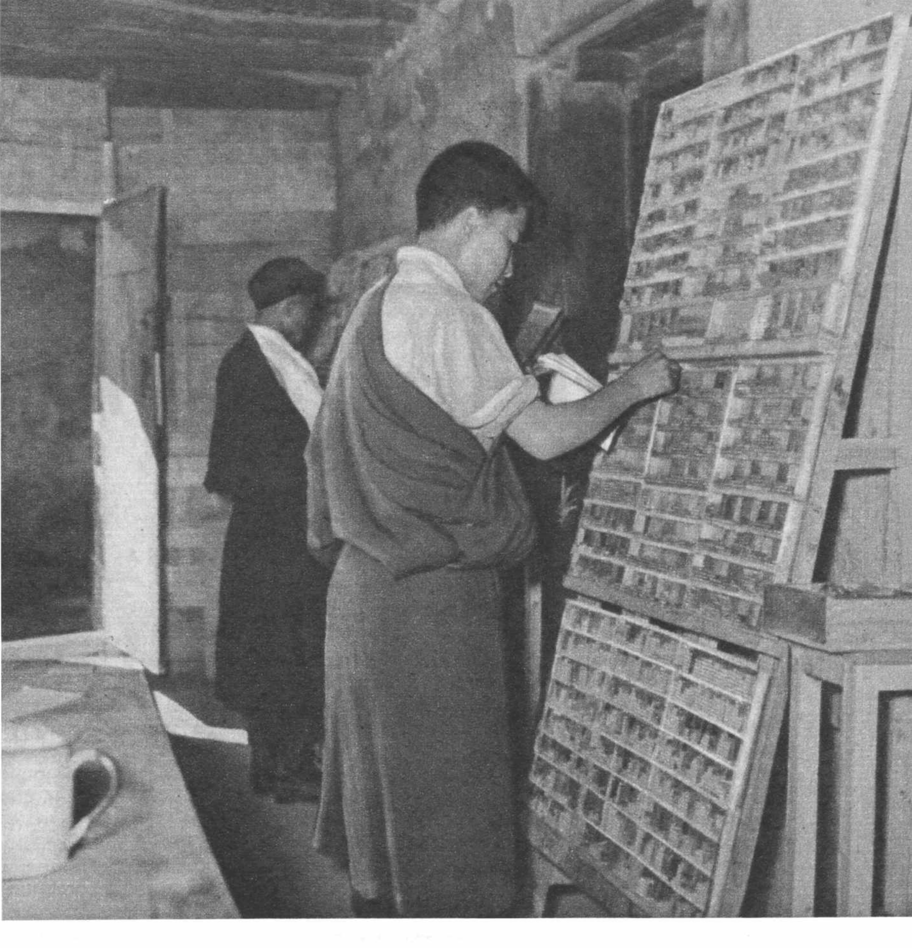
Праздник в Лхассе

На обратном пути мы присутствовали в Лхассе на праздновании годовщины образования Китайской Народной Республики. Жители города и окрестных селений собрались на большую площадь перед Поталой. Рядом с трибуной, над которой поблескивала красная пятиконечная звезда, сидели в ярких одеждах лхасские аристократы.

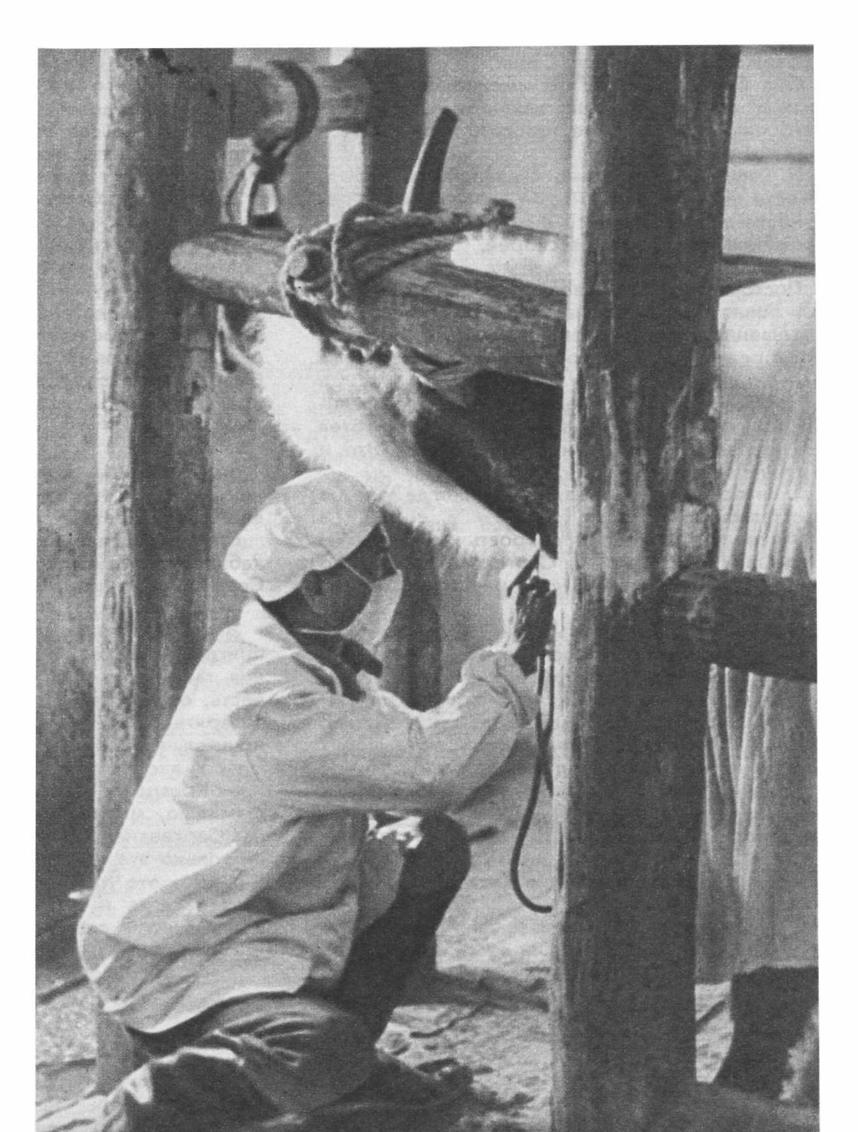
После торжественного марша воинов Народно-освободительной армии началось массовое народное гулянье. Люди танцевали, стреляли из луков по движущимся мишеням, пели старинные песни. Молодежь затевала игры, водила хороводы. Отважные всадники демонстрировали мастерство вольтижировки.

Вечером простой человек-тибетец принес нам в гостиницу забытые в сутолоке кем-то из нас защитные очки с темными стеклами — столь необходимый предмет в этой высокогорной стране. Такую честность мы наблюдали в Тибете уже не раз. Обрадованные, мы поблагодарили тибетца и спросили, отчего он так бледен. Тибетец ответил:

— Я болен. Не знаю, как медицина называет мою болезнь. Сейчас иду ложиться в больницу. Врачи, присланные Мао Цзэ-дуном, спасают нам жизнь.

Первые тибетцы-наборщики в новой типографии в Лхассе.
Фото В. Кассиса.

В школе ветеринаров (Лхасса).
Фото Евы Сяо.

ПРОСТОЕ ПИСЬМО

Рассказ

Валентина ЛЕВИДОВА

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Тот злополучный субботний день Екатерина Сергеевна помнила отчетливо, во всех подробностях.

Впрочем, тогда он не казался ей злополучным.

Напротив, несмотря на спешку и обычную предотъездную суматоху, он был веселым и праздничным. В этот день Екатерина Сергеевна уезжала в отпуск на Рижское взморье.

Билет уже лежал у нее в сумочке, почти все вещи были упакованы в чемодан. Оставалось собрать только мелочи — духи, мыло, зубную щетку — да взять съестного в дорогу.

Но вдруг Екатерина Сергеевна решила, что ее старый купальный костюм никуда не годится: сильно выгорел в прошлом году,— нужно купить новый. И еще ей захотелось иметь маленький китайский зонтик, этакое хрупкое и нежное изделие из легкого шелка и тоненьких бамбуковых палочек.

Хотя времени у нее было в обрез, она потратила несколько часов на поиски этих, по ее выражению, «легкомысленных» вещей, но не осудила себя за это: ведь отпуск бывает раз в году. Отныне на целых два месяца можно забыть, что она молодой ученый. Она теперь просто «отдыхающая Самсонова».

Екатерина Сергеевна едва не опоздала на поезд, не успела даже проститься с друзьями, но не особенно сокрушалась об этом: позвони она им, все непременно пришли бы на вокзал.

А Екатерине Сергеевне хотелось, чтобы ее провожал только один Саша.

Она была уверена, что именно сегодня он скажет ей что-то очень важное, особенное, чего никто до него не говорил и не должен был говорить ей.

И Саша действительно сказал. Хотя побыть вместе почти не удалось, он все же успел произнести запомнившуюся ей фразу:

— Возвращайтесь поскорее, Катюша! И... навсегда.

Постороннему человеку эта фраза могла бы показаться малозначительной, почти бессмысленной. Ну, что значит «возвращайтесь поскорее»? Ведь все равно она приедет не раньше, чем окончится путевка.

Но Екатерина Сергеевна поняла все именно так, как хотел сказать Саша. А он хотел сказать, что любит ее и будет скучать. Это и значило «поскорее».

А «навсегда» — значит, чтоб никогда уже не расставаться.

Когда поезд набрал скорость и Саши не стало видно, Екатерина Сергеевна счастливо засмеялась, не стесняясь присутствия чужих людей в купе.

Она стала вспоминать, как необычно провела этот день: носилась по городу, точно профессиональная курортница, а не ассистент солидной клиники. И искала-то совсем ненужные ей вещи. Ну, в самом деле, к чему ей, южанке, зонтик от солнца? Ведь она любит солнце и хочет как следует загореть!

«Еще слава богу, что студенты не видели меня в этой несвойственной мне роли,— весело подумала она.— А то — прощай авторитет!»

Мнением своих студентов Самсонова дорожила.

Она всегда бывала приветлива с ними, не допуская, однако, фамильярности. В клинике Екатерина Сергеевна держала себя просто, но уверенно, как человек, знающий себе цену.

В первую минуту знакомства многие принимали ее за студентку, но вскоре же убеждались в своей ошибке. Голос Самсоновой звучал твердо и спокойно, когда она проводила занятия или давала распоряжения медсестрам. Она давно самостоятельно делала сложные операции и не удивлялась тому, что ее нередко ставили в пример другим молодым врачам.

Екатерина Сергеевна достала из чемодана журнал. Ей просто не верилось, что она уже в дороге и может делать все, что захочется: безмятежно глядеть в окно, лежа на полке, читать, спать, хотя до ночи еще далеко. А ведь всего каких-нибудь пять—шесть часов назад она еще была в клинике.

Чтобы выгадать лишний день для осмотра Риги, Екатерина Сергеевна выехала в субботу, хотя отпуск у нее начинался в понедельник. Потому и была такая спешка, что в день отъезда она еще работала. Правда, обход она сделала быстро, а студентов уже не было — их распустили на каникулы, зато много времени ушло на прощание с сослуживцами. Все желали ей веселого отдыха, интересных впечатлений, и этот рабочий день можно было бы считать легким, неутомительным и приятным, если бы не одно обстоятельство: из лаборатории сообщили, что у больной Кравцовой нашли злокачественную опухоль. А Екатерина Сергеевна так надеялась, что ничего плохого не окажется! Она выписала больную, не дождавшись ответа лаборатории: не имело смысла зря держать человека в клинике. Теперь же следовало срочно вызвать Кравцову для немедленной операции.

Екатерина Сергеевна написала больной письмо о том, чтобы она явилась в клинику, и, уже уйдя из больницы, опустила письмо в почтовый ящик на Невском.

«В поезде нужно забыть о больных и операциях»,— приказала себе Самсонова.

Прошлое представлялось ей легким и безоблачным, хотя на самом деле не всегда оно было таким; будущее же — еще более прекрасным.

Беда пришла, как всегда, неожиданно и, как всегда, оттуда, откуда ее, казалось, невозможно ждать.

Спустя полгода Самсонову вызвал к себе в кабинет заведующий кафедрой профессор Свешников и строго, как никогда, приказал:

— Садитесь!

Это был именно приказ, а не любезное приглашение сесть. И произнес это Свешников так, точно собирался сообщить такую весть, от которой Екатерина Сергеевна могла потерять сознание, упасть, и потому он предпочитал, чтоб она села.

— У вас лежала больная Кравцова?

— Кравцова? — стараясь припомнить эту фамилию, медленно переспросила Екатерина Сергеевна.— Да-да, лежала когда-то. Если только эта та, о которой вы говорите.

— Да, это та,— отрезал Свешников. Его глаза всегда и так немного навыкате стали в эту минуту совсем жуткими.— Вы знаете, что по вашей милости эта больная погибла?

— Погибла? — Самсонова на секунду задохнулась.— Из-за меня?!

— Именно так.

Молодая женщина встала.

— Я не понимаю...

— Чего вы не понимаете?! Чего вы не понимаете?! — Свешников впервые кричал на нее.— Вы выписали больную до получения микроскопического исследования...

— Мы всегда так делаем.

— Всегда делаем,— передразнил он.— Но потом-то, когда вы узнали точный диагноз, вы были обязаны немедленно вернуть больную и прооперировать ее!

— Но я же была в отпуске...

— Загорали? — грубо перебил ее Свешников.— А человека загубили.

Самсонова вдруг возмутилась: как он смеет поднимать на нее голос, вообще, кто дал ему право говорить с ней в таком тоне, ничего не объяснив, не разобравшись?

— Простите меня, Иван Семеныч, но так разговаривать я не могу. Объясните, пожалуйста, в чем моя вина. Я ведь не могла оперировать, находясь в другом городе.

— В этом вас никто и не упрекает,— уже сдерживаясь, проговорил он.— Но вы, узнав, что у больной злокачественная опухоль, должны были, обязаны были вызвать ее немедленно, сразу же. А вы ничего этого не сделали.

— Напрасно вы так думаете. Я послала Кравцовой письмо.

Старик испытующе и с надеждой посмотрел на Екатерину Сергеевну.

— И квитанция у вас сохранилась?

— Нет. Квитанции нет. Я послала простым. Бросила в ящик.

Она говорила правду, но это было похоже на ложь.

Свешников с досадой стукнул по столу пухлым волосатым кулаком.

— Ну кто же делает такие вещи?—Он, казалось, был готов побить свою ассистентку.— Я, скажем, вам верю, а другие? Другие не поверят. Нужны доказательства! Больная недавно поступила в институт и умерла на четвертый день. Запущенный случай... А когда стали копаться, искать, выяснилось, что она полгода назад лежала у нас в клинике. И что вы ее так выпустили, не вернули, не позаботились... А если бы была квитанция заказного письма...

«Легко сказать: была бы! Но ведь ее нет!»— Екатерина Сергеевна вспомнила тот сумасшедший летний день. До квитанции ли ей тогда было? И потом, кто мог думать, что так получится?

— В общем, постарайтесь доказать, что письмо вами было отправлено. Комиссия, которая будет разбирать этот случай, потребует доказательств. Это будет иметь для вас решающее значение. Попытайтесь зайти на почту или как-нибудь там иначе... Я не знаю. Но учтите: если вы не сможете доказать...— Он развел руками.— Вы сами понимаете...

Да, Екатерина Сергеевна понимала.

Она на минуту закрыла глаза и ясно представила себе слегка помятый желтый конверт с маркой, наклеенной чуть наискосок. Она опустила его в почтовый ящик на Невском, недалеко от кинотеатра «Нева». Но как, как доказать это?!

Проклятое п р о с т о е письмо! Отныне она все письма будет отправлять только заказными!

После бессонной ночи голова болела и немного кружилась.

В зеркале Екатерина Сергеевна увидела измученное лицо с испуганным взглядом. Оно совсем не было похоже на ее лицо. Так вот как она изменилась за сутки!

Но разглядывать себя в зеркале не было времени. Следовало что-то срочно предпринять. Но что именно?

Если бы Саша был рядом, он, наверно, научил бы, помог. Но его не было: он уехал в командировку.

А что, если позвонить ему туда, в гостиницу, где он остановился?

Екатерина Сергеевна заказала междугородный разговор и на вопрос телефонистки «Сколько минут?» ответила:

— Побольше! Пятнадцать, двадцать — сколько можно!

Когда она услышала в трубке родной Са-

шин голос, ей стало легче, она поверила, что все обойдется. Сбивчиво, торопливо, боясь быть прерванной, рассказала она Саше о своем горе.

— Что же мне теперь делать? Ведь на почте не осталось никаких следов.

— А ты, Катюша, поди к ней домой.

— К кому? — испугалась Екатерина Сергеевна.— К Кравцовой? Но она же умерла.

— А ты к ее родным пойди.

— Что ты говоришь, Саша?! Я, которую они, наверно, считают виновной...

Саша пытался объяснить свою мысль, но телефонистка произнесла что-то недоброе, Екатерина Сергеевна толком не расслышала, что именно, и все смолкло.

Она долго еще сидела с трубкой в руке, надеясь, что телефон хоть на минуту вновь оживет, но он был глух и нем.

Сначала Сашин совет казался Екатерине Сергеевне невыполнимым, но мало-помалу пришло убеждение в том, что иного выхода нет. «Но что скажу я этим незнакомым людям? Как объясню свое запоздалое посещение? — в отчаянии думала она, разыскивая нужный ей дом в Кузнечном переулке.— Ведь не скажешь им, что теперь, когда мне необходимо выгородить себя, сразу нашлось время к ним прийти. А тогда, летом, времени не хватило...» — Самсонова зло усмехнулась, ненавидя себя в эту минуту.

«Ведь если бы я тогда зашла домой к Кравцовой, объяснила все ее родным или хотя бы просто потом проверила, явилась ли в клинику эта больная, она, наверно, могла бы быть спасена и прожить еще десятки лет...»

«А я даже не знаю, дошло ли мое письмо... Что, если оно затерялось?! Тогда действительно я, я погубила человека!»

Екатерина Сергеевна от ужаса не могла идти дальше. Остановившись, она прислонилась к проржавевшей водосточной трубе, расстегнула пальто.

«Распускаться нельзя. Нужно взять себя в руки и идти»,— приказала она себе.

«И почему именно это письмо должно было затеряться? — точно кто-то зашептал в утешение.— Бесспорно, оно дошло. Нужны только доказательства».

Доказательства...

«Кто из родных Кравцовой станет теперь разговаривать со мной об этом несчастном письме? — опять с безнадежностью думала она.— Какое вообще им дело до моей репутации, врачебной чести, добром имени? У них свое горе, и до чужого им нет никакого дела! Больше того, есть еще, наверно, и озлобление против «бессильной медицины». А такая ли уж она бессильная? Ведь Кравцову, наверно, можно было спасти, не будь упущено время...»

Долго и тяжело подымалась она по лестнице, долго не решалась позвонить. Наконец дотронулась до кнопки звонка.

Никто не открыл. Должно быть, не услышали. А может быть, она и не позвонила, а только едва прикоснулась к кнопке. Пришлось нажать еще раз. За дверьми послышались шаги.

Самсонову впустили, проводили по длинному коридору до комнаты Кравцовых.

Екатерина Сергеевна постучала, вошла.

За письменным столом занималась девочка в коричневой школьной форме с черным передничком. Ее тоненькие косы лохматились, точно их заплели несколько дней назад и с тех пор волосы не причесывались.

В углу комнаты были набросаны цветные карандаши и ломаные игрушки — заводные паровозики, автомобили без колес.

Толстый мальчуган в помятом матросском костюмчике, сидя прямо на полу, перебирал их.

Один чулок почти сполз у него с ноги, другой валялся рядом, на пестрых кубиках.

На стене, возле полок с книгами, висела огромная, видимо, увеличенная, фотография Кравцовой.

Теперь Екатерина Сергеевна отчетливо вспомнила ее лицо, а до этого оно представлялось как-то неясно, в тумане.

Самсоновой показалось, что Кравцова смотрела укоризненно не то в сторону ребят, не то в ее сторону... Она поспешила отвернуться.

— Кто-нибудь из взрослых у вас дома? — тихо спросила она у девочки.

— Да, папа.

И в эту самую секунду из-за дверей раздался голос:

— Открой, Таня.

Вошел высокий небритый мужчина с кастрюлей в руках. Из нее шел пар.

Мужчина равнодушно взглянул на Самсонову, точно и не удивившись ее присутствию.

Когда он поставил кастрюлю на подставку, Екатерина Сергеевна подошла ближе к нему.

— Извините меня, что я в такое трудное для вас время обращаюсь с просьбой.

Он стоял молча, точно не слышал ее слов. Ничего не спросил, не предложил сесть.

— Ваша жена лежала у меня полгода назад. Я врач. Я послала ей письмо. Она должна была сразу же явиться к нам в клинику. Это могло бы спасти ее. А она почему-то не пришла...

Только сейчас заметила Екатерина Сергеевна, как внимательно и строго, со слезами на глазах слушает ее девочка в школьной форме. Да и толстенький малыш, оставив свои игрушки, смотрел на Самсонову, точно понимал, о чем она говорила. Лишь отец глядел куда-то в окно, а когда вдруг повернул к ней голову, Екатерина Сергеевна встретила взгляд ничего не видящих от горя глаз.

— Если бы я послала тогда вызов заказным письмом, это сняло бы с меня обвинение...

Она знала, что говорит не то, что нужно, но не в силах была сейчас думать, взвешивать, оценивать слова.

Кравцову не вернуть, а она, Самсонова, жива. Ей нужно быть оправданной. Ей важно только, чтоб этот человек понял, чего она от него хочет.

И он понял.

Он ушел в соседнюю комнату, выдвигал там какие-то ящики, долго шуршал бумагами. Вернувшись, он протянул конверт.

Да, это было ее письмо! Тот самый желтый помятый конверт с маркой, наклеенной немного криво! Что-то новое, правда, появилось в нем. Ну, конечно, почтовые штемпеля. Да их и не могло быть, когда она опускала конверт в ящик. Но зачем она сейчас об этом думает? Важно одно: письмо нашлось. Теперь она видела его наяву, держала его в руках!

— Но почему же, почему она не пришла в клинику?

— Не знаю. Вероятно, не придала значения...

— А вы?

— А я ничего не знал о нем... Я нашел его уже позже...

Вниз по лестнице Екатерина Сергеевна спустилась быстро.

Но на улице шаг ее делался все медленнее и медленнее.

Перед глазами стояли высокий небритый человек с горячей кастрюлей в руках, непричесанная девочка, малыш на полу...

«Все могло бы быть иначе, будь мне тогда немножко больше дела до чужой жизни!»

Конверт с почтовыми штемпелями находился у Екатерины Сергеевны, но он уже не радовал ее.

Ей стало страшно.

Она знала, что перед комиссией она теперь сумеет оправдаться.

А вот перед своей совестью?

Дома из силикальцита

В денежно-вещевой лотерее этого года в Эстонии первым и лучшим выигрышем будет дом из силикальцитных блоков. Такой дом может собрать строительная бригада из четырех человек с помощью одного автокрана в три смены — в двадцать четыре часа.

Что такое силикальцит?

Это один из самых доступных новых бесцементных строительных материалов: для его производства нужны только песок и кальциевая известь, которые есть везде. Силикальцит изобрел эстонский ученый, кандидат технических наук Иоханнес Хинт. Теперь все трудности изобретательства остались позади, и новым строительным материалом заинтересовались сотни организаций.

Прошло несколько лет с тех пор, как первая партия силикальцита выдержала испытания более сложные, чем положены для красного и силикатного кирпича, и об этом появились первые сведения в печати. В Таллине, на заводе «Кварц», где производится силикальцит и где главным инженером работает Иоханнес Хинт, побывали тысячи строителей со всех концов нашей страны.

Самыми активными сторонниками силикальцита оказались москвичи: в Московской области уже работают три крупных силикальцитных цеха при разных заводах и строятся еще девять. Силикальцитные блоки делают уже и в Ленинграде, и в Ташкенте, и в Барнауле.

Венгерские инженеры, побывавшие в Таллине, тоже начали в своей стране строительство завода силикальцитных блоков. Приезжали сюда и гости из Китая.

Новый строительный материал дешев, легок, прочен и удерживает тепло лучше, чем красный и силикатный кирпич. По данным Московского совнархоза, один квадратный метр стены из глиняного кирпича обходится в 135 рублей, квадратный же метр стены из силикальцита стоит 78 рублей. Преимущество явное!

В Эстонии, на родине силикальцита, блоки выпускает пока только небольшой завод «Кварц». Цех силикальцита на кирпично-известковом заводе в Мяннику строится крайне медленно, несмотря на то, что его продукцию с нетерпением ждут строители.

Н. ХРАБРОВА

Одна из улиц силикальцитных сборных домов в новом поселке железнодорожников на окраине Таллина. Этой улицы не было еще прошлой весной. Теперь она уже обжита и звенит голосами маленьких ее хозяев.

Фото С. Розенфельда.

ПУЧ

Еще недавно на табачных фабриках стояли рядом пачечные и укладочные машины. Одни изготовляли пачки, другие укладывали в них папиросы. Но вот с недавних пор цехи стали оснащаться пачечно-укладочным автоматом изобретателя Черненко. Отсюда и пошло название «ПУЧ». Он объединил два сложных технологических процесса в один. Но это не простое механическое соединение двух известных машин в один автомат. Опытный изобретатель Иван Алексеевич Черненко много лет трудился, пока создал совершенно новый, оригинальный агрегат, простой в изготовлении, небольшой по размеру и несложный в управлении.

Работница берет стопку этикеток и закладывает их в багажник. Отсюда каждую в отдельности этикетку воздух отсасывает в формовочный аппарат. Полсекунды — и этикетка превращается в готовую пачку; по ходу движения она склеивается — остаются раскрытыми лишь верхние кромки — и выталкивается на транспортерную цепь. Как только пачка подходит к приемнику, он посылает в нее нужное количество папирос. Автомат сам отсчитывает и укладывает папиросы. Если по каким-либо причинам он ошибается в отсчете, что бывает очень редко, то немедленно «признает свою ошибку», послав сигнал.

Наполненная папиросами пачка движется дальше. Клеевая лапка смазывает верхние клапаны, и специальный механизм выталкивает ее еще дальше — в горелку. Проходя через нее, пачка подвергается сушке и сползает на стол.

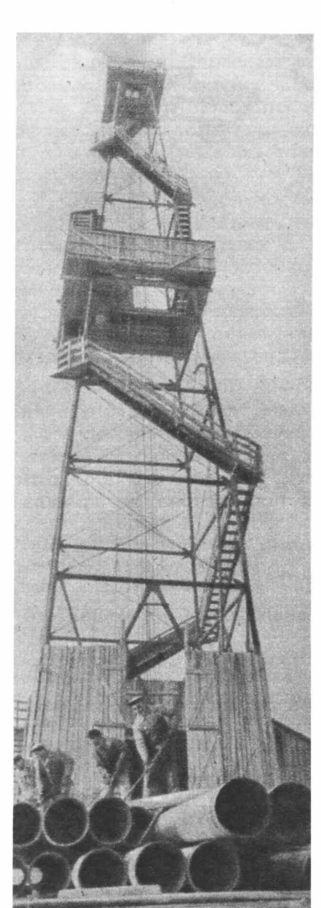
Первая партия автоматов «ПУЧ» была выпущена Центральными механическими мастерскими Ленинградского совнархоза, а серийное производство налажено на ленинградском заводе «Красная вагранка». Сейчас в табачной промышленности около трехсот таких автоматов.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: автомат «ПУЧ» на табачной фабрике имени Урицкого. Слева — изобретатель И. А. Черненко.

Фото Б. Уткина.

Быль о теплом городе

Здесь ищут горячую воду на глубине 3 тысяч метров.

Фото В. Джейранова.

Вот что рассказывает легенда о возникновении Тбилиси — Теплого города.

Вахтанг Горгасал, царь Грузии, однажды, охотясь, ранил фазана. Только было собрался царь спуститься к теплому источнику, в который упала истекавшая кровью птица, как фазан поднялся из воды и, здоровехонький, скрылся в лесу. Горгасал не очень огорчился такому обороту дела: потеряв фазана, он приобрел теплую целебную воду. Возле источника 1 500 лет назад и был основан город.

О тбилисских банях, в которых «вода горяча без помощи огня», рассказывали и арабский писатель X века Ал-Истахри в «Книге путей царств», и русский купец Василий Гагара, проезжавший Тбилиси в XVII столетии, и Шарден — француз-путешественник. И кому не известен восторженный отзыв А. С. Пушкина: «Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлисских бань».

Вместе с начальником Тбилисской гидрогеологической партии Ш. Р. Чубинидзе, вооружившись всевозможными картами, отправляемся мы спустя 1 500 лет по следам Вахтанга Горгасал.

Вот район старых серных бань. Здесь вода веками струится из трещин в скалистых берегах Куры. Но почему бы не копнуть землю поглубже и не вывести на поверхность новые источники теплой воды? Говорили об этом давно, но только в 1933 году сделали первую скважину на сто с лишним метров. Но и она дала в сутки около полумиллиона литров воды с температурой плюс 37 градусов. Затем стали бурить и в других местах Тбилиси. На серных водах появилось первое лечебное учреждение — Тбилисский бальнеологический курорт.

— Однако это уже давние дела,— говорит Чубинидзе.— Поедем лучше в другой район города.

В поселке машиностроителей и обувщиков над Курой стоит небольшое светлое здание.

— Здесь глубина скважины уже около полутора тысяч метров и вода совсем иная,— продолжает наш спутник.— В ней содержатся метан, йод, бром, различные соли. Поэтому-то и построена недавно водолечебница для рабочих.

Слух о новой целебной воде распространился быстро. В заводской поселок сейчас приезжают лечиться со всех концов города. Два научно-исследовательских института изучают вновь открытый источник воды, похожей по своим свойствам на воду широко известного курорта Цхалтубо.

Едем дальше вниз по берегу Куры. В поселке завода металлоконструкций стоит буровая вышка.

— Здесь мы углубимся на три километра и рассчитываем получить уже девяностоградусную воду,— рассказывает Ш. Чубинидзе.— Какого состава? Это пока трудно предугадать. Выгодно будет просто использовать горячую воду для теплофикации Тбилиси. А пока бур достигнет проектной глубины, он пройдет зоны серных и метановых вод, для которых устроены специальные отводы из скважины.

Под Тбилиси обнаружен колоссальный артезианский бассейн территорией в две тысячи квадратных километров. Поднимаются новые и новые вышки. Буры опускаются все глубже.

И. МЕСХИ

ЛАГОХИЛУС ЛЕЧИТ

Богата и разнообразна флора Средней Азии. В настоящее время известно около 7 тысяч видов растений, населяющих ее пустыни и горы, оазисы и леса. К ним относится и лагохилус опьяняющий — полевой бледно-розовый цветок с запахом розы. Впервые он был собран в Самаркандском крае ботаником Леменом в 1841 году. Но долгое время это замечательное растение было позабыто.

Лагохилус опьяняющий оказался обладателем ценных лечебных свойств. Несколько лет назад коллектив научных сотрудников кафедры фармакологии Самаркандского медицинского института занялся изучением лагохилуса. Анализы отвара из травы и чашечек цветков лагохилуса показали, что в нем содержатся дубильные вещества, аскорбиновая кислота, соли кальция и органические кислоты.

А опыты на животных подтвердили, что приготовленные из него препараты способствуют лучшему свертыванию крови. Может быть, он окажется полезным при гемофилии, предположили фармакологи.

Гемофилия — тяжелая болезнь, начинающаяся в раннем возрасте. У больных плохо свертывается кровь, и достаточно небольшого ушиба, пореза, чтобы началось кровотечение, иногда приводящее к смерти.

В клинику Самаркандского медицинского института поступил десятилетний мальчик с резкими болями в коленном суставе после ушиба. Обследование ребенка показало, что он страдает гемофилией. При ушибе сустава был поврежден небольшой кровеносный сосуд, который кровоточил несколько дней. Накопившаяся кровь вызвала припухлость в суставе и резкие боли. С первых же дней мальчику назначили лагохилус. Кровотечение приостановилось.

В дальнейшем было установлено, что применение лагохилуса не ограничивается только лечением гемофилии. Он обладает успокаивающим действием, дает хороший эффект при лечении некоторых кожных болезней и гипертонии.

Еще не все возможности лагохилуса как лечебного препарата исследованы. Но и сейчас ясно, что лагохилус найдет широкое применение.

Т. СОЛДАТОВА

«Заря» радирует...

Как уже сообщалось в «Огоньке», полгода назад из Ленинграда вышла в плавание парусно-моторная шхуна «Заря». За это время она дважды пересекла Атлантический океан, побывала в Средиземном море и снова подошла к берегам Америки. Весь путь пройден под парусами. Отлично действовали все приборы, изготовленные в мастерских и лабораториях Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн.

«Заря» все время поддерживает по радио связь с Ленинградом. Одна из последних радиограмм начальника экспедиции кандидата географических наук М. М. Иванова гласит:

«Во время нашего рейса Гибралтар — Пуэрто-Рико была пересечена область Атлантики, где происходит наиболее быстрое увеличение горизонтальной силы земного магнитного поля. Экспедицией выявлен ряд ранее неизвестных магнитных аномалий в центральной части океана.

У Канарских островов судно попало в штормовые встречные ветры, необычные для этого района и задержавшие наше плавание. В дальнейшем «Заря» вошла в зону северо-восточных пассатов, что позволило в полной мере использовать паруса: попутные ветры доходили до 6—7 баллов! Несмотря на сильную качку, аппаратура магнитных наблюдений действовала безотказно. Успешно она выдержала испытания и в тропическом климате.

В порту Сан-Хуан у острова Пуэрто-Рико нас встречала группа американских ученых, специально прибывших из Вашингтона, а также руководитель местной магнитной обсерватории. Американские ученые побывали на судне, ознакомились с его научным оборудованием, с работой экспедиции.

Посетив магнитную обсерваторию Сан-Хуан, мы выполнили контрольные магнитные измерения, возложенные на нашу экспедицию Международной ассоциацией земного магнетизма. При расставании американские ученые поздравили нас с созданием единственного в мире немагнитного судна, а также с результатами выполняемой работы. «Счастливого плавания, надеемся встретиться снова с друзьями, которых мы здесь приобрели»,— гласит запись, сделанная ими в книге посетителей».

Сейчас «Заря» идет к острову святой Елены, а потом, согласно программе МГГ, направится в Аргентину.

Шхуна «Заря».
Фото А. Бродского.

«Дископлан» в полете

Недавно в Подмосковье на высоте около трех километров появился странный, быстро летящий предмет. Очевидцы утверждали, что это был правильной формы диск сравнительно больших размеров.

Что это за диск и откуда он появился, никто не знал. Возникли предположения и догадки, одна другой фантастичнее.

Между тем диск, снизившись, перешел во вращательное, винтовое движение, затем взмыл кверху, перевернулся и, быстро снижаясь, скрылся за верхушками деревьев соседнего леса.

В связи с этим уместно вспомнить событие, происшедшее летом 1910 года, на заре авиации. Известный русский изобретатель Анатолий Уфимцев, мечтая о лучшем способе летания, пришел к мысли о постройке аппарата с крылом, представляющим в плане круг. Уфимцев построил мотор, воздушные винты и, наконец, самолет с круглым крылом, который он назвал «Сферопланом». Изобретатель делал на нем пробежки, учился управлять, но подняться в воздух ему не удалось.

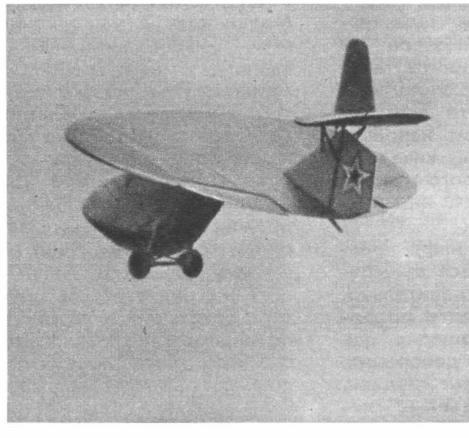
Много лет спустя в Новосибирске руководимая мною группа конструкторов — членов ДОСААФ построила одноместный экспериментальный планер «Дископлан». Крыло «Дископлана» имело форму круга диаметром в три с половиной метра (ни один летательный аппарат не имел еще такого малого размаха крыла). Планер управлялся обычными элеронами, рулем направления и цельноповоротным стабилизатором высоты.

В первом полете «Дископлан», буксируемый самолетом «ПО-2», вел себя необычно. Взлетев, он стал раскачиваться на тросе подобно маятнику, и ничто не могло вывести его из этого состояния. Отцепившись на небольшой высоте, «Дископлан» устойчиво спланировал, но при посадке опрокинулся и был слегка поврежден.

Дальнейшие исследования привели к мысли о необходимости внести в конструкцию крыла важное дополнение — отклоненные вниз «боковые открылки». Они полностью устранили маятниковые колебания планера в буксирном полете.

После серии успешных полетов на буксире у самолета наступила завершающая стадия испытаний «Дископлана» на штопор и высший пилотаж.

Впервые в практике планеризма летательному аппарату с крылом малого удлинения предстояло выполнить такие пилотажные фигуры, как «бочка», «переворот через крыло», «петля Нестерова» и другие. По распространенному мнению, «бочку» и «переворот через крыло» могут выполнять только хорошо штопорящие самолеты и планеры. Между тем аэродинамика круглого крыла такова, что срыв «Дископлана» в штопор практически невозможен. Но испытатели были уверены, что планер легко выполнит все фигуры, в том числе и фигуры типа штопорных. Испытания полностью подтвердили это. «Дископлан» показал хорошую маневренность и устойчивость на всех режимах полета. Эти-то испытания и наблюдали жители Подмосковья.

«Дископлан» М. В. Суханова в полете.

Теперь я и мои товарищи думаем уже о постройке нового, более совершенного варианта «Дископлана». Снабженный легким реактивным двигателем кратковременного действия, он должен взлетать в воздух и набирать высоту в два—три километра самостоятельно.

В последние годы в авиационных кругах зарубежных стран усиленно обсуждается проблема вертикально взлетающих и осуществляющих вертикальную же посадку самолетов, для эксплуатации которых не требуется аэродромов.

Судя по всему, такая идея может быть наиболее удачно реализована самолетом с крылом в виде круглого диска. За границей имеется ряд проектов самолетов-дископланов, предназначенных для вертикального взлета и посадки. По сведениям зарубежной печати, эти проекты находятся в стадии эксперимента и изготовления.

Представляют интерес также высказанные недавно на страницах журнала «Astronautics» (по-видимому, в связи с запуском в космос советских спутников Земли) соображения о том, что применение крыльев круглой формы в плане является наиболее перспективным на самолетах-ракетопланах, предназначенных в будущем для полета по орбите вокруг Земли с последующим планирующим спуском на Землю.

Кандидат технических наук М. СУХАНОВ.

Няна Гуневарден, ее сын Меван и врач З. Е. Чебыкина.
Фото Ф. Короткевича.

Мальчик с Цейлона

Его привезли завернутым в одеяло и шубу. В тот ноябрьский день в Москве внезапно ударил двадцатиградусный мороз. Главный врач больницы Таисия Петровна Воробьева встревожилась: не отразится ли вредно на мальчике резкая перемена климата? Ведь он попал в суровую московскую зиму после тропической жары острова Цейлон!

Но тревога, к счастью, оказалась напрасной. Первый медицинский осмотр показал, что мальчик с Цейлона, которому еще не было и четырех лет, благополучно перенес далекий путь. Он вскоре привык к заснеженному больничному парку, к валенкам, теплой шубе и меховой шапке — к вещам, которых он не видел на своей родине.

Как мальчик с далекого острова Цейлон, сын государственного чиновника Ц. Т. Гуневардена — Меван очутился в московской областной детской больнице, в которой лечат больных полиомиелитом?

У Няны Гуневарден, матери Мевана, давно зародилась мысль привезти сына для лечения в Москву. Со слов одного цейлонца, побывавшего в Москве, она знала, что медицинская наука стоит в СССР очень высоко. Кроме того, сама Няна Гуневарден случайно прочла в журнале статью советского ученого и прониклась верой в советскую науку. И вот в дни фестиваля, побывав в московской больнице, она твердо решила искать там спасения для своего сына.

Она попросила тогда книгу посетителей больницы и на одной из ее страниц написала:

«Я пишу это в знак моей глубокой признательности за доброту, проявленную ко мне докторами и сотрудниками этой больницы. Я заметила, что здесь делается все возможное не только в медицинском отношении для детей, которые находятся на их попечении, но также все, чтобы сделать их счастливыми и радостными. Большое спасибо маленькому мальчику, который показал мне некоторые из упражнений, необходимых для моего сына. Я желаю сотрудникам этой больницы больших успехов. Пусть они несут здоровье и счастье людям.

Няна Гуневарден».

Теперь она снова в этой больнице уже вместе с сыном. Врач Зоя Евграфовна Чебыкина заполнила с ее слов историю болезни мальчика с Цейлона. Ему было всего полтора года, когда он заболел полиомиелитом. Лечение продолжалось только десять дней: острый период болезни он пролежал в госпитале, а затем с параличом правой ноги выписался домой. Его пробовали лечить электропроцедурами, применяли и какие-то народные средства, но все это не давало результата. С тех пор прошло два с половиной года. Положение мальчика становилось все хуже и хуже.

Осмотр показал, что болезнь сильно запущена. Нога ребенка находилась под прямым углом к туловищу. Он едва передвигался.

— Можно ли помочь ему?— робко спросила мать.

— Мы сделаем все, что в наших силах,— ответили ей врачи.

Прошло два месяца с небольшим. Вместе с госпожой Няной Гуневарден мы входим в высокий, светлый зал, который называется по-больничному игровой комнатой. Здесь много игрушек — от кукол до трехколесных велосипедов. Навстречу нам бежит, слегка прихрамывая на правую ножку, смуглый мальчонка. Это Меван, которого товарищи по больнице окрестили более понятным именем — Иван.

— Его состояние намного улучшилось,— рассказывает госпожа Гуневарден.— Правда, врачи считают, что ему еще долго придется лечиться: болезнь была сильно запущена. Когда я оставила сына в больнице, я жалела его. Думала, что он будет одинок среди чужих людей. А оказалось наоборот: он чувствует себя хорошо, у него здесь появилось много друзей, и он уже неплохо говорит по-русски.

Мевану нравится лечение, которое он получает в больнице. Ведь игра в большом зале и даже езда на велосипеде или лошадке — тоже лечение. Несколько раз в день с ним делают гимнастику. А потом его ведут в маленький бассейн с теплой водой, где такие же дети, как и он, учатся плавать под наблюдением инструкторов. А затем можно пойти в «живой уголок», где бегает в клетке красивая белочка и весело гомонят австралийские попугайчики.

Маленький Меван стал теперь известен на Цейлоне. Его портрет был помещен в цейлонской газете, и, рассказывая о мальчике, поехавшем лечиться в Москву, газета отмечала, что это первый случай, когда ребенок с Цейлона получает специальное лечение в СССР.

Я. МИЛЕЦКИЙ

В шахте. Рабочий момент съемок фильма «Искатели солнца». Первый справа — режиссер Конрад Вольф.

ИСКАТЕЛИ СОЛНЦА

Георгий **МИКУШКИН**

Бушует огонь на шахте. Вздрагивающие языки пламени ползут все дальше и дальше.

Вот-вот рухнут прогоревшие деревянные крепления. Сквозь дым и огонь пробираются три горняка, ища свободный выход из горящего квершлага. Надо спешить: неминуем завал, и тогда уж не выбраться из этого ада.

Измученные и обессиленные, в рваной одежде, с запачканными от грязи и копоти лицами, советский инженер Сергей Мельников и молодой немецкий рабочий Гюнтер с трудом волокут раненого обер-штейгера Байера.

— Стоп! — раздается по-немецки команда, оператор останавливает кинокамеру.

— Виктор, ты пока можешь отдохнуть и обогреться у ламп,— говорит по-русски режиссер Конрад Вольф, обращаясь к одному из актеров.

— Альзо, вир геен цум оффен,— отвечает тот. Но он не спешит.— Попробуй тащить такого детину, наверное, килограммов сто будет,— не то всерьез, не то в шутку говорит исполнитель роли Мельникова, кивая на своего коллегу, которого только что тащил на себе.— С ним быстро согреешься.

Однако оба идут к инфракрасной «печи». Там уже вся съемочная группа. Это не удивительно. Съемка пожара на шахте проводится на открытой площадке, где художники создали декорации, точно воспроизводящие рудник.

Пока готовились к съемке следующего кадра, Конрад Вольф сообщил нам, что фильм, на съемках которого мы присутствуем сейчас в киностудии ДЕФА, называется «Зоннензухер» («Искатели солнца»). В нем рассказывается о людях, работающих на руднике. Действие начинается в 1950 году. Вместе с немецкими рабочими здесь трудятся и советские люди. Смертельная опасность, возникшая во время пожара, помогает проявить им искренние товарищеские чувства, которые они питают друг к другу.

Режиссер показывает свои владения, проводя нас по основным «стратегическим» и «тактическим» пунктам киноплощадки. Здесь предстояло заснять важные сцены,

Кадр из фильма «Искатели солнца». Советский инженер Сергей Мельников — В. Авдюшко.

в частности сцену беседы Сергея Мельникова с умирающим Байером, бывшим эсэсовцем, побывавшим вместе с фашистскими головорезами на родине Сергея.

В кинофильме «Искатели солнца» заняты известные немецкие и советские актеры. Главную роль — обер-штейгера Байера — исполняет лауреат Национальной премии Гюнтер Зимон (известный советским зрителям по фильму об Эрнсте Тельмане).

Режиссера очень беспокоил подбор советских актеров: ведь он их знал только как зритель. После просмотра многих советских фильмов, раздумий, советов в Германию на съемки были приглашены В. Авдюшко, В. Емельянов и Р. Шорохова.

Первые же встречи с В. Авдюшко и Р. Шороховой убедили его в том, что Сергей Мельников и дозиметристка Вера найдены. Иначе было с Емельяновым.

Образ этого актера у Конрада Вольфа сложился по фильму «Вихри враждебные», где Емельянов играл Феликса Дзержинского — «железного рыцаря революции». И вдруг в жизни он встретился с мягким человеком с добродушным лицом.

— Честно говоря,— рассказывает Вольф,— вначале я даже растерялся. Ведь от его роли очень многое в фильме зависит. Что делать? Решил все же поработать.

И что же! Емельянов сразу все понял. Его полковник Федосьев суровый, собранный... Именно таким я представлял человека, испытавшего великое горе своего народа и нечеловеческое личное страдание. В годы войны погибла его семья.

Говоря об исполнении ролей, режиссер заметил, что советские актеры оправдали его надежды.

— А ведь им было очень трудно: фильм снимался в Германии, на немецком языке, партнеры и члены съемочного коллектива говорят только по-немецки. Особенно трудно приходилось В. Авдюшко. По сценарию Сергей Мельников свободно владеет немецким языком, и В. Авдюшко должен был так овладеть разговорной речью, чтобы немецкие зрители могли легко его понять.

— Работа над освоением языка была для меня, пожалуй, не менее трудной, чем над ролью,— признается В. Авдюшко, — и, вероятно, если бы не помощь превосходно говорящего по-русски Конрада Вольфа, я не справился бы.

Мы спрашиваем Вольфа, давно ли он изучает русский язык.

— Я немало лет прожил в Советском Союзе, учился там и закончил Московский государственный институт кинематографии. Мне кажется, потому мне и поручили постановку «Искателей солнца», что я хорошо знаю и немцев и советских людей... «Искатели солнца» не первая моя работа. В 1957 году на Международном кинофестивале в Карловых Варах мой фильм «Лисси» получил одну из трех главных премий.

Берлин.

АНСАМБЛЬ СКРИПАЧЕЙ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

В дни работы XX съезда КПСС дал свой первый концерт ансамбль скрипачей Большого театра СССР. Художественный руководитель — Ю. М. Реентович.

Это совершенно новая форма инструментального коллектива.

За два года ансамбль с большим успехом выступал в Москве, Ленинграде, Киеве, Горьком, часто его передавали по радио и телевидению. Он завоевал широкую популярность слушателей мастерством и разнообразной программой. Наряду с произведениями русских и западных классиков, сочинениями советских авторов, ансамбль исполняет произведения композиторов Японии, Египта, Бирмы, Индонезии, Швеции, Китая, Болгарии, Югославии, Албании, Чехословакии, Румынии, Венгрии. Сыгранность скрипок идеальна.

Д. СЕРГЕЕВА

САМЫЙ МОЛОДОЙ

Вл. ПИМЕНОВ

«Папоротник-цветок» И. Козела в Белорусском государственном театре юного зрителя. 5-я картина.

Фото И. Берлина.

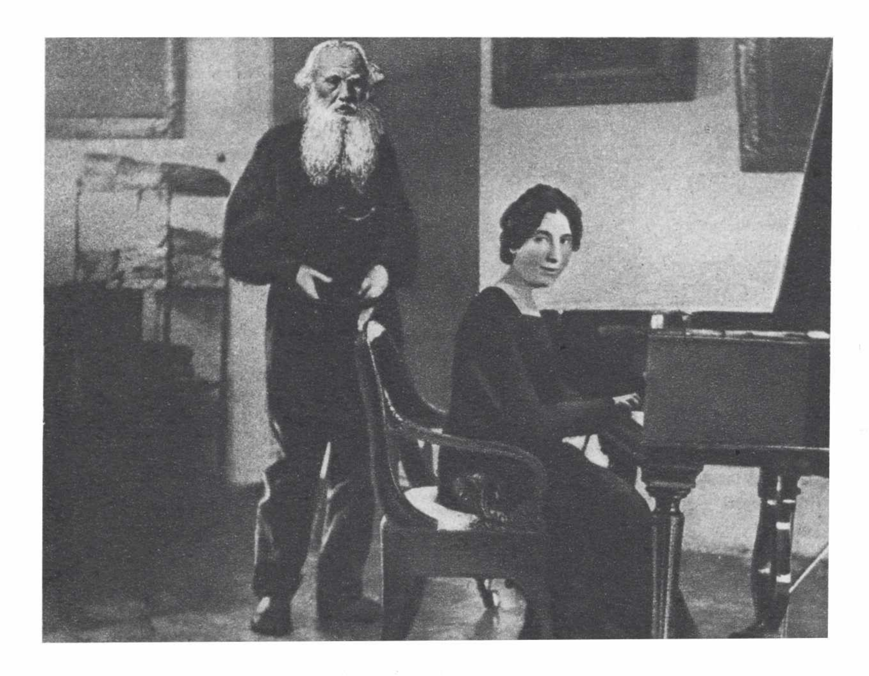
На фестивале детских театров в Москве горячо был встречен спектакль самого молодого среди молодых, белорусского детского театра «Папоротник-цветок». Эта пьеса принадлежит перу И. Козела, впервые вступающего в драматургию, учителя средней школы одного из районов Белоруссии. Внимание белорусского театра к начинающему автору, большая, кропотливая работа вместе с ним — хороший и поучительный пример.

Пьеса рассказывает о жизни хорошо известной автору одной из деревень Западной Белоруссии в канун сентября 1939 года. Несложная история о том, как несчастливо закончилась любовь Лявона и Янины, смотрится с интересом: во всем здесь много верных примет эпохи и быта, стремления глубоко проникнуть в национальный характер. В пьесе Козела переданы горячий порыв к новой жизни, страстное ожидание белорусскими крестьянами советских друзей, которым принадлежит земля и свободный труд. Спектакль будто искрится народным юмором.

Трогательна в своей любви к жениху скромная Янина. Актриса Л. Тимофеева верно раскрывает вместе с тем романтический склад ее души, мужество. В образе Лявона актер П. Дубашинский показывает растущий, развивающийся характер будущего бойца революционных схваток. Остро сатирически решена актером А. Беляевым роль пана Ганецкого.

И хотя гибнет героиня Янина, спектакль оптимистичен, призывает к жизни и счастью. Советский народ вместе с жителями Западной Белоруссии сметает с лица родной земли хищников, мешавших труженикам найти путь в жизни.

ВСТРЕЧА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Полвека назад, в декабре 1907 года, знаменитая польская клавесинистка Ванда Ландовская посетила Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне.

Клавесин еще в XVII и XVIII веках был очень популярным музыкальным инструментом. Изготовляли его лучшие мастера Италии, Германии, Франции.

Ванда Ландовская ревностно изучала в Парижской национальной библиотеке старинные ноты, написанные специально для исполнения на клавесине (особенно Баха), и разъезжала по феодальным замкам и монастырям Франции, чтобы детальнее ознакомиться с сохранившимися инструментами.

Первые же концерты Ванды Ландовской на клавесине прошли с большим успехом. Музыкальная Москва зимою 1907 года очень радушно приняла Ванду Ландовскую. После концертов в Москве Ванда Ландовская, глубоко уважавшая великие художественные произведения Толстого, поехала в Ясную Поляну. Здесь она исполнила многое из классического репертуара, а также играла восточные народные песни.

Эти последние очень понравились Л. Н. Толстому.

— Это и есть настоящее искусство...— заметил великий писатель.— Настоящее искусство, созданное рабочим народом, понятно всякому: персиянин поймет русского, русский — персиянина.

На прогулке Лев Николаевич сказал Ванде Ландовской:

— Я вас благодарю не только за удовольствие, которое вы мне доставили вашей музыкой, но и... за подтверждение моих взглядов на искусство.

Находившийся в Ясной Поляне фотограф заснял великого писателя и знаменитую клавесинистку.

Ванда Ландовская продолжает заниматься и сейчас музыкой и известна своими выступлениями в классическом репертуаре.

Д. КУМАНОВ

Картина из Вигала

Архитектор Эрнст Эберберг поехал в местечко Вигала на западе Эстонии: он хотел осмотреть давно интересовавшие его рельефы в старинной церкви. В ризнице он увидел потемневшее от времени большое полотно с фигурой Христа на переднем плане. Вначале архитектор прошел мимо, но потом, уже дома, задумался. Манера письма и библейский сюжет — «Свадьба в Кане Галилейской» — говорили о том, что это старинная картина и, возможно, работы известного мастера.

Картина была перевезена в Таллин, и ее реставрацией занялись художники. Было установлено, что такая же или очень похожая работа известного нидерландского мастера XVI века Мартина де Фоса находится в Антверпене в соборе. Кто же автор картины из Вигала? Копия это или работа другого мастера?

Фриц Матт, художник театра «Эстония», послал письмо и фотокопию найденной картины в Антверпен. Письмо это попало архивариусу — доктору Ю. ван ден Ньювенхуцену, который в ответ сообщил такие данные: 26 июня 1595 года Фос заключил с гильдией виноторговцев договор, по которому выполнил для антверпенского собора картину «Свадьба в Кане». Невесту художник писал со своей жены Жанны, образ ее поэтичен и выразителен. Картина выполнена на дереве.

Исследованием посылки из Эстонии занялся сотрудник антверпенского «Дома Рубенса» Ф. Бодуэн. По его заключению, вигалаская картина представляет несколько измененную копию с картины Фоса, принадлежащую кисти неизвестного автора. «Возраст» ее перешагнул за три столетия — следовательно, это одна из старейших картин в Эстонии.

Бельгийские искусствоведы прислали в подарок эстонскому художнику Ф. Матту фотокопии автопортрета Фоса и других его картин.

Н. СЕРГЕЕВА

Художник-реставратор Ильмар Оялo за исследованием картины из Вигала «Свадьба в Кане Галилейской».

Фото С. Розенфельда.

Писатели и книги

Романтика боевой юности

Юноше Светлову шел пятнадцатый год, когда революционный шквал Октября докатился до Екатеринослава — родины будущего поэта. В конце 1917 года в местной газете «Голос солдата» Михаил Светлов впервые выступил со стихами. Первая книга поэта, «Рельсы», вышла в харьковском издательстве «Молодой рабочий» в 1923 году. Двумя — тремя годами позже в московских издательствах выходят новые сборники Светлова. В них начинает определяться самобытное лицо автора— комсомольского поэта, романтика революционных битв гражданской войны. С тех пор вышло в свет много произведений поэта. Лучшие его стихи и прежде всего знаменитая «Гренада» вошли в антологии. И вот перед нами последнее издание произведений Светлова — «Стихи и пьесы».

В новый сборник Светлов не включил самые ранние произведения.

Стихотворение «Двое», открывающее теперешний однотомник поэта, относится к 1924 году. Оно создавалось в ту пору, когда отгрохотали бои гражданской войны, и впечатления тех суровых лет вылились в образы емкие и правдивые. Поэт рисует трагическую смерть двух воинов, пришитых одной пулей к пулемету:

Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них...
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

Лирическому герою поэта хорошо знакомо это ощущение битвы. «Боевой багаж» не дает ему покоя, хочется снова в битву, свести счеты с недобитыми на полях войны врагами Республики Советов. Это нетерпение юности, характерное в те годы для многих поэтов, прошедших гражданскую войну, вновь и вновь возвращает Светлова к воспоминаниям боевой поры.

Суровой романтикой героического самопожертвования молодых бойцов революции дышат чеканные строки посвященной Н. Асееву «Песни» (1931). Тяжело умирать на родной земле, не увидав плоды победы, мучительно молодому и буйному сердцу уходить в «живописные дали» небытия. Но есть и у этого «жуткого счастья» самопожертвования свой выход за пределы забвения — в бессмертие революционного дела. Именно эта идея выражена в чеканном лаконизме строк правдивой песни о молодом человеке.

А пафос трудовых будней между тем стучался в строфы очередной поэмы Светлова. Но эта тема пробирается в стихи поэта все по тем же знакомым дорожкам, исхоженным в годы гражданской войны:

Где Петлюра шел,
Где пели песни
Печенеги Нестора
Махно,
На высоком небе
Днепрогэса
Сколько нами солнца
зажжено!

И опять оживают воспоминания о боевой песне, что «воскресала, и умирала, и в отряде рождалась вновь», снова горящей Каховкой проходит девушка в шинели, и сквозь дым и годы минувших сражений улыбаются нам ее голубые глаза...

Так в единоборстве двух тем одерживает верх тема огневой и тревожной юности. Так мысль и признание поэта во «Вступлении к поэме» (1938) обращается все к тем же первым товарищам юности, комсомольцам первого призыва.

Повторись в далеком освещенье,
Молодости нашей ощущенье!
Молодость моя, не торопись!
Медленно — как было — повторись!..

Никогда не стану притворяться,
Ничего на свете не хочу,—
Только бы побольше вариаций
Этих повторяющихся чувств!..

Вполне понятна тяга поэта к воспоминаниям молодости. Но вариации есть вариации, и они могут замкнуть движение поэта в кругу повторяющихся тем.

Годы Отечественной войны принесли меньший поэтический урожай Михаилу Светлову по сравнению с эпохой двадцатых — тридцатых годов. Взволнованные строки посвятил поэт незабываемому подвигу двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, героине-комсомолке Лизе Чайкиной. Среди лучших стихотворений этой поры мы должны назвать стихи «Итальянец» и «Возвращение». В них проявляется новая для Светлова тональность. Раздумья над судьбами людей и судьбами послевоенного мира приходят на смену прежней романтической приподнятости.

Вл. МИЛЬКОВ

Михаил Светлов. Стихи и пьесы. Гослитиздат. Москва. 1957. 479 стр.

Увиденное в жизни

Самоотверженный, полный творческого вдохновения труд советского человека — излюбленная тема Николая Асанова. Бывший уральский рабочий, он по опыту знает, что именно в общественном труде раскрываются наиболее полно разнообразные, порой очень противоречивые характеры людей, пробуждаются и проявляются их душевные качества.

В характерах главных действующих лиц нового романа Николая Асанова «Электрический остров» — Андрея Орленова и Бориса Улыбышева — художник показал наивность, простоту и великодушие таланта и, с другой стороны,— хитрость, ловкость и изощренное коварство посредственности. Действие происходит в научно-исследовательском энергетическом институте, а Орленов и Улыбышев — научные работники, конструкторы электрических машин и приборов для сельского хозяйства. Но мы без труда можем представить их агрономами, врачами, квалифицированными рабочими, композиторами — кем угодно; они останутся самими собой, потому что это не профессиональные служебные функции, а человеческие характеры.

При чтении романа то и дело ловишь себя на мысли, что все это ты уже где-то наблюдал в жизни или сам испытал, что это очень-очень верно: талантливый человек обычно доверчив, наивен и великодушен, как Андрей Орленов. Все силы его ума сосредоточены на творческих поисках, и ему не приходит в голову, что неутомимым трудом своим он, сам того не подозревая, подставляет ногу жалкой посредственности, Улыбышеву, и навлекает на себя его мстительный гнев. Сложность конфликта в том, что на первый взгляд посредственность представляется блестящим талантом, а талант выглядит убогой посредственностью. Этим конфликтом и определяется значение нового романа Николая Асанова. Остальные образы написаны, к сожалению, слабее.

М. ШКЕРИН

Николай Асанов. Электрический остров. Роман. Изд-во «Советский писатель». 1957. 391 стр.

РУССКОМУ МУЗЕЮ 60 ЛЕТ

В. МЕШКОВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

Вспоминаю летний день в Ленинграде. Нежные и благоухающие розы перед входом в Русский музей, солнечные блики, делающие архитектуру здания трепетной и будто живой, и беспрерывный поток посетителей, которые идут любоваться замечательными сокровищами искусства.

Сердце наполняется гордостью за русское искусство славных скульпторов, архитекторов, живописцев, графиков, мастеров прикладного искусства, дающих людям столько радости.

В 1898 году Русский музей был открыт для посетителей. Сейчас его коллекция, одна из крупнейших в Советском Союзе, размещается в двух зданиях, соединенных внутренним переходом. Основное здание — великолепный архитектурный памятник Ленинграда —бывший Михайловский дворец, построенный в 1819—1825 годах знаменитым русским зодчим К. И. Росси. Второе здание выстроено значительно позже, в 1912—1916 годах, по проекту Л. Н. Бенуа. Каждый зал, занятый под экспозицию картин и скульптур, достоин особого внимания. Все интерьеры дворца сделаны по вдохновенным проектам Росси лучшими художниками, скульпторами и мастерами прикладного искусства. Здесь создано чудесное единство архитектуры и внутреннего убранства здания.

Знакомясь с коллекциями Русского музея, можно получить полное представление об истории развития русского искусства с древнейших времен и до наших дней, ознакомиться с творчеством крупнейших русских художников.

Собрание скульптуры в Русском музее — самое значительное в Советском Союзе.

Древнерусский раздел музея обладает такими шедеврами, как икона «ангел с золотыми волосами» (XII век), в которой воплощен идеал возвышенной и юной красоты. Образ юноши с печальными глазами и нежным ртом напоминает нам образы Джотто и других мастеров раннего итальянского Возрождения. В этом разделе не менее знамениты творения гениального Андрея Рублева и Симона Ушакова.

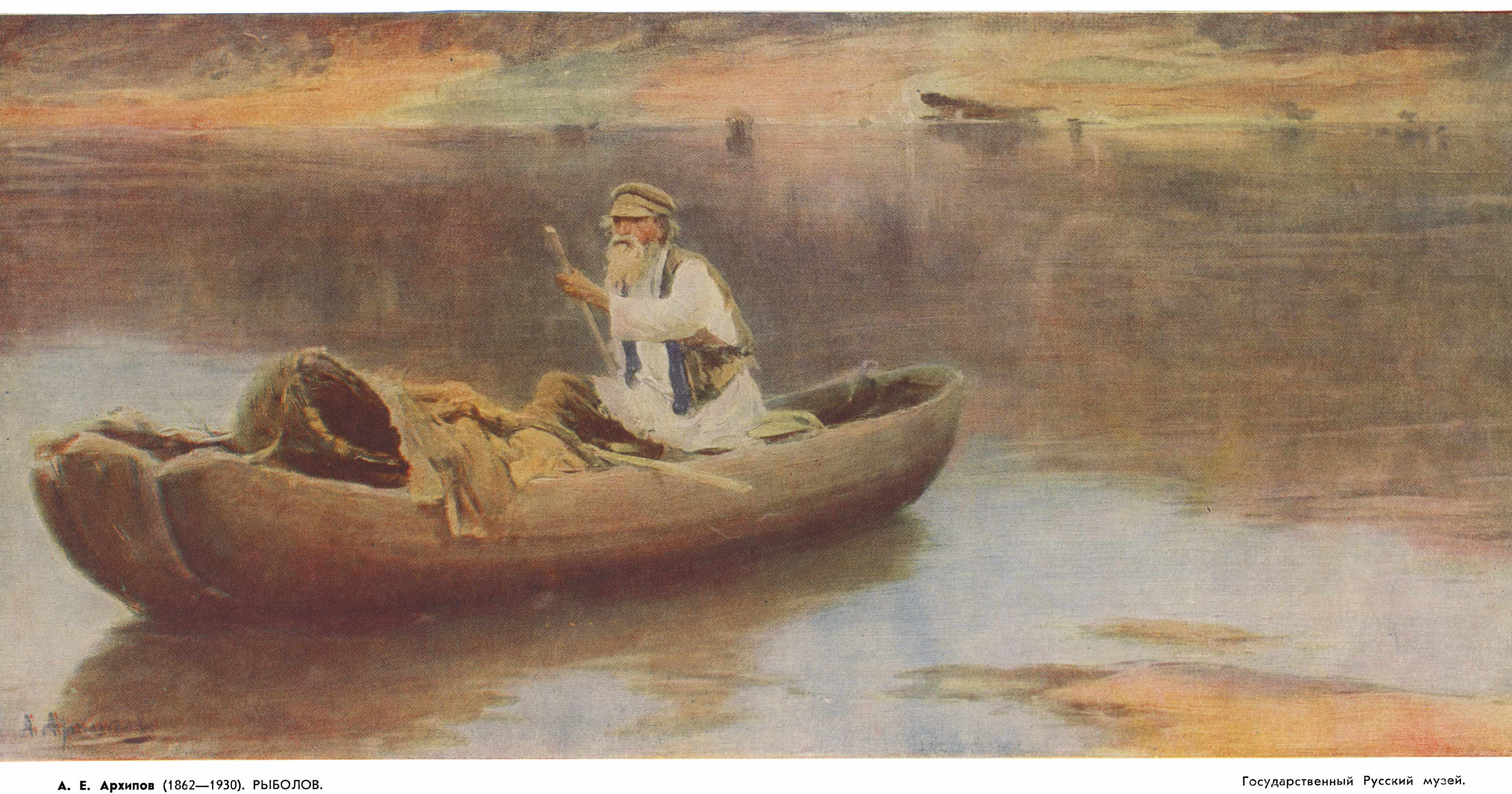
Обширен и интересен раздел искусства XVIII века — картины Ф. Рокотова, Д. Левицкого, в числе которых семь больших портретов воспитанниц «института для благородных девиц» — одно из наивысших достижений русской живописи того века. Для каждого из этих портретов художник нашел особую композицию, особый сюжет, особый тональный и эмоциональный ключ. Как влюбленный юноша, он смотрит на свои модели, находя в каждой из них самое привлекательное и индивидуальное. Все эти портреты отличаются удивительным изяществом и виртуозностью живописи и рисунка, все образы овеяны поэзией и красотой юности.

Трудно отметить лучшие из числа экспонированных произведений в Русском музее. Тот, кто побывал там, вряд ли забудет зал, где находятся картины К. Брюллова и И. Айвазовского. Здесь стены украшают великие создания этих художников — «Последний день Помпеи» и «Девятый вал», романтические портреты О. Кипренского. Его автопортрет, так же как и И. Айвазовского, находится в Италии, в галерее Уффици, среди автопортретов художников, имеющих мировую славу. У меня, как и у каждого художника, у каждого ценителя искусств, есть свои любимые живописцы, особенно близкие по мироощущению и настроению картины. Но кому могут быть не дороги полотна А. Венецианова — проникновенного и поэтического мастера крестьянского жанра, певца родной природы И. Шишкина, Александра Иванова, волшебника Куинджи, которые хранятся в музее! Среди картин Ильи Ефимовича Репина музей хранит «Бурлаков на Волге», «Запорожцев», вошедших в сокровищницу русского искусства. Значительна в музее коллекция картин В. Серова, В. Сурикова, И. Крамского, В. Поленова, В. Васнецова, работавших на рубеже двух веков, замечательные традиции реалистической школы которых восприняло советское искусство.

Отдел советского искусства постоянно пополняется лучшими работами всесоюзных художественных выставок. Велика честь для художника, если его работа приобретена Русским музеем, который ежегодно посещает более полумиллиона человек.

В. М. Васнецов (1848—1926). БИТВА РУССКИХ СО СКИФАМИ, 1881.

Государственный Русский музей.

А. Е. Архипов (1862—1930). РЫБОЛОВ.

Государственный Русский музей.

Один из трех

Документальная повесть

Андрей **НОВИКОВ**

У таверны «Марида»

К вечеру, привлекаемые прохладой, жители Афин съезжаются на побережье. Дневной зной еще держится в порах ноздреватых камней, висит над асфальтом шоссе. Но уже ласковый ветерок гонит ленивую волну по заливу Эгейского моря. Порой она бултыхнется у самых столиков, за которыми сидят посетители прибрежной таверны, или лизнет борт лодки, на носу и корме которой горят фонарики: это рыбаки выходят на ночной лов осьминогов.

Любовь моя, ты мой цветок,
Вечерняя звезда горит над нами...

Песня плывет над заливом. Молодой голос певца доносится оттуда, где темнота усеяна множеством светящихся точек и слышатся мерные всплески весел...

В небе, заглушив песню, заревели моторы. Сигнальные огни транспортного американского самолета пронеслись над столиками таверн и стали опускаться все ниже, к самому прибрежному шоссе, по которому мчались легковые автомобили. Загорелся на перекрестке красный огонь светофора, машины заскрипели тормозами. Взлетная полоса аэродрома начинается прямо у шоссе. Колеса выпущенного шасси чуть не проехались по крышам остановившихся машин. Мелькнули голубые огни из выхлопных труб. Самолет приземлился и побежал по дорожке. Автомобили двинулись дальше.

Из американского самолета вышли три едва приметные фигурки. Какой-то человек подошел к ним. Тут же все четверо исчезли в темноте.

Как хорошо было идти по набережной, вдыхая свежий морской воздух, после пропахшей бензином кабины самолета!

За столиками таверн веселые, говорливые греки ели только что выловленную нежную глоссу, другие — маленькую, зажаренную в муке мариду. Официанты проносили на подносах мелко нарезанные щупальца осьминогов. Старик, обходивший столики в одной из таверн, доставал из корзинки устриц, ловко открывал ножом раковину, выжимал туда несколько капель сока из лимона и угощал посетителей. Как янтарь, желтело в стаканах греческое вино. На больших, вертикально закрепленных вертелах жарились слепленные из мяса и сала конусообразные гиросы, слегка чадили сувлаки — свиные шашлыки. Все это наполняло запахами набережную, возбуждало аппетит. Тянуло присесть за столик.

«Нельзя»,— взглядом предупредил сопровождающий.

— А выкупаться в море?

— Нет.

Взгляд Карла — так звали одного из троих, прибывших на самолете,— задержался на мальчонке лет одиннадцати, который обмахивал метелочкой из перьев подъезжавшие на стоянку автомобили. Мальчишка был босоногий, в заплатанных штанах, на голове его возвышалась большая фуражка с надписью «Марида» — название таверны, у дверей которой он вертелся, зарабатывая медяки.

Карл вспомнил себя таким же одиннадцатилетним парнишкой, только тогда его звали иначе — Володей. У него была еще и фамилия — Кравец.

Когда же это было? В сорок первом году... в Первомайске, недалеко от Одессы.

На всю жизнь врезался в память тот день. После купания он подходил к дому. Поставив во дворе удочки, весело посвистывая, он поднялся на крыльцо.

— Ой, Володечка! — простонала показавшаяся в дверях бабушка и прижала к груди голову внука. Она шмыгала носом, слезы текли по ее щекам.

«Мать!» — пронеслось в мозгу. Он опрометью бросился в дом...

От школы было очень далеко до дома Кравцов, но товарищи-пятиклассники все же принесли на похороны цветы. Мальчишки неловко подавали девочкам букеты, те укладывали их возле гроба.

В ту пору стоял чудесный солнечный май. На кладбище громко распевали птицы, но Володя ничего не слышал, кроме ударов падающей на крышку гроба земли.

«Тетя Наташа» — так стал называть Володя появившуюся в доме через три месяца мачеху. Она работала на вокзале помощником повара. Привела с собой дочь, худенькую, долговязую Тамару.

Семья как будто бы увеличилась, но Володя чувствовал, что остался совсем один. Отец по-прежнему не интересовался его тетрадями и дневниками, а мачеха — подавно.

Вечно чего-то искавший то на Сахалине, то на Кавказе, отец перевез вскоре семью на Западную Украину, в город Стрый.

В семье по-прежнему Володю окружал холод. Это было как ледяная вода в быстром горном Стрые: войдешь в нее — и тут же выскочишь наружу...

Было четыре часа утра, когда Володя сквозь сон услышал за окном грохот, словно мимо шла огромная колонна тракторов. Он выбежал во двор и сразу увидел, как вылетает пламя из стволов зенитных пулеметов. Это вел огонь находившийся на станции бронепоезд. Во дворе стоял в одном исподнем хозяин квартиры, вглядываясь куда-то вдаль. Володя тоже старался рассмотреть, что происходит там, на аэродроме, где горели бензохранилища и поднимался густой столб дыма.

— Маневры? — шепотом спросил он хозяина.

— Маневры! — с сарказмом передразнил его хозяин.— Война! Война! — Он так выкрикнул это, будто рад был случившемуся.

К вечеру последний эшелон с беженцами уходил из Стрыя...

Сейчас, глядя на мальчишку, суетившегося возле таверны, Кравец начал было вспоминать подробности переезда.

— Пошли, Карл! Сколько ты тут будешь стоять? — окликнули Кравца.

— Ах, да! — рассеянно ответил он и двинулся вместе с остальными.

...Купив колбасы и белого хлеба, четверо вернулись на аэродром. Из бара, расположенного неподалеку, доносилась музыка, громкий смех. Уснуть было трудно: в домике стояла духота. А рядом плескалось море, такое ласковое и спокойное — век бы нежиться в воде...

Остались...

Назавтра троих повели к самолету. Старая развалина, едва взлетев, сделала неуклюжую посадку, еле вытянув на одном моторе. Кравец слышал, как один из летчиков сказал:

— Как же можно выполнять такое задание на этой развалюхе?

— А кто же станет для такого дела рисковать хорошей машиной? — ответил другой. — Теперь полетят на запасной, та еще хуже.

...Самолет медленно набирает высоту. Внизу вода и вода. В кабине тихо, никто из троих не произносит ни слова.

Воспоминания снова возвращают Кравца в Первомайск.

...Вскоре после того, как семья возвратилась из Стрыя в Первомайск, отец пришел домой бледный, постаревший. Мачеха вопросительно посмотрела на него. Отец бросил на стол скомканную повестку. Володя видел, как он вышел во двор, подошел к забору, взял в руки отвалившуюся рейку, хотел прибить ее на место, потом со злостью отбросил далеко в сторону и вернулся в дом.

До военкомата было далеко, но за всю дорогу отец не обмолвился и словом с Володей. Не нашлось у старого Кравца для сына слов даже в эти минуты. Хотя он отправлялся не на фронт, а лишь на рытье укреплений, но ведь это могла быть последняя их встреча!

— Ну, пока,— сказал отец и скрылся в здании военкомата.

Вскоре в Первомайск вступила гитлеровская часть. Люди вокруг стали говорить почему-то шепотом, еле здоровались друг с другом. По городу поползли слухи, из подвалов они растекались по улицам и дворам, один тревожнее другого.

Однажды злобно залаял пес. Он с остервенением на кого-то бросался, и мачеха не хотела открывать дверь. Потом в комнату вошел отец. Он стоял посреди комнаты, освещенной слабо мерцающей коптилкой, и было страшно смотреть на его заросшее лицо.

Позже мальчик слышал отрывки его разговора с мачехой. До него смутно доносилось: «окружение», «прорван фронт», «кто его знает».

Утром он спросил отца: верно ли, что наших разбили? Ведь не может же этого быть, чтобы нашу армию...

— А кто их знает,— ответил равнодушно отец.— Как есть, так и будет.

Ночью мачеха шепталась с отцом:

— Ну и что? Проживем. И эти тоже, небось, люди.

Двор возле столовой обносили колючей проволокой. Как-то, придя туда, он увидел портного, соседа-сапожника, двух часовщиков; вместе с десятками других они сидели за проволокой, лица их были изможденны, смертная тоска в глазах. Так он впервые услыхал слово «гетто».

Отец поступил в полицию. Ему не выдали ни формы, ни оружия. Отпускали иногда кое-что из продуктов. Бабка смеялась:

— Коли раньше городовому столько бы давали, он с рабочими на демонстрацию стал бы ходить. За эти-то крохи...

— А как семью кормить? — огрызался отец.

Они жили в доме, хозяева которого ушли с Советской Армией.

— А почему мы не ушли? — спрашивал Володя.

— А потому что здесь остались,— отрезала мачеха.

Володя целыми днями слонялся без дела по улице. Часто забредал к одноклассникам, сыновьям тех, что сидели в «гетто»,— Семену и Борису. Теперь они ютились в подвале здания, где ранее помещался райисполком. Огромный подвал был завален папками бумаг. Пелена пыли поднималась над жилищем его товарищей, и солнечные лучи, проникавшие сквозь нее, стояли причудливыми пучками.

Ребята перебирали папки, рылись в бумагах.

— Здесь много документов, нехорошо, если ими завладеют фашисты,— сказал вдруг Борис.

— А если все это поджечь? — дополнил его мысль Сема.

Потом пришло то утро, когда отец, теребя его, сонного, за плечо, сказал:

— Вставай! Пойдешь со мной в полицию, вызывают тебя.

Знакомая дорожка, афишная тумба, поворот... Вот она, и школа. В знакомом классе над сорванной доской еще виднеются на стене чернильные пятна. Это Семка выстрелил из трубочки поверх доски бумажками, смоченными в чернилах. Никто из ребят не выдал его тогда. Вот они, несколько чернильных пятен.

Тучный полицейский велел привести Семку и Бориса. Он спросил Володю только об одном: правильно ли они назвали свои имена? Володя подтвердил, что ребята не соврали.

— Ну, а теперь иди,— сказал толстяк.

— За что же их взяли? — допытывался Володя, придя домой.— Неужели за то, что они были против, а не так, как все вы,— в рот воды набрали?

Тамарка с одобрением смотрела на Володю. Отец вдруг закричал:

— Уши надеру! Из головы выкинь! Семью погубить хочешь?!

Вскоре Володя узнал, что Семена и Бориса расстреляли оккупанты.

...Поздно вечером он вышел в сад. В одной руке у него была лопата, в другой сверток. Выкопав ямку под молоденькой яблонькой, он положил туда пакетик, в котором был его пионерский галстук и значок...

«Коммерсанты»

...Самолет шел над водой. Кравец посмотрел на своих спутников. Положив голову на рюкзак, Виктор делал вид, что спит. Безразлично смотрел сквозь стекла кабины Николай. За бортом была чернота. Неуютно было и в тускло освещенной кабине. «Совсем как в бодеге»,— всплыло вдруг в сознании забытое слово. «Бодегами» называли в Первомайске во время оккупации закусочные, их расплодилось тогда великое множество.

Отец ушел из полиции и решил открыть бодегу. В одной из комнат плотник смастерил стойку; она была сколочена из куска двери, крышки от стола и даже ножки от парты. В соседней комнате поставили четыре стула, на кухне мачеха готовила закуски. Над входом красовалась вывеска, на которой кривыми буквами были намалеваны фамилия Кравца и его компаньона — Василия Перепелицина, всегда считавшего, что такому коммерсанту, как он, Советская власть не давала ходу.

— Потерянный ты человек, Коля,— говорил он отцу Володи,— в себя не веришь. Мы еще развернемся, — продолжал Перепелицин. — У нас будет и оркестр и зал в ампире. Гости из баккары пить будут...

Перепелицин привозил от каких-то торговок булочки, колбасу, вино из окрестных деревень. Из-под прилавка тихонько подавали самогон.

Неделю торговали Кравцы, неделю Перепелицин. Счетом и весом одна семья сдавала другой остатки. Завели лошадь.

Гнедой жеребец Васька лихо катил Володю на пивоваренный завод за пивом. В кассе бодеги складывались «рент-марки». Закусочная давала их так немного, что хватало лишь только на то, чтобы обе семьи могли кое-как прокормиться.

Мир семьи Кравцов кончался за буфетной стойкой. Но Владимир знал: где-то были смелые люди, не сложившие оружия. Появлялись вдруг по утрам листовки. Ходили слухи, что горят комендатуры, исчезают вражеские офицеры.

Но из грязного, запыленного окна бодеги в Первомайске ничего этого не было видно. Как-то вдруг по улицам Первомайска потянулись на запад отступающие гитлеровские войска. «Коммерсанты» спешно сдирали вывески с лавок, зарывали в землю всякое барахло.

— Наши-то развернулись! — говорил Перепелицин. — А мы теперь куда?

— Надо что-то придумывать,— мямлил отец Володи, мучительно потирая лоб.

— В село! Только в село! — командовал Перепелицин.— За город начнутся бои. Последнего добра лишимся. Переждем в деревенской тиши, у моих знакомых под Тирасполем... Что тут думать... Запрягай!

В тот же день тронулись. Впереди на крытой, как у цыган, телеге, запряженной двумя лошадьми, ехали Кравцы, сзади Перепелицины. Лошади «коммерсанта» скорее напоминали мулов. Между их непомерно длинных ушей виднелась физиономия важно восседавшего Перепелицина.

— Жаль заведения,— вздохнул Перепелицин, когда проезжали мимо бодеги.— Не развернулись! — Поглядев на валявшуюся во дворе стойку, вдруг завопил так, что было слышно не только на подводе Кравцов, но и по всей округе: — Остолопы! А вывеску-то снять забыли!

По другую сторону Буга слышались очереди советских пулеметов...

На чужбину

Отчего так сжалось тогда сердце? Неужели так и не доведется больше побывать в родном городе? А яблонька, под которой выкопан был тайник, а пионерский галстук, значок с красным пламенем?

Тихо поскрипывали колеса. Все молчали.

Недалеко от Тирасполя их остановила группа вооруженных людей из числа тех, что пошли в услужение к фашистам. Один, с ножевым шрамом на лице, размахивая куском веревки, подошел к повозке Перепелицина.

— Лошадь давай! — сказал главарь.

Перепелицин показал ему документы о своей причастности к оккупационной полиции.

Прочитав бумаги, бандит сказал:

— Обе лошади давай!

Потом очередь дошла до Васьки. Но конь так бил о землю копытами и косил кровяным белком на бандитов, что они отодвинулись в сторону. Тот, что был со шрамом, процедил:

— Вот черт! Зверь прямо!

Жеребца взять побоялись, а колеса с телеги сняли.

Теперь Васька тащил один все имущество обеих семей.

Колыхалась фура. И снова скрип колес скреб по сердцу. Не шутил больше Перепелицин. Заметно уставший и голодный, Васька с трудом тащил бричку. Еще одно село. Еще одна проверка. Это австрийские дезертиры, которым самим надо было добираться в свою страну.

Пистолетное дуло под самый нос. Ваську отбирают. Офицер даже не стал смотреть справки. Жеребец побрел, ведомый офицером. Где-то на селе выла собака...

...Кравец незаметно задремал. Самолет тряхнуло на воздушной яме, и это разбудило его. Он посмотрел на часы. Было двенадцать. Самолет шел над Черным морем. Теперь уже хотелось самому разматывать дальше ленту воспоминаний об этих днях, когда так круто переломилась его судьба.

...Они с отцом и Перепелициным молча брели, всеми силами стараясь не попасть в колонны советских людей, угоняемых в Германию. Они не простые остарбайтер, а в некотором роде сотрудники рейха, до хрипоты доказывал при всех проверках Перепелицин. И все-таки их забрали в этап и поставили в общую колонну.

— Но мы же!..— прикладывал руки к груди Перепелицин.

— Сегодня продали своих, завтра — нас,— презрительно сказал офицер. — В общую колонну! Под конвой, марш!..

Длинной змеей растянулась эта колонна. Шли молча. Изредка сзади раздавался выстрел, но никто не оборачивался: все знали, что это значит.

Приближалась граница, колонна все редела. Удалось бежать. Но не назад, в Первомайск, направили свои стопы Кравцы и Перепелицин. Они пристроились к колонне тех, кто называл себя свободными беженцами. Тут были гитлеровские холуи и прислужники всех мастей и рангов. Земля теперь жгла им пятки. По мосту через Прут ползли подводы, груженные награбленным добром и домашней утварью.

Володя подошел к перилам моста. Справа, на родном берегу, виднелись полусожженные кирпичные домики, неподалеку от них неподвижно стоял обгоревший комбайн. Слева рассыпались румынские хатенки.

Володя смотрел туда, на правую сторону. Слезы застилали глаза. Кирпичные домики и комбайн расплылись, как вода в Пруте.

Прыжок

— Границу пересекли. Подходим к Анапе,— сказал вышедший из кабины радист.— Над Абинской полетим выше, вам там прыгать. Сейчас идем бреющим, не то засекут локаторы.

Кравец посмотрел в окно. Под крылом самолета чувствовалась земля, полная притаившихся неожиданностей и страхов. Все спит, ни одного огонька.

Ночной прыжок не был для шпионов новостью. В разведшколе они не раз прыгали в таких условиях. Но тогда приземление происходило в знакомом месте, на американском аэродроме. А сейчас?

«Только бы не посадить себя на кол!» — думал Кравец. Перед вылетом они тщательно изучали по карте место выброски, но сейчас он больше всего боялся кольев, расставленных на виноградниках, которые, естественно, не были обозначены ни на каких картах.

Прыжок... Свист в ушах. Кравец быстро разбирает стропы парашюта, начинает плавно спускаться. В небе удаляются красные и зеленые огоньки самолета. «Хоть еще бы несколько минут там, на борту, — пронеслось в голове. — Все... поздно».

Внизу была чернота. «Только бы не колья!»

Легкий толчок. Удачно. Шелк парашюта зацепился за кусты можжевельника. Кравец дергает за стропы. Постепенно белый купол сползает с кустов. Он быстро собирает парашют.

Услышав похлопывание в ладоши — условный знак двух других выбросившихся шпионов,— Кравец пошел на звук хлопков.

Их разбросало недалеко друг от друга, поэтому шпионы быстро собрались. Теперь скорее. Пересекли дорогу в лесок. Овражек. Стоп!

— Тихо! — прошептал Виктор.— Кто-то едет.

Шпионы замерли.

Скоро становится отчетливо слышным скрип колес проезжающей рядом телеги.

— Ну! Разленились! — послышалось из темноты.

И тот же мужской голос вдруг неожиданно запел. Частушка была такая озорная, что, будь то в другое время, Кравец обязательно бы расхохотался.

Шпионы сидели тихо. Казалось, каждый слышит биение сердца соседа. А дядька на телеге все пел и пел развеселым голосом частушки, одну хлеще другой.

— Он едет из Абинской в Шапсугскую,— прошептал Николай, хотя голос дядьки слышался уже далеко.

От нервного напряжения всех мучила жажда. Чтобы не было лишнего груза, фляги с водой никому не дали.

— А все ты,— корил Николая Виктор.— «Я там каждый кустик знаю!» Знаешь, так давай пить!

Николай, еще в разведшколе вечно читавший им нравоучения, теперь молчал. Кравец заметил, что он начал волноваться еще задолго до высадки.

На этом парашюте Кравец опустился близ Новороссийска.

Виктор был спокойнее, как опытный авантюрист, привыкший к рискованным похождениям.

Вдали раскинулись огни Абинской. Гудели паровозы, перекликались рожки стрелочников.

Зарыв парашюты и определив маршрут, шпионы двинулись напролом через лес, заросли кустарника и овраги. К утру прошли всего пять километров.

Встреча с жизнью

Рассветало. Трое ворочали камни на дне оврага, под ними была вода. Она была затхлая, теплая.

Стало совсем светло. Усталые, свалились в овраге и заснули. Двое спят, один дежурит. Тревожен сон шпиона, хоть под ним и земля, на которой он родился.

До высадки Кравец и не предполагал, что в душе его поселится страх. Он понимал, что его пребывание здесь будет сопряжено с опасностями, ожиданием любых неприятностей, но страх... Может быть, ему кажется? Нет. Наблюдая за поведением своих сообщников, он заметил тот же самый страх, вселившийся в них, едва только они коснулись земли. Страх подгоняет их, заставляет двигаться осторожнее, оглядываться и вечно гонит с места на место.

Снова шли всю ночь. Трусливо прижимались к земле, едва заслышав малейший шорох. На рассвете Кравец заметил, как Николай лижет росу на листьях.

— А! — стали подтрунивать над ним шпионы. — Это тебе не в школе морали читать, не американская вилла с ванной.

Местность была изучена хорошо. Лишь изредка кто-нибудь заглядывал на светящуюся стрелку компаса, и шли дальше. Доели колбасу и хлеб, купленные в Греции. Страх все не проходил, он подгонял, как хлыст. Подальше отсюда.

Рассвет вставал на вершине горы Безумной. Шпионы закапывали рации, клише для листовок и радиомаяк, который должен был служить для наводки самолетов при последующих выбросках других агентов.

Впереди виднелось море. В котловине лежал Новороссийск. Шпионы брились, чистили костюмы, собираясь идти в город.

...Ранним утром, когда рабочие спешили на цементный завод, в этом районе появились три не побудничному одетых человека. Они пристально рассматривали все вокруг, читали вывески и порой не замечали любопытных взглядов, которые бросали на них прохожие.

Кравец решил купить чемодан, чтобы хоть внешне выглядеть приезжим. Во все глаза разглядывал он разложенные на полках товары, жадно вслушивался в родной южный говорок. Он не пропускал ни одного магазина, интересовался ценами.

«Что-то тут не вяжется с инструктажем, — подумал Кравец. — Не ради же моего приезда разложили на полках столько товаров».

Вечером все трое встретились вновь. Виктор и Николай поделились с ним аналогичными впечатлениями. Потом расстались. Кравец и Виктор договорились о месте и времени встречи.

Уезжали из Новороссийска в одном поезде, но уже не узнавали друг друга при встречах, и ни один не знал о том, куда едет его сообщник.

Кравец лежал на полке. Невдалеке спал Виктор, и Кравец видел, как слишком уж заметно оттопырился у него карман, в котором лежал пистолет.

— Куда путь держите, мамаша? — спросил один из сидевших внизу пассажиров у маленькой старушки.

— Далеко, милый! В Новосибирск.

— Чего же вас туда несет, в такую даль?

— А как же! Сын у меня там. Инженером работает, это, значит, Колюшка. А Сереженька, тот в Лама-Ате.

— Это, стало быть, в Алма-Ате, — поправил сосед.

— Ну и жарища же там! Не приведи бог. А Сережа в лаборатории заведует, все печи у них какие-то. Я говорю, ты там, поди, скоро изжаришься совсем.

— Значит, так по сыновьям и катаетесь? — спросил сосед. — Ну и работка вам, мамаша, досталась на старости лет!

— Ничего, я еще и внуков объезжать буду. Мне теперь что? Отдыхай! Пенсионерка-пионерка, — засмеялась бабка.

— А кем работали-то?

— Да прачкой, сынок, прачкой, — спокойно ответила старушка.

Ночь в вагоне

Американский самолет, хотя и зажег советские опознавательные сигналы, не прошел через границу незамеченным. Это было естественно.

Заработали рации и телефоны, сообщались координаты.

В кабинете дежурного в Москве зазвонил телефон. Приняв донесение, дежурный доложил генералу о случившемся.

Генерал отдал необходимые распоряжения. Поиски начались...

А Кравец, лежа на полке и слушая рассказ маленькой старушки с большими, узловатыми руками, вспомнил об отце. К кому он поедет? Кто даст ему пенсию?

— Чего лежишь невеселый? — спросил его парень с соседней полки. — Может, того, маленькую на двоих, — в компании оно веселей... Да ты не беспокойся, я угощу... Сбегать? А?

— Я не пью, — ответил Кравец.

— Да я тоже не часто. Просто на душе у меня тоскливо.

— А что такое?

— С дивчиной поссорился, ну и бросил все. Еду в Ростов.

— А как же с работой? Где ж ты теперь устроишься?

— Ну! — протянул с насмешкой парень. — Работу я где хошь найду, какая забота! В любом городе в два счета устроюсь.

— Да? — как бы про себя повторил Кравец.

— Так как же? Сбегать? К станции подъезжаем.

— Нет, спасибо, — ответил Кравец парню.

В полумраке вагона Кравец лежал с открытыми глазами. Мерно посапывали спящие пассажиры, чуть дребезжало стекло над самым ухом, колеса отсчитывали стыки рельсов. Сколько лет прошло с тех пор, как в другом вагоне их с отцом везли мимо австрийских деревенек?

...Первое в жизни Кравца лагерное пристанище было в Граце. Деревянные бараки, двухэтажные нары. Голод такой, что пока сидишь — ничего, поднимешься — круги в глазах.

Однажды отец что-то продал охранникам. Вскоре молодой Кравец с Перепелициным голодными глазами уже следили за тем, как он открывает принесенную большую консервную банку.

— Подкрепиться надо, — сказал отец, — вот купил.

Что-то непонятное лежало внутри банки. Отец нюхал, покачивал головой.

— Устрицы, — пояснили соседи.

...«Киль», — прочел на вагоне Кравец, когда их сажали в теплушки. Снова замелькали разбитые бомбежками города, фермы, домишки.

В теплушках было тихо. Изредка слышался чей-нибудь глубокий вздох. Перепелицин уже не высказывал своего мнения о Европе, он только яростно ругался, глотая похлебку, которую иногда давали на станциях.

Лагерь в Киле был такой же, как и в Граце, только мужчин и женщин поместили отдельно. Мужья были разлучены с женами.

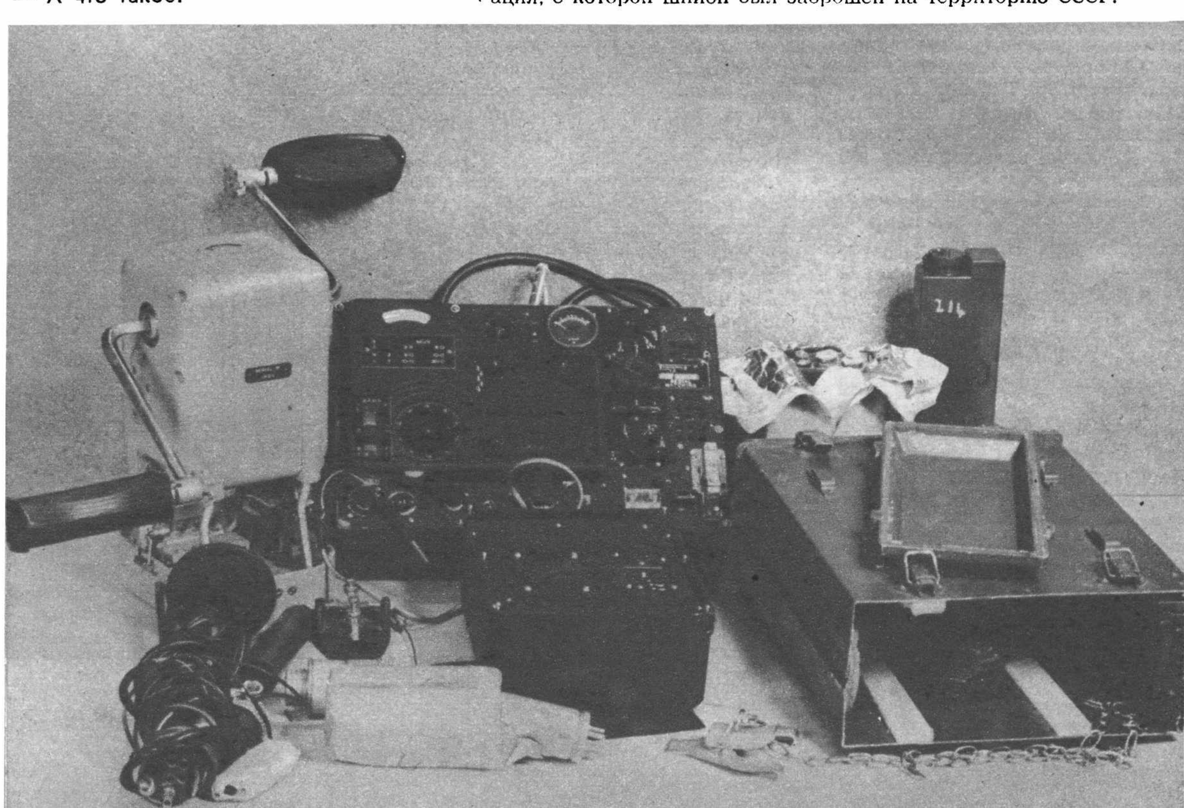
Мужчин забрали в рабочие команды. Теперь они стали «люфтполицаями» — расчищали после бомбежек завалы, таскали трупы, прибирали улицы. Гитлеровцы готовились к «окончательной победе». Кравец вместе с другими строил бункера, в которых могли бы укрываться немцы.

Отец по-прежнему молчал. Перепелицин ходил в зеленой робе, он служил в портовой пожарной команде, но однажды явился в

Оружие (пистолет, граната, нож) и ампула с ядом, найденные у Кравца. Он был снабжен этим перед выброской на территорию СССР.

Рация, с которой шпион был заброшен на территорию СССР.

лагерь в украденном на складе новом костюме. Из кармана торчало горлышко бутылки.

— Да, Володька,— говорил он, утирая пьяные слезы.— Конец, капитуляция. Теперь тут и подавно не развернешься...

— Ну что, Коля? — обратился он к отцу.— Какие будем сочинять планы?

Отец молчал.

— Пойти в сборный лагерь? — продолжал Перепелицин.— Спросят, кем был у немцев. Даже если и скажешь, что работал в люфтполиции, все равно красные сошлют. Сибирь, Колыма, тра-ля-ля!

Вопрос остался нерешенным, так как Перепелицин должен был спешить. Где-то грабили склад с сельдями.

— А если достать справки, что мы были ост-арбайтерами? — спросил Кравец отца.

— Какая разница... Будь как будет.

Только после того, как достали фальшивые справки о том, что они работают на судостроительном заводе Круппа, семья Кравец переселилась в огромный лагерь для «невозвращенцев». Здесь работы нет. Но вообще-то ее предлагают.

— Хочешь в Америку? — спрашивают молодого Кравца.

— А домой?

— Какой ты бестолковый! Там же тебя это... пиф-паф!.. Хочешь в Англию? В Канаду, во Францию?

— А домой?

— Ты даже можешь поехать на шахты в Бельгию... Чудесный уголок!

«А что если и впрямь махнуть в Америку или, скажем, в Австралию? — думал по ночам Кравец.— Посмотреть мир. А то все по учебникам да фотографиям. Или в Алжир, например?..»

Лагеря для вербуемых были густо разбросаны вокруг. Зайдешь, запишешься — поезжай во Францию; недалеко берут в Америку. По вечерам в бараке советовались, как быть. Казалось, весь мир в твоем распоряжении. Сосед слева собирался в Аргентину на «свободные земли», хотел стать «хозяином». Сосед справа—в Канаду.

Отчетливо запомнилось то утро, когда на сцене лагерной столовой поставили длинный стол. За столом сидели английские и советские офицеры.

«Невозвращенцы» заходили группками, садились, заполняли анкеты. Вопросы в основном касались места пребывания до войны. Те, кто до тридцать девятого года жил не на территории СССР, могли не возвращаться. Но Кравец...

— Пиши! Жил в Западной Украине,— прошипел на ухо один из многочисленных типов, ходивших возле столов.

— А я... если... — замямлил Владимир.

— Пиши, тебе говорят...

Кравец хотел прорваться к сцене, туда, где сидели советские офицеры. Вот один из них так приветливо улыбается. Подойти, и все. А вдруг?..

Но на него закричали:

— Давай сюда анкету!.. Пошел вон!

«Говорят, в Англии куда лучше»,— растерянно размышлял по пути в барак Кравец.

К этому времени Владимир уже начитался всяких газетенок, выпускавшихся на Западе, полных клеветы на советскую действительность, угроз, запугиваний. Яд начинал действовать.

Кравец поехал в Англию. Сквозь туман он разглядывал портовые краны Гулля.

Конечно, это было контрастом после разбитой Германии, но все равно — чужое. И сколько бы люди ни заставляли себя поверить, что это может стать родным, никогда такого не будет. Домики остались в стороне, а их привезли, как и полагается людям без родины, в лагерь. Только бараки тут были не деревянные, а из гофрированного железа. Летом задыхаешься, как в консервной банке, зимой мерзнешь, как в трюме рефрижераторного судна. Пол асфальтовый, койки железные, без матрацев, ни тумбочек, ни вешалок. Добро пожаловать, новые граждане «свободного мира»! Овсянка, ломтик свинины, такой тонкий, что просвечивает, как целлофан. Зато работа...

Цементные, кирпичные заводы. Шахты. Можно и батраком у фермера. Что? Текстильная промышленность? Никак нельзя. Англичан хватает.

— А если я инженер? — спросил стоявший рядом мужчина.

— Прекрасно. Тем осмысленнее будет стучать в ваших руках отбойный молоток в шахте.

Сперва в конторе писали каждый день на доске мелом, какие куда требуются русские на работу. Потом надписи перестали обновлять, и их потихоньку начало смывать дождем.

Русских никто не заставлял силой идти на эти работы. Их просто стали хуже кормить, потом еще хуже, потом еще.

Отец устроился уборщиком барака тут же, в лагере. Сын не знал, куда ему пойти. А суп становился все жиже и жиже.

Кое-кто уже спустился работать под чужую, английскую землю. Кравца перевели в лагерь возле Вулвергемптона; жившие окрест помещики не преминули воспользоваться даровой рабочей силой.

В шесть подъем, автобус. Полтора часа езды до места работы. Копка картофеля, уборка капусты. Трактор идет впереди. Вам отведен участок от палочки до палочки. Копайте побыстрее. А трактор все прибавляет скорость и прибавляет. Поскорее, пожалуйста, поскорее! Сыро? Земля холодная? Что поделаешь, климат таков. Мы бы и сами его с удовольствием поменяли, но на все воля божья. Поскорее, пожалуйста, поскорее! Не выполните норму — не успеете уехать с автобусом.

Холодно. Поутру роса, покрывшая капустные листья, делает их скользкими. Руки краснеют, становятся деревянными.

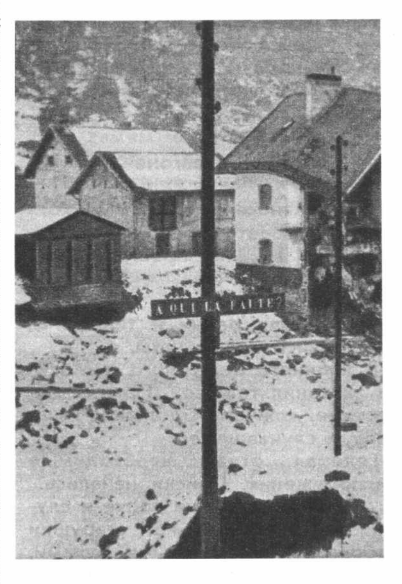
— Вот вам ваши два фунта восемь шиллингов за неделю. Мало? Но вы же несовершеннолетний. Будь вам уже двадцать один год, тогда другое дело: получили бы четыре с половиной,— а так...

Снова лагерь, теперь уже возле Йорка. Может, тут повезет? Должна же быть у человека перспектива, не копать же всю жизнь картошку? Отца устраивает его должность. Он готов весь остаток жизни убирать лагерный барак, но Кравец — молодой парень, «надо разворачиваться», как говаривал Перепелицин.

(Продолжение следует.)

Школу в деревне Рейс сейчас посещает только семь учеников. Каждый день они проходят мимо развалин, которые когда-то были их деревней.

«Кто виноват?» Дощечка с этими словами, прибитая высоко на столбе, бросается в глаза каждому, кто приходит в деревню Рейс.

Жители долины Мориен во главе с мэром коммуны и кюре, размахивая красным флагом, останавливают экспресс Рим — Париж. Поезд пришел в столицу Франции с опозданием в два часа.

ДОЛИНА, КОТОРАЯ НЕ ХОЧЕТ УМИРАТЬ

Эта трагическая история началась в июне прошлого года во Франции.

Ночью горная река Ар прорвала дамбы, ограждавшие ее русло, и в течение десяти минут затопила несколько деревень. Больше всего пострадала деревня Рейс. Ее население, поднятое мэром, еле спаслось от разъяренной водной стихии.

Когда вода сошла, жители долины Мориен увидели страшную картину разрушения. В деревне Рейс из восьмидесяти домов сорок семь были полностью смыты, двадцать восемь развалились, и только пять продолжали кое-как держаться. В других местах река размыла дороги, разрушила электростанции, вывела из строя линии телеграфной и телефонной связи.

С этого момента начались мытарства жителей долины Мориен. Они обратились за помощью к префекту и в собрание депутатов своего департамента, писали в Париж. Французские министры, осмотревшие разрушения, пообещали оказать немедленную помощь. И вот наконец помощь, на которую так надеялись и рассчитывали жители долины, пришла: каждая пострадавшая семья получила грошовое единовременное пособие, на которое, как пишет французский журнал «Пари-Матч», можно купить лишь маленькую кухонную печку и кровать, чтобы продолжать ютиться у друзей и родственников. Пострадавшие восприняли это как насмешку. И это действительно так, если учесть, что каждый год они выплачивают огромные суммы налога.

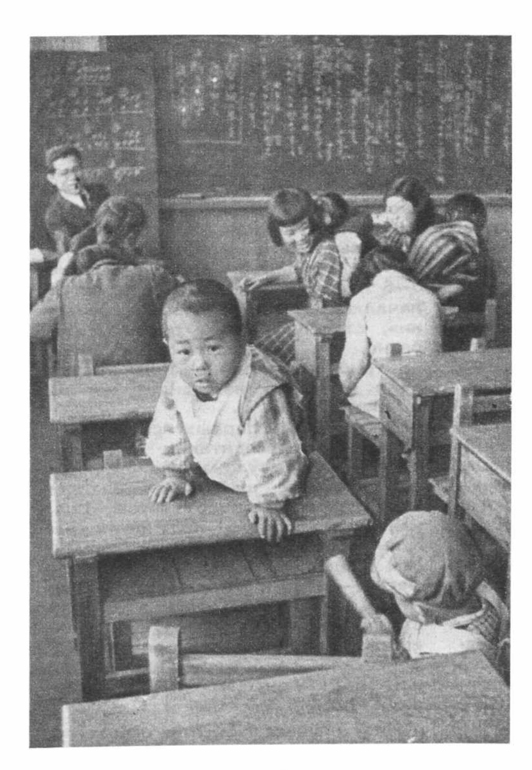
С каждым днем приближается весна. Она несет долине Мориен новые бедствия и разрушения, ибо дамбы и плотины, разрушенные летним наводнением, не восстановлены. Если не будут приняты срочные меры, весной река Ар затопит большую часть долины и принесет еще большие убытки.

Доведенные до отчаяния жители долины Мориен вышли на железнодорожное полотно, остановили экспресс Рим — Париж и, исписав стенки вагонов своими требованиями, отпустили поезд в столицу. Они надеются, что после этого правительство окажет более существенную помощь забытой долине, которая не хочет умирать.

О. ПЕРЕСЫПКИН

Многие родители в Японии не могут посылать своих детей в школы из-за недостатка средств. Недавно в городе Беппу, префектура Оита, состоялась конференция учителей и родителей. Участники конференции обменялись мнениями по поводу организации обучения детей маленькими группами вне школы. Пока что это единственный выход.

На снимке: занятия с группой девочек, которые работают няньками. Как видите, ученицы пришли в класс вместе со своими «подопечными».

Фото «Джапэн пресс».

По старому лунному календарю Новый год в Китае праздновался весной. В прежние времена торжества были связаны с обычаями «изгнания злых духов и несчастий». Ныне народ Китая сделал этот Праздник весны одним из самых веселых, сохранив только некоторые старые обычаи.

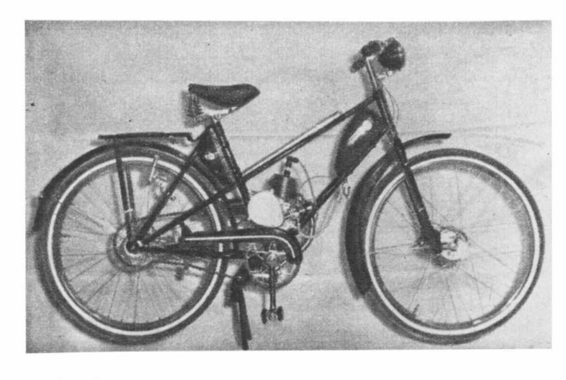
На снимке: продажа праздничных фонариков.

Фото агентства Синьхуа.

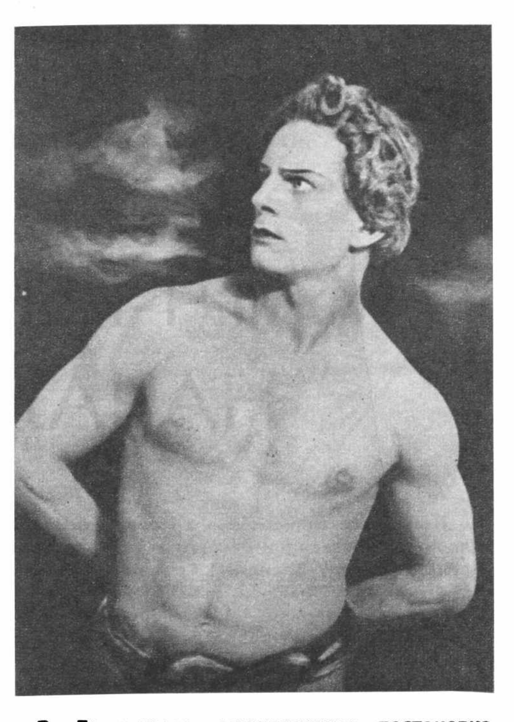
В городе Франкфурте-на-Майне в дни забастовки кондукторов и вагоновожатых городского транспорта. Пикет забастовщиков возле входа в трамвайное депо.

Фото из журнала «Берлинер Иллюстрирте».

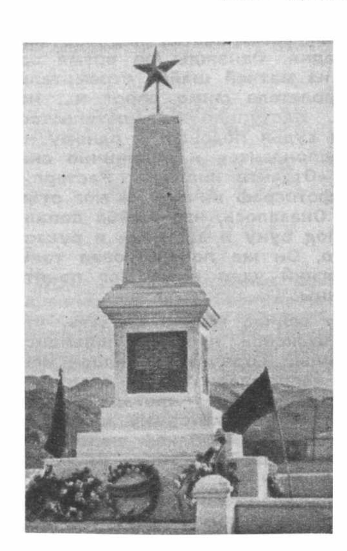
На Львовском велосипедном заводе изготовлены опытные образцы велосипеда с мотором. Двухтактный двигатель типа «Д-4» мощностью в одну лошадиную силу позволяет развивать скорость до 40 километров при расходе горючего 1—1,2 литра на 100 километров. В этом году завод начнет массовый выпуск новых велосипедов с моторчиками и должен дать 50 тысяч машин.

Фото Д. Мулярчука.

В Ленинграде осуществлена постановка хореографической композиции, повествующей о герое древней легенды Прометее. В постановке, идущей в сопровождении органа, использована музыка Баха. Это первый опыт обращения на балетной сцене к музыке великого немецкого композитора.

На снимке: народный артист РСФСР Аскольд Макаров в роли Прометея.

С 15 по 25 февраля в Монгольской Народной Республике находилась советская военная делегация. Она приняла участие в торжественном открытии памятника воинам Красной Армии и монгольским партизанам, павшим в ожесточенных боях с белогвардейцами в районе озера Толбо-Нур в 1921—1922 годах. Памятник установлен в центре Баян-Улегейского аймака.

150-летие со дня рождения французского художника-скульптора, графика и живописца Оноре Домье отмечено в Москве торжественным открытием выставки его произведений. Каждый день в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где экспонируется выставка, приходит больше тысячи человек посмотреть работы художника-демократа, чье имя широко известно в нашей стране.

На снимке: в день торжественного открытия выставки. У портрета Оноре Домье действительный член Академии художеств СССР М. В. Алпатов, советник посольства Франции в СССР г-н Марсель Жирар и директор музея, член-корреспондент Академии художеств СССР А. И. Замошкин.

Фото Г. Санько.

Орловский областной драматический театр имени А. В. Луначарского поставил китайскую пьесу «Тайфун». Автор ее — член правления союза китайских писателей, директор Пекинского народного художественного театра Цао Юй. «Тайфун», психологическая драма, проникнутая ненавистью к миру капиталистической наживы, пользуется в Китае большой популярностью.

На снимке: Лу Гуй, слуга, — заслуженный артист РСФСР П. Ф. Орлов и Лу Сы-фын, его дочь, — В. А. Чеханкова.

Фото А. Сухомлинова.

Слева направо: Михаил Ботвинник, помощник главного арбитра Гарри Голомбек, главный арбитр Гидеон Штальберг и Василий Смыслов.

Фото И. Кошельковой.

МАТЧ-РЕВАНШ НАЧАЛСЯ

В прошлое воскресенье в Москве, в Концертно-театральном зале, состоялось торжественное открытие матча-реванша на мировое шахматное первенство между Василием Смысловым и Михаилом Ботвинником.

4 марта В. Смыслов, играя белыми, начал этот интересный матч.

Главный арбитр — международный гроссмейстер Гидеон Штальберг (Швеция) сообщил корреспонденту «Огонька»:

— Дело главного арбитра — все видеть и все слышать, но мало говорить, особенно до и во время матча. Но сейчас я могу заметить, что очень рад находиться в гостеприимной Москве среди старых и новых друзей. Это я говорю с удовольствием. Для меня очень почетно второй раз быть арбитром в матче двух крупнейших шахматистов современности.

Помощник Штальберга международный мастер Гарри Голомбек (Англия) сказал:

— Я прилетел в шахматную столицу мира в день своего сорокасемилетия. Все шахматисты с нетерпением ждут от матча-реванша не только спортивных итогов, но и красивых партий.

Что касается самого матча, то, как принято говорить, пусть победит сильнейший.

Ниже мы публикуем таблицу предыдущих матчей на первенство мира.

	Год	Фамилии участников	Выигр.	Проигр.	Ничья	Колич. очков
1.	1886	В. СТЕЙНИЦ — Г. Цукерторт	10	5	5	12,5 : 7,5
2.	1889	В. Стейниц — М. Чигорин	10	6	1	10,5 : 6,5
3.	1891	В. Стейниц — И. Гунсберг	6	4	9	10,5 : 8,5
4.	1892	В. Стейниц — М. Чигорин	10	8	5	12,5 : 10,5
5.	1894	Э. ЛАСКЕР — В. Стейниц	10	5	4	12 : 7
6.	1896	Э. Ласкер — В. Стейниц	10	2	5	12,5 : 4,5
7.	1907	Э. Ласкер — Ф. Маршалл	8	—	7	11,5 : 3,5
8.	1908	Э. Ласкер — З. Тарраш	8	3	5	10,5 : 5,5
9.	1909	Э. Ласкер — Д. Яновский	7	1	2	8 : 2
10.	1910	Э. Ласкер — К. Шлехтер	1	1	8	5 : 5
11.	1910	Э. Ласкер — Д. Яновский	8	—	3	9,5 : 1,5
12.	1912	Х. КАПАБЛАНКА — Э. Ласкер	4	—	10	9 : 5
13.	1927	А. АЛЕХИН — Х. Капабланка	6	3	25	18,5 : 15,5
14.	1929	А. Алехин — Е. Боголюбов	11	5	9	15,5 : 9,5
15.	1934	А. Алехин — Е. Боголюбов	8	3	15	15,5 : 10,5
16.	1935	М. ЭЙВЕ — А. Алехин	9	8	13	15,5 : 14,5
17.	1937	А. АЛЕХИН — М. Эйве	10	4	11	15,5 : 9,5
18.	1948	М. БОТВИННИК стал чемпионом мира в матч-турнире с участием В. Смыслова, П. Кереса, С. Решевского, М. Эйве				
19.	1951	М. Ботвинник — Д. Бронштейн	5	5	14	12 : 12
20.	1954	М. Ботвинник — В. Смыслов	7	7	10	12 : 12
21.	1957	В. СМЫСЛОВ — М. Ботвинник	6	3	13	12,5 : 9,5

Сало ФЛОР

Розыгрыш чемпионата мира по хоккею

КОГДА ШАЙБА В ИГРЕ

Николай ОЗЕРОВ,
заслуженный мастер спорта

Первенство мира по хоккею с шайбой в разгаре. В Осло много любителей этой игры. Вообще столица Норвегии — спортивный город. Здесь можно видеть вагоны трамваев, со всех сторон увешанные лыжами. В субботний и воскресный день горожане отправляются в живописные пригороды.

Мне рассказывали, что в Норвегии первые детские лыжи получает двухлетний ребенок, а первые коньки — пятилетний. Этим, видимо, и нужно объяснить, что Норвегия имеет первоклассных лыжников и скороходов.

Но сейчас все внимание сосредоточено на хоккее. В первенстве мира участвуют 8 команд, из них 5 претендуют на титул чемпиона. «Большая пятерка» — Швеция, СССР, Канада, США и Чехословакия — в центре внимания прессы. Печатаются подробные биографические справки об игроках, характеристики, публикуются портреты, многие специалисты заняты прогнозами. А вратарь канадской команды Джон Гендерсен не постеснялся заявить, что в решающем матче с советскими спортсменами он пропустит не больше 3 шайб. За каждую пропущенную сверх трех он выставит по... 10 бутылок самого дорогого вина.

Вышло так, что три команды: СССР, Канада и США — расположились в одном отеле «Викинг». Они встречаются в холлах, в ресторане, много шутят, вспоминают прежние матчи.

Первые соревнования показали силу всех команд, но больше всего говорят о хоккеистах канадского клуба «Уитби Данлопс». Их игра отличается резкостью и силовыми приемами, хотя и в рамках правил. Но и «рамки» и «приемы» — вещь растяжимая, поэтому у канадцев довольно много удалений с поля.

Еще до начала турнира на заседании международной федерации хоккея представитель Канады просил обратить внимание на объективность судей.

— Но какие у вас есть основания не доверять судьям, пока вы не провели еще ни одного состязания? — спросили его.

— Дело в том, — сказал канадец, — что по дороге в Осло ребята из «Уитби Данлопса» провели несколько товарищеских матчей с европейскими командами и были... сорок три раза удалены с поля, в то время как европейцев удаляли лишь семь раз.

Члены международной федерации выразили уверенность в объективном судействе в Осло и просили канадского представителя призадуматься над большим числом удалений ребят из «Уитби Данлопса».

Вообще канадцы ведут себя уверенно. Может создаться впечатление, что турнир ими уже выигран. В то же время они пристально изучают соперников. Раньше канадские хоккеисты не следили за матчами своих будущих противников, а теперь их всегда можно видеть на трибунах в дни выступлений спортсменов Советского Союза.

Руководитель канадской делегации господин Блер перед отъездом в Осло заявил представителям печати:

— Если мы не выиграем в этом году первенство мира, то канадский любительский хоккей никогда не победит спортсменов Советского Союза. Это будет трагедия канадского хоккея.

Первые матчи не собирали на катке «Юрдаль Амфи» больше 5—6 тысяч человек, а теперь, когда начались матчи «большой пятерки», стадион бывает полон. Интересно, что все десять тысяч мест на трибунах стоячие. Есть только один стул. На нем сидит король Норвегии Улаф V.

Результаты первых состязаний известны: победители покидали каток, имея двухзначные цифры заброшенных шайб. Американцы обыграли поляков со счетом 12:4, канадцы победили поляков с результатом 14:1, советские хоккеисты выиграли у спортсменов Норвегии — 10:2 и Финляндии — 10:0.

Но теперь уже счет в матчах становится все более «сдержанным». Даже Финляндия оказала героическое сопротивление чемпионам мира — шведам — и проиграла лишь 2:5.

Над катком висят огромные, двухметровые часы, которые идут в минуты борьбы на ледяной площадке, а как только раздается свисток судьи, они останавливаются. Ниже расположены двое маленьких часов. Они начинают идти в момент, когда провинившийся спортсмен покидает поле и садится на скамейку: часы отсчитывают «штрафные минуты» игрока, отбывающего наказание.

Не обходится и без курьезов. Администрация катка, желая помочь фотокорреспондентам, вырезала специальные окна в сетке, которая возвышается над бортами площадки. Однажды во время одного из матчей шайба стремительно пролетела мимо ворот и... исчезла. Наступило замешательство. Затем судья подошел к одному из корреспондентов и лаконично сказал: «Отдайте шайбу». Растерянный фотограф ничего не мог ответить. Оказалось, что шайба попала ему под руку и застряла в рукаве пальто. Он же почувствовал только легкий удар и не мог понять причины.

Уже сейчас можно сказать, что у норвежской публики появились любимцы. Горячими аплодисментами награждали они отличную игру норвежского вратаря Ларанга Вифландта, которому шведы не могли забить ни одной шайбы. Но зато, когда шайба попала Вифландту в лицо и его увели на перевязку, шведы сразу забили четыре гола. Забинтованный вратарь затем продолжал защищать ворота.

Зрители часто рукоплещут великолепной игре шведа Свэна Юхансона, канадца Жака Маккензи, советским спортсменам Николаю Сологубову, Алексею Гурышеву, Николаю Хлыстову.

Когда эта корреспонденция будет напечатана, наступит последний день турнира. Встретятся команды СССР и Канады...

Осло, 4 марта (по телефону).

Короткие басни

Сергей **СМИРНОВ**

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

БОБИК-ПОДХАЛИМ

И нюх плохой,
И даже масть плохая,
Но Бобик стал
превыше
всех собак.
— А как?
— Да очень просто:
Он
чихает,
Когда хозяин
нюхает табак.

ВЕРХ НАХАЛЬСТВА

Кукушка
Соловью
кукует интервью:
«Как я пою
И создаю
Свою
Семью».

БЛАГОДУШИЕ

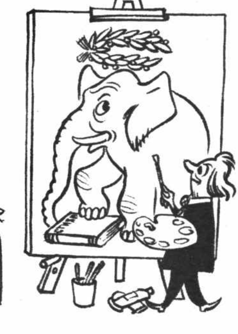
Дятел
бдительность утратил.
Жук-вредитель
нос
возносит:
— Этим носом
я в бору
Продырявлю
Всю кору.

САМ И ЕГО ЗАМ

В кресле
Вряд ли нужен
Сам,
Если
Все решает
Зам.

МУШИНАЯ ВОЗНЯ

Из Мухи
делают Слона
За то, что
с хоботом
она.

ВОЛЧЬЯ МИЛОСТЬ

Зубастый Волк
Ягненка
поберег:
Схватил его
не вдоль,
А поперек.

МНИМОЕ ДОСТОИНСТВО

Новый Рубль
собрату
дал понять:
— Ты измятый,
Нас нельзя равнять!..

ПОРОДИСТЫЙ БРЕХУН

Все ждут,
как покажет себя
этот Сеттер...
А он
только лает
и лает
на ветер.

ТОНКАЯ СТРУНА

Евг. **ПЕРМЯК**

Шло тяжелое военное время. В деревне, где жил Сергунька, питались хотя и скудно, а все же хлеб, картофель и сало были. Не каждый день, но варили кусочек мясца или косточку. А вот чай, сахар доставали с трудом.

Худо приходилось Серьгунькиной бабушке. Одна забава у старухи осталась — чайку попить, а война и этого ее лишила.

— Был бы жив мой Петрович,— говорит как-то она про Сергунькиного деда,— он бы живо петель наставил, зайцев наловил. В охотничьей лавке за них сколько хочешь чаю дают. Хоть фунт.

Слушает Сергунька бабушкины слова да на ус мотает. Ему хоть и девять лет, а все же единственный мужик в доме. Отец на войне. Приходится соображать.

Раздобыл Сергунька проволоки, стал из нее петли на заячьи тропки ставить. Не вышло дело. Не попадаются косые. А у Петьки Чебакова что ни день, то заяц. И по два на дню ловились.

Решил тогда Сергунька расспросить Петьку, из какой проволоки он петли делает, как их ставит, где места выбирает. А Петька с хитрецой парень был. Зажимистый.

— Слово тайное знаю. Вот и ловлю.

Не поверил этому Сергунька, а все-таки попросил его:

— Скажи мне это тайное слово, Петя.

А тот опять увильнул:

— Как я тебе его скажу, когда оно наше. Родовое. Чебаковское. Дедовское. И потом, если это слово в одной деревне будут знать двое, тогда ни у кого зайцы попадаться не станут.

«Ну ладно,— решил про себя Сергунька,— скоро четверть кончается. У меня по арифметике тоже «тайное» слово найдется».

Недолго ждать пришлось. Замаячил конец четверти. А у Петьки в тетрадке одни гуси-лебеди о двух крыльях летают. Двойки. И в четверти «гуся» обещают. Как такой табель Петька отцу на фронт перепишет? Чем рапортовать будет? Не зайцами же...

Петька к Сергуньке кинулся:

— Скажи, Сергуня, как это у тебя по арифметике только пятерки?

— Слово тайное знаю, вот и все.

Не стал Петька дальше расспрашивать, повел товарища в березовый перелесок. Показал, из чего он петли делает и как их ставить нужно.

Понял Сергунька, что у него было плохо, и тут же смекнул, из чего он сможет сделать петли еще лучше. А потом так Петьку по арифметике гонял, что для него и четверка не в новость стала.

И у Сергуньки охота хорошо пошла. По три зайца за ночь ловил. А дома об этом ни слова. Зачем до поры до времени говорить? Могут и хвастунишкой назвать.

Снесет свою добычу Сергунька в охотничью лавку, там в книжку запишут. Копит охотник зайцев на фунт чаю да на пять пачек пиленого сахара. Сразу чтобы, что там по осьмушке чай таскать! Пускай бабушка его полной горстью заваривает и сахар не растягивает по куску на два дня.

Все гладко шло, да только Сергунькина мать сказала, что у гитары струны пропали. Все семь. А ей без гитары, как бабушке без чаю. Если матери бывало совсем невмоготу, когда письмо с фронта долго не приходило, запрется она в маленькой горенке струны перебирать, тосковать по Сергунькиному отцу. Попоет, поплачет, и легче ей станет, отойдет.

Косится мать на Сергуньку, а спрашивать не спрашивает. Но все-таки однажды сказала:

— Не могли же струны сами по себе с гитары сняться.

А бабушка на это свое слово вставила:

— Конечно, не могли. Не иначе, что домовой их унес. Кому же больше? Ну, да беда не велика. Побалуется озорник и опять их на гитару натянет.

И вот пришло утро. Бабушка поднялась раньше всех.

— Батюшки! На гитару струны вернулись.

Потом смотрит — на столе восемь осьмушек грузинского чаю красуются, выложенные в букву «С». И тут же пять пачек пиленого сахара.

Радости было на весь дом! Каких только ласковых слов не сказала Сергуньке бабушка! И мать тоже. Особенно когда она на гитаре струны увидела. А потом пригляделась: одной струны нет, самой тонкой.

— Как же это так,— говорит,— почему наш озорник-домовой не все струны отдал?

Теперь Сергуньке таиться было больше не для чего, и он прямо сказал:

— Мама, тонкую струну заяц оторвал вместе с кустиком, она была к нему привязана. Видно, большой заяц был, русак.

— Жалко,— говорит мать,— такую струну: она самая главная.

Тут бабушка поднялась с лавки и опять свое слово вставила:

— Плохо ты видеть, Анна, стала. Твоя самая главная, самая тонкая струна за столом сидит, чай с пиленым сахаром пьет.

А через два дня на гитаре появилась недостающая струна. И никто не мог понять, откуда могла она взяться. Даже дотошный Сергунька, и тот доискаться не мог, кто это сделал.

Сделал же это Петька Чебаков. Тайно. Захотелось, видно, Петьке стать не хуже товарища и тоже звенеть тонкой струной.

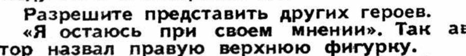
Сучки и задоринки

Я люблю дерево. Оно всегда живое. Всегда необыкновенно разнообразное. Веселое.

Однажды меня возмутил один знакомый, который возвел напраслину на своего товарища. И вот я пришел на собрание и принес фигурку, которую назвал так: «Если мозги набекрень, — язык до пупа».

Моего героя узнали все. Смеялись. Дерево помогло обезвредить болтуна. Разве его могли теперь принимать всерьез?!

На левом верхнем снимке вы видите моего «отца крестного», поэта, которого вы, очевидно, знаете. Он никогда не упустит случая посмеяться. «Поэтому и мне не грех», — подумал я и изобразил его.

Разрешите представить других героев.

«Я остаюсь при своем мнении». Так автор назвал правую верхнюю фигурку.

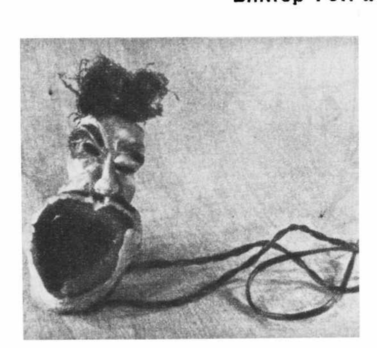
«Мое любимое радио». Это создание (нижний снимок) никогда не услышит своего голоса, потому что у него огромный рот и ни одного уха.

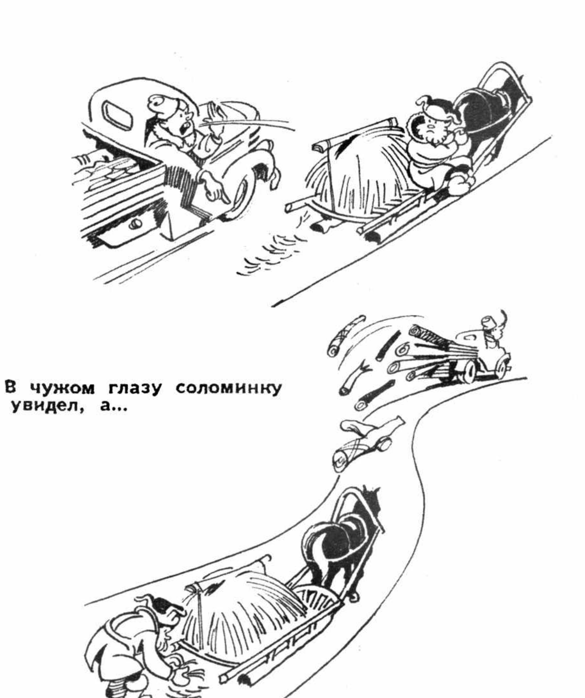
«А что вы знаете!..» Ожерелье из камешков совсем не относит изображенного слева субъекта к древним векам.

Товарищи по перу не без иронии меня спрашивают: «Ну что, сучки стихам помогают?»

«Еще бы, — отвечаю я, — по крайней мере никто не имеет права сказать, что моя поэтическая жизнь без сучка и задоринки».

Виктор ГОНЧАРОВ

В чужом глазу соломинку увидел, а...

Л. и Ю. Черепановы.

Из почты «Огонька»

«В лесу родилась елочка...»

Опубликованная в № 1 «Огонька» за 1958 год беседа с детской писательницей Р. А. Кудашевой вызвала отклики читателей.

«Вся моя семья, — пишет А. Михейкин (Таллин), — а особенно пятилетняя дочурка Иринка были рады увидеть в журнале «Огонек» автора столь распространенной в народе песенки «Елочка» и ряда замечательных детских произведений».

Работающая в детском саду И. Даркевич (Витебск) рассказывает, как ребята любят слушать, когда она, не имея ни одной из книг Р. А. Кудашевой, по памяти читает им «Бабушку-забавушку и собачку Бум», «Санки-самокатки», «Беду Петрушки».

Шестидесятидевятилетний А. Антонов (Брянск), потерявший сына-комсомольца на войне, вспоминает, с каким успехом его сын, будучи маленьким, читал «Санки-самокатки» перед рабочей аудиторией.

Т. Андреева (Москва) сообщает, что по книжке «Бабушка-забавушка и собачка Бум» ее дочь выучилась читать в четырехлетнем возрасте.

Читатели выражают пожелание, чтобы наиболее популярные произведения писательницы были переизданы. Действительно, они уже давным-давно стали библиографической редкостью.

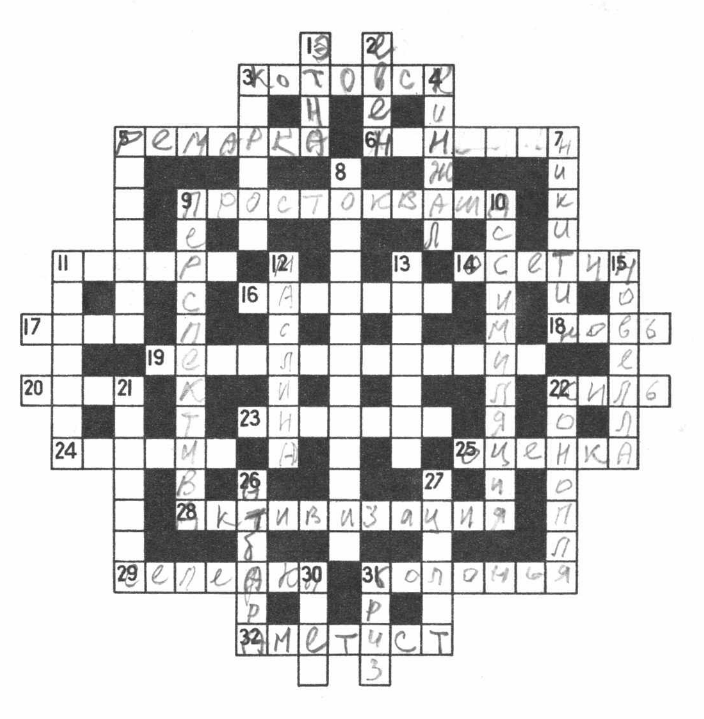
Р. А. Кудашева глубоко тронута сердечным отношением читателей. Она шлет им через журнал свою горячую благодарность за память и внимание.

ЛАЙКА УВЕКОВЕЧЕНА

На новой марке, вышедшей в Румынской Народной Республике, запечатлена путешественница в космос — Лайка.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Город в Одесской области. 5. Примечание автора к тексту пьесы. 6. Горная система в Китае. 9. Молочный продукт. 11. Семейство дневных бабочек. 14. Житель Кавказа. 16. Пьеса М. Горького. 17. Минеральная краска. 18. Роман И. С. Тургенева. 19. Способ приготовления переводных изображений. 20. Судоподъемная плоскость эллинга. 22. Часть оперения самолета. 23. Запись событий. 24. Полуводное млекопитающее. 25. Определение стоимости. 28. Усиление деятельности. 29. Промысловая морская рыба. 31. Провинция в Италии. 32. Разновидность кварца, полудрагоценный камень.

По вертикали:

1. Вулкан на острове Сицилия. 2. Зодиакальное созвездие. 3. Хребет Центрального Алтая. 4. Холодное оружие. 5. Электрическая соединительная арматура. 7. Автор «Хождения за три моря». 8. Русский портретист. 9. Виды на будущее. 10. Уподобление одного звука другому. 11. Остров в Тихом океане. 12. Оливковое дерево. 13. Химический элемент. 15. Рассказ. 21. Сборник произведений древнерусской литературы. 22. Волокнистое и масличное растение. 26. Приток Нила. 27. Животное семейства кошачьих. 30. Чешский живописец и график. 31. Ветер на берегу морей, озер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Давыдов. 4. Ткачиха. 8. Нуга. 9. Цикламен. 12. Упит. 13. Эзоп. 15. Курень. 16. Сари. 17. Доброскпонов. 18. Деятельность. 21. Гунт. 22. «Алмаст». 23. Ейск. 28. Узел. 29. Ровеньки. 30. Эдда. 31. Рассказ. 32. Фермата.

По вертикали:

1. Дюны. 2. Вогезы. 3. Овца. 5. Куна. 6. Импорт. 7. Анты. 10. Кругосветлов. 11. Монолитность. 14. Проспект. 16. Столетие. 19. Рубенс. 20. Осадка. 24. Буер. 25. Арфа. 26. Пике. 27. Гага.

«АРТУР»

На этом снимке, воспроизведенном из французского журнала «Наука и жизнь», изображен домашний робот «Артур», прислуживающий за столом. Как видите, металлический официант наливает кофе. «Артура» сделал 17-летний юноша Курт Голден (на снимке слева) из Окленда, что в Калифорнии. Механический раб, привязанный «за ногу» проводом, идущим от панели управления, поливает газоны, орудует пылесосом, ставит на место посуду, прислуживает за столом, легко поднимает тяжести до 50 килограммов.

На вкладках этого номера репродукции картин И. Айвазовского «Волна», И. Левитана «Тишина», В. Васнецова «Битва русских со скифами», А. Архипова «Рыболов» и четыре страницы цветных фотографий.

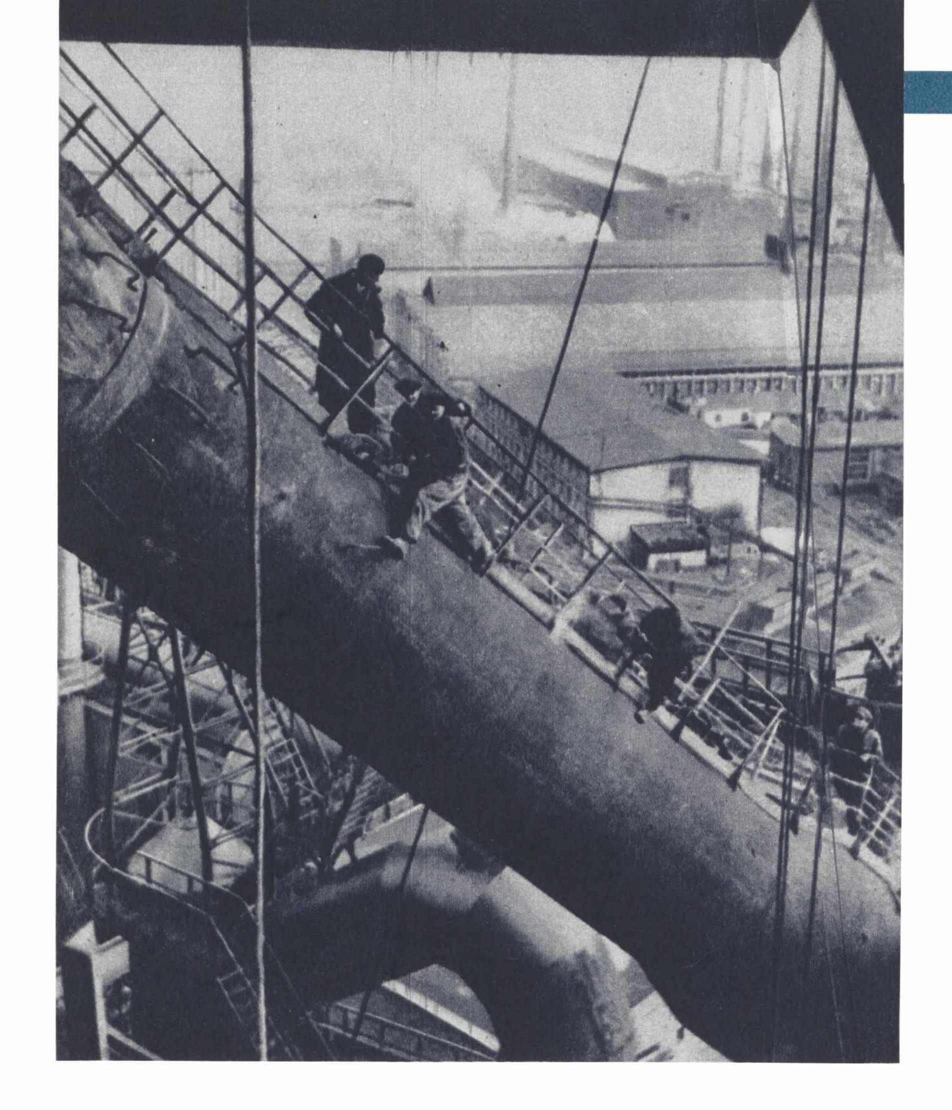

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

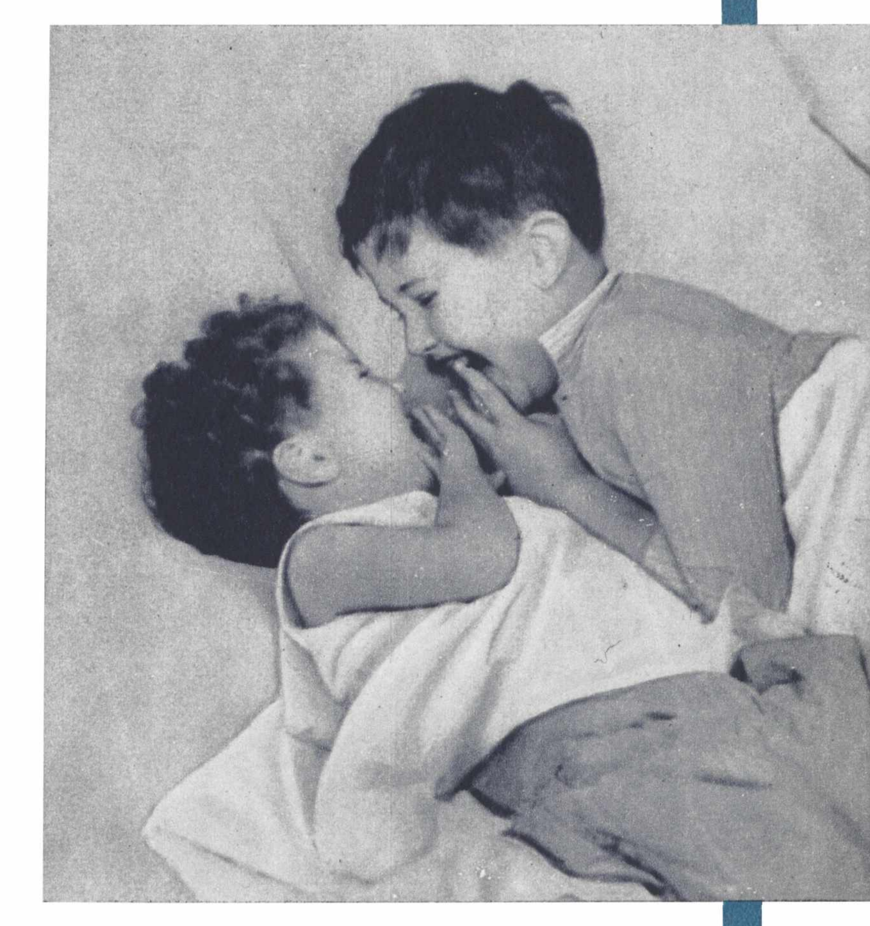
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00955. Подписано к печати 4/III 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 258. Заказ № 443.

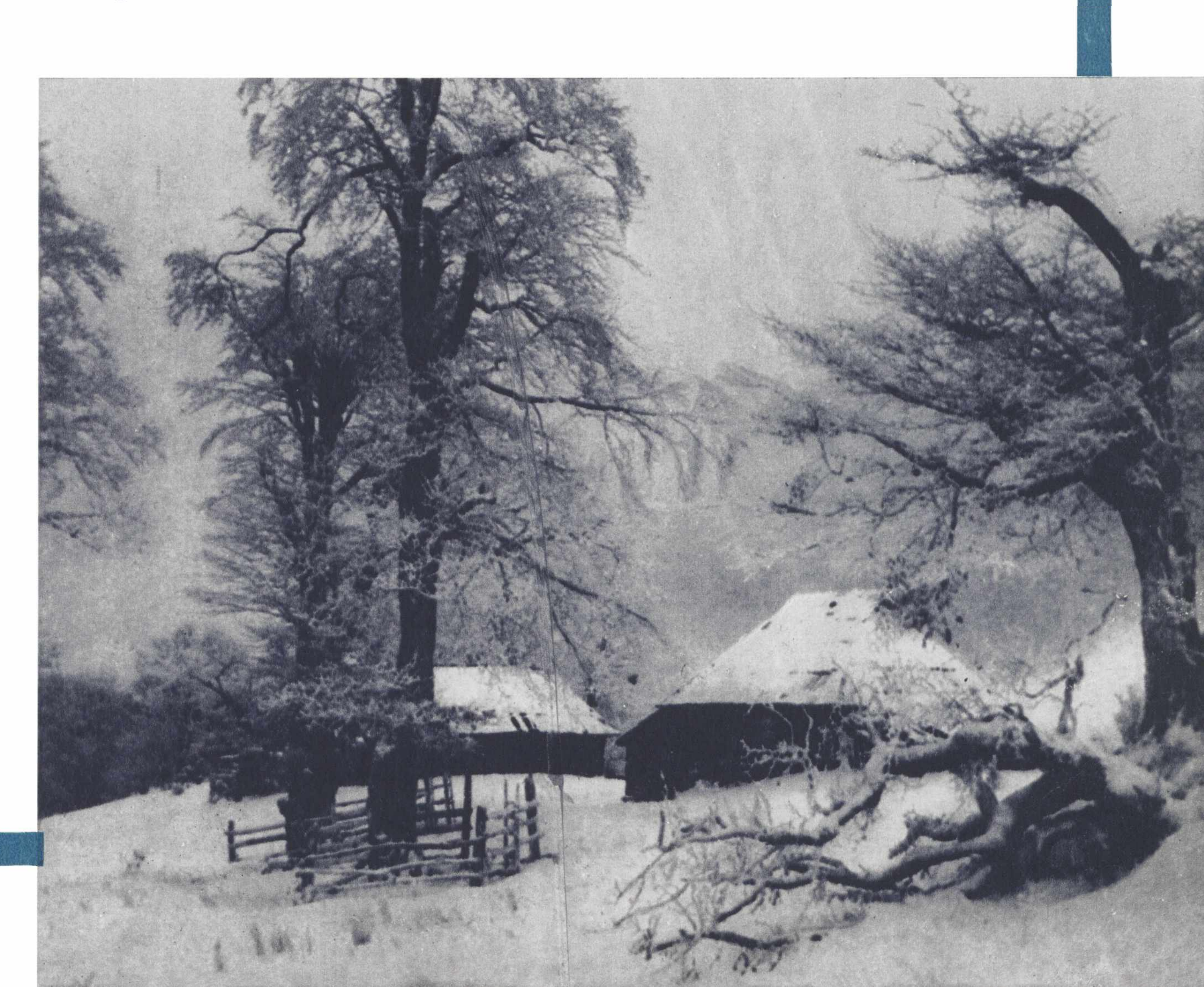
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Румынская фотовыставка в Москве

В выставке художественной фотографии Румынской Народной Республики, организованной в Москве ВОКСом и Румынским обществом дружеских связей с СССР (АРЛУС), приняли участие 47 мастеров, представивших 176 фотографий. Выставка пользовалась большим успехом. Ее посещало каждый день более 500 человек.

НА СНИМКАХ:

А. Кауффман. МОНТАЖ ДОМЕННОЙ ПЕЧИ.

Л. Грилль. СЧАСТЛИВОЕ УТРО.

И. Хорват. ПОСЛЕ ВЬЮГИ.

Цена номера 3 руб.

